

Сибирский филиал
Российского института культурологи МК РФ
Омское отделение
Межрегионального Общества интеллектуальной истории

В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова, Д.А. Алисов

**Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические
представления, региональные социокультурные и историко-
культурологические характеристики**

(на материалах Западной Сибири)

Омск 2004

ББК 85.103(2P53)

Р 396

*Рекомендовано к печати Ученым советом Сибирского филиала Российского
института культурологии Минкультуры РФ*

Рецензенты Доктор исторических наук В.Н. Худяков (Омский государственный педагогический университет) Кандидат исторических наук, доцент А.Г. Киселев (Югорский государственный университет, г. Ханты–Мансийск)

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш., Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / Отв. ред. В.Г. Рыженко. – Омск: ООО "Издательский дом «Наука»", 2004. – 292 с., 32 ил.

В коллективном труде обобщены современные поиски возможных междисциплинарных вариантов изучения сложных социокультурных феноменов, каковыми являются советский город, советская культура, культурно–цивилизационный ландшафт крупных нестоличных городов и их трансформации в условиях т.н. «сталинской эпохи». Авторы впервые предприняли попытку на региональном материале рассмотреть динамику изменений социокультурных и историко-культурологических признаков инфраструктуры пространства крупных городов Западной Сибири с 1920-х по середину 1950-х гг. С помощью выборочно представленных визуальных источников обозначены возможности анализа фрагментов городского пространства.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (проект № 03-01-00492а)

ISBN 5-98806-27-X

© Авторы, 2004

©СФ РИК МК РФ, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга содержит обобщение результатов двухгодичных исследований, осуществленных участниками проекта «Культурное пространство западносибирского города в советскую эпоху (1920-е – 1950-е гг.)» (Проект поддерживался РГНФ в 2003–2004 гг.). Первоначальный замысел состоял в том, чтобы сосредоточить внимание на проблеме трансформации культурного пространства городов региона под воздействием специфики социально-политических и урбанистических процессов советской эпохи.

В то же время мы учитывали, что для современных исследователей, занимающихся региональной и локальной историей XX века, отечественной историей советской эпохи, становится все более очевидной необходимость обращения к общему историографическому контексту, к поискам в междисциплинарном проблемном поле. Кроме того, локальные исследования перестают восприниматься лишь как удел любительских поисков местных краеведов, значительная часть которых не относится к ученой корпорации историков. Начинается преодоление такого свойства советской историографии как негласное иерархическое территориальное разделение сферы исследования и результатов по критерию статусной значимости «Центр – периферия».

Важное суждение по поводу прежней ситуации высказывает современный уральский историк И.В. Нарский. Он пишет: «Общероссийская проблематика была монополизирована Москвой и Ленинградом, а региональная история досталась в удел провинциальным историкам и служила преимущественно не выявлению местной специфики, а иллюстрации официальных нормативных историографических клише»¹. Можно признать справедливость подобной оценки применительно к советской историографии в целом. Все же заметим, что поиски в отдельных исследовательских направлениях и, в частности, в истории советской культуры в Сибири, начиная с 1960-х гг., имели существенные отличия от иллюстративного клише. Возможно,

---

¹ Нарский И. К вопросу о прошлом и будущем политической локальной истории поздней Российской империи // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. ст. / Под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 24.

это было связано с масштабами сибирского региона, с его особой ролью в общероссийской истории, с наличием в составе профессиональных историков исследователей, тяготеющих к фундаментальным вопросам исторического знания. Неслучайно сибирские историки культуры и интеллигенции во главе с В.Л. Соскиным с середины 1980-х гг. стали активно продвигать идеи системного изучения культурных процессов. Однако столичные коллеги продолжали сохранять отношение к сибирской историографии как к краеведческим занятиям, несмотря на то, что организующим центром изучения истории Сибири был академический институт в структуре СО АН СССР. Этапы и особенности становления российских концепций локальной и региональной истории, равно и соответствующих ветвей историографии требуют специального изучения, поскольку это тесно связано с поисками новых способов познания сложных объектов и процессов, с конструированием междисциплинарных исследовательских моделей. Под таким углом зрения следует рассматривать и краеведение, представляющее собой не только любительские познавательные практики, но и уникальный социокультурный феномен. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением И.В. Нарского, что «для части профессиональных историков бегство в позитивистски окрашенное краеведение было спасением от официальных идеологических нормативов».

Дело даже не в том, что сфера краеведения могла послужить своего рода укрытием, а в том, что «бегство» ассоциируется с временным и вынужденным занятием. Сущность краеведческих изысканий как особой формы истории отечественной исторической науки и краеведения как сложного социокультурного феномена в истории России XX века пока недостаточно осмыслены. До сих пор отсутствует историографическое объяснение мотивов смены ключевых понятий «родоноведение», «местная история», «краеведение», которыми в разное время оперировали российские ученые, и которая завершилась к середине 1920-х гг. утверждением в качестве официально признанного только одного из них – последнего.

Гораздо внимательнее относятся современные историки к зарубежным научным традициям региональной и локальной истории, начиная их отсчет с 1960-х гг. Помимо статьи И. Нарского, это наглядно демонстрируют и другие публикации в сборнике,

на материалах международного научного семинара, проходившего в Челябинске в июне 2002 г.² Не умаляя значимости знакомства российских исследователей с трудами зарубежных коллег, выскажем нашу позицию. Для представления об истоках и этапах развития российской региональной истории и ее историографии необходимо его соединение с комплексно охваченным отечественным наследием и поисками провинциальной научной мысли вплоть до современной стадии.

Подтверждением такой необходимости может служить статья Л. Егоровой из упоминаемого сборника³, в которой в очередной раз за последние 15 лет «открывается» некоторый пласт наследия И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова, Н.П. Анциферова. Между тем, начиная от знаменательной конференции по историческому краеведению в Полтаве (1987 г.) и по настоящее время резко увеличилось число исследователей, обращающихся к теоретико-методологическим подходам представителей «петербургской школы» культурно-исторического краеведения, все чаще называемой культурологической, содержащей истоки современной культурологии. Существует обширная литература, среди которой выделяются работы Л.И. Сизинцевой, проведено немало научных конференций, где представлялись различные исследовательские практики, адаптировавшие методику «областных культурных гнезд» в соответствии с изменившимся историографическим и интеллектуальным современным контекстом, возникли разные трактовки содержания концепта «культурное гнездо». Пример Л. Егоровой демонстрирует сохранение стереотипных представлений о том, что наука делается только в столице (хотя в данном случае не учтены даже разработки столичных авторов, например, ее коллег по Российскому институту культурологии Т.О. Размустовой и Э.А. Шулеповой).

---

² См.: Репина Л. Новая локальная история // Там же. С. 10–19; Шустрова И. Интегральная история на локальном уровне: методы, источники, результаты // Там же. С.34–47.

³ Егорова Л. Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения в сфере локальных исторических исследований // Там же. С.48–55.

Приведенная ситуация подтверждает сохраняющуюся актуальность создания истории краеведения как одной из форм локальной истории и ветви исторической регионалистики (регионоведения), а также рассмотрения ее в контексте интеллектуальной истории и складывания интеллектуального пространства. Такой подход позволяет фиксировать совпадение во времени разнонаправленных процессов. Одновременно можно наблюдать востребование одних и тех же идей, например, изучения локальной культуры в качестве культуры «Места», и/или культуры регионального сообщества и дистанцирование этих попыток друг от друга. И то, и другое – примечательные черты пока еще фрагментарного современного интеллектуального ландшафта. Вместе с тем сама фрагментарность означает накопление разных исследовательских практик в определенных «точках роста» этого ландшафта и в перспективе приращение общей историографии.

В таком научном контексте определялась стратегия нашего исследовательского проекта и подходы к проблеме трансформации культурного пространства городов региона в условиях советской эпохи и официального соцреалистического канона советской культуры, обозначенной в качестве ключевой. Проблема относится к междисциплинарным. Актуальность ее разработки в таком качестве резко возросла в связи со стремлением к обособлению в 1990-е гг. ряда областей научного знания, в том числе исторической регионалистики и исторической культурологии. Участие российских историков в разработке проблемы прослеживалось слабо. Особый интерес для участников проекта представляло выявление специфических признаков культурно-цивилизационного ландшафта в городах отдельных регионов России и их динамики в условиях идеологических приоритетов социалистического строительства, а также создание «соцгородов» как нового типа поселений. Мы исходили из того, что такого рода задачи не выделялись в отечественной истории культуры XX в. в качестве самостоятельных и не входили в перечень исследовательских направлений в общих историко-культурных разработках прежних лет.

Методологической основой для реализации проекта стали принципы междисциплинарного подхода, а в качестве опорной исследовательской модели была выбрана историко-культурологогородоведческая модель, разработка которой уже велась В.Г. Рыженко на материале

крупных городов Сибири 1920-х гг. и была представлена в завершающем виде в авторской монографии в конце 2003 г.⁴

Наше коллективное исследование осуществлялось на конкретном материале одного из крупнейших регионов России – Западной Сибири. Эта территория, особенно несколько городских поселений (Новосибирск, Сталинск, Кемерово) стали, начиная с 1920-х гг., своеобразным полигоном для политических, экономических и социокультурных экспериментов, осуществлявшихся по планам форсированного социалистического строительства. В годы Великой Отечественной войны пространство западносибирских городов, в первую очередь, таких крупных центров как Омск и Новосибирск, подверглось существенным деформациям, включив в себя «инородные» ядра в виде эвакуированных предприятий. Послевоенные годы (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.) – это время «вживления» поселков, возникших при заводах, в городской культурно-цивилизационный ландшафт, проходившее в условиях новой стратегии развития советских городов, вырабатывавшейся в Центре, упрочения особой роли архитектуры и градостроительства в трансляции официальных культурных ценностей сталинской эпохи.

Существенным фактором, оказавшим сильное воздействие на общий исследовательский контекст и на наши замыслы, стал поворот к исторической урбанистике в контексте истории культуры. Об этом свидетельствуют труды Научного совета по истории мировой культуры РАН (ответственный редактор Э.В. Сайко)⁵. Изучение пространственно-географических аспектов в связи с теорией и историей российских модернизаций укрепило внимание исследователей к проблеме роли урбанизации и городов в региональной динамике модернизаций⁶.

---

⁴ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург-Омск, 2003.

⁵ См., например: Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999; Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 2001 и др.

⁶ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000. С.103–128.

Среди недавних публикаций выделяется монография А.С. Сенявского⁷. Автор убежден, что полноценное исследование подобных сложнейших процессов возможно только на путях комплексного подхода и с опорой на историко-теоретические построения.

Другое необходимое предварительное замечание историографического свойства касается того обстоятельства, что и в имеющихся отраслевых исследованиях внимание к советскому городу, а тем более к его культурному пространству, пока минимально. В российском масштабе об этом свидетельствует недавняя публикация первого и пока единственного специального монографического труда Ю.Л. Косенковой⁸. Исследовательница рассматривает творческие поиски советских архитекторов и градостроителей и практику строительства городов во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Важно, что одновременно автор ставит проблему соотношения человека и пространства, выделяет изменения в ее трактовках архитекторами на протяжении всей сталинской эпохи. На сибирском материале это пока не сделано.

Осмысление перечисленных признаков и изменений в современной историографической ситуации вывело историков культуры – участников проекта на неизведанную территорию. Однако наши действия осложнились еще и в силу общей историографической ситуации в сибирском регионе, в которой до середины 1980-х гг. изучение городов хронологически доходило до начала XX века, а проблемное поле включало преимущественно социально-экономические, политико-административные и правовые аспекты истории сибирского города. Единственной темой, близкой к истории культуры региона в XX в., было описание памятников истории и культуры, чему в сибирской

---

⁷ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.

⁸ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.: От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.

историографии, начиная с 1978 г., посвящалось несколько сборников статей⁹.

Принятие в 1986 г. комплексной исследовательской программы «Исторический опыт изучения и освоения Сибири» определило поворот в региональной историографии к новому этапу и в сибирской урбанистике. В 1987 г. появился первый научный сборник, посвященный урбанизации в Сибири¹⁰. Он открывался статьей В.В. Алексеева, где среди перспективных задач сибирской историографии было указано на необходимость обобщения исторического опыта урбанизации в регионе, изучения советского периода истории сибирских городов, изменений в социально-классовой структуре их населения, в численности и составе интеллигенции.

Со второй половины 1990-х гг. наметились некоторые изменения и в этом сегменте сибирской историографии (Д.Я. Резун). Историко-культурная проблематика начинает занимать больше места. Регулярным становится измерение положения с помощью научных межотраслевых конференций с центром этой деятельности в Омске (главный организатор Д.А. Алисов). Публикуются региональные сборники научных трудов, посвященные сибирским городам и городской культуре¹².

Примечательным явлением в новейшей сибирской урбанистике с выходом на проблемы истории сибирского города в советскую эпоху стала монография Н.М. Дмитриенко¹³. Ее исследование

---

⁹ См., например: Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978; Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986; Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989; Памятники Новосибирской области Новосибирск, 1989 и др.

¹⁰ Урбанизация советской Сибири / Отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск, 1987.

¹¹ Алексеев В.В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири... С. 18–23.

¹² См.: Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 1994; Городская культура Сибири: история и современность. Сб. ст. / Отв. ред. Д.А. Алисов. Омск, 1997; Сибирский город XVIII – начала XX веков. Сб.ст. / Отв. ред. В.П. Шахеров. Иркутск, 2000; Городская культура: традиции и новации. Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Красильников, Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2002.

¹³ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.

продемонстрировало возможности локального подхода, широко распространенного в зарубежной историографии, и особенно эффективного для комплексного изучения сложных процессов в переломные периоды истории на материалах одного большого города. В данном случае был избран Томск, который Н.М. Дмитриенко называет наиболее интересным объектом для выявления сущности процессов индустриализации и урбанизации в Сибири. В монографии имеются сюжеты, относящиеся к деятельности томской интеллигенции в культуре города. Налицо новые познавательные мотивации у сибирских историков, их стремление к объединению усилий по изучению социокультурных процессов в сибирских городах.

В качестве важной историографической мотивации для корректировки нашего замысла учитывалось, что в отдельных зарубежных исследованиях, где историко-урбанистическая проблематика оформилась в самостоятельную область в 1970-е гг., ее изучение уже к началу 1980-х гг. приобрело характер междисциплинарной кооперации¹⁴. Для исследований немецких ученых в 1980-е гг. было характерно внимание к разнообразию связей деятельности людей, в том числе отдельных профессиональных групп, с пространством определенного места. Это исходит из глубоких историко-культурных и краеведческих (родиноведческих) научных традиций. Выделим одно из направлений, наиболее близкое нашему замыслу. Оно связано с философским осмыслением понятия «Места» в контексте феномена родиноведения и трактовки понятия «Родина»¹⁵.

В ходе работы над заявленным проектом принималась во внимание актуализация «забытого» опыта. Она нашла одно из теоретических воплощений в недавно предложенной трактовке «областного культуроведения» как регионального принципа сохранения и использования

---

¹⁴См., например: Veröffentlichungen des Institut für vergleichende Stadtgeschichte in Minister. Bd. 7. Voraussetzungen und Methoden Geschichtlicher Stadtforschung. Bohlau Verlag. Köln, Wien. 1979; Bd. 16. Urbanisierung im 19. und 20. Jahrhundert: Historische und geografische Aspekte. Köln, Wien, Bohlau. 1983.

¹⁵См.: Piepmeier R/ Philosophische Aspekte des Heimatbegriffs // Heimat. Analysen, Themen, Perspektiven. Diskussionsbeiträge zur politischen Didaktik. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn. 1990. S.91–107.

историко-культурного наследия¹⁶. По мнению Э.А. Шулеповой, процесс изучения «культурных гнезд» в начале XX в. и современный поворот мировой научной мысли к ситуативной историографии (case study) имеют общие цели и методологию. Ответвлением этой линии можно считать изучение на материалах отдельных территорий России роли локальных сообществ как фактора «интеллектуального единения» региона и их деятелей в формировании местной культурно-информационной среды, а также постановку проблем методологии и методики изучения региональной культуры в формировании регионального самосознания и региональной идентичности¹⁷.

В конце 1990-х гг. в связи с идеями междисциплинарности и проблемами символов региональной идентичности в общую научную ситуацию добавляется усиление интереса к метафизике в целом, особенно к метафизике города со стороны философов и культурологов. Нами были осмыслены и соотнесены с собственными наработками подходы саратовских исследователей к изучению культурного пространства своего города¹⁸ и пермского историка В.В. Абашева, который ввел понятие местного (в данном случае пермского) текста как локальной структурно-семантической категории русской культуры¹⁹.

Таким образом, в менявшемся исследовательском контексте формировался междисциплинарный сегмент, соединяющий поиски историков, культурологов, семиотиков культуры и городского пространства, а также позволяющий при анализе советской культуры сталинской эпохи уйти от очередного одномерного (усредненного) варианта в виде распространившихся в конце XX столетия концепций тоталитарного общества и тоталитарного искусства. В новый сегмент органично

---

¹⁶Шулепова Э.А. Наследие как интеграционный компонент памяти поколений // От краеведения к культурологии. Российскому институту культурологии 70 лет / Отв. ред. К.Э. Разлогов. М. 2002. С. 163–165.

¹⁷См., например: Орешина М. А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000. 196 с.; Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.

¹⁸Пространственность развития и метафизика Саратова. Сб. науч. ст./ Отв. ред. Т.П. Фокина. Саратов: Поволжская академия госслужбы, 2001.

¹⁹Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.

вписались действия участников проекта, позволившие в итоге структурировать собранный и обобщенный материал в виде предлагаемой книги из трех частей.

Первая часть книги включает теоретико-методологические аспекты вхождения в проблему и осмысление новизны исследовательских практик, появившихся в 1990-е гг., в том числе в изучении дискуссионных вопросов теории и истории советской культуры. Вторая часть представляет результаты конкретно-исторических исследований, осуществленные участниками проекта и отражающие динамику социокультурных и культурологических трансформаций культурно-цивилизационного ландшафта отдельных городов Западной Сибири. Впервые в научный оборот вводится информация из ряда архивных фондов Государственных архивов Омской и Новосибирской областей (ГАОО и ГАНО). Ранее они историками культуры не привлекались и практически не использовались другими отраслевыми исследователями. Например, к таковым в ГАОО относятся материалы Фонда 1212 (Омский городской отдел зеленого строительства), в ГАНО это материалы фонда 1444 (Новосибирская организация Союза архитекторов СССР) и личного фонда архитектора Е.А. Ащепкова (Ф.2102). Помимо этого с помощью архивных источников уточняются некоторые сведения, имеющиеся в опубликованной литературе. Отраслевые издания (труды региональных специалистов в области истории градостроительства и архитектуры) привлекаются как исторический источник.

В третьей части книги рассмотрены возможности использования для междисциплинарного изучения культурного пространства западносибирских городов такого комплекса источников как визуальные материалы. В более чем тридцати иллюстрациях воспроизводятся фрагменты культурно-цивилизационного ландшафта отдельных городов региона, являющиеся несомненными знаковыми признаками советской культуры, и даются историко-культурологические комментарии к ним. На этой основе мы попытались представить образную характеристику города советской эпохи, начиная с 1920-х гг. и вплоть до середины 1950-х гг., в слиянии желаемого и действительного, идеологических мифов, материализованных в символических сооружениях, и реалий повседневной жизни.

Далеко не вся обнаруженная информация вошла в содержание предлагаемой книги. Так, например, еще предстоит дополнительный анализ учетных личных карточек членов Омского отделения Союза советских архитекторов периода 1941–1945 гг., найденных В.Ш. Назимовой²⁰. Накапливается база данных о современном состоянии памятников, памятных мест и архитектурных сооружений сталинской эпохи, формируется фонд фотоматериалов, характеризующих исчезновение советского субкультурного слоя из ландшафта города постсоветского времени. Эти вопросы требуют специального рассмотрения, поскольку тесно сопрягаются с проблемами формирования массового исторического сознания, закрепления подлинной или искаженной исторической памяти.

В подготовке книги участвовали: руководитель проекта В.Г. Рыженко (разработка общей концепции книги, написание текстов первой части совместно с В.Ш. Назимовой, написание разделов 2.1. и 2.4. второй части и раздела 2.3. совместно с В.Ш. Назимовой, отбор визуальных материалов для третьей части и написание комментариев к ним). Участники исследовательской группы: В.Ш. Назимова (написание текстов первой части и раздела 2.3. второй части совместно с В.Г. Рыженко), Д.А. Алисов (написание раздела 2.2. и предоставление иллюстративных материалов для третьей части). Предварительную техническую обработку иллюстраций и подготовку рукописи для печати осуществляла О.В. Гурова-Петренко.

---

²⁰ См.: Личная папка архитектора Д.С. Бутырина // Текущий архив Омского отделения Союза архитекторов России.

ЧАСТЬ 1. РОССИЙСКИЙ ГОРОД XX ВЕКА И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ

Для историков, занимающихся региональной и локальной проблематикой, важно, что многие ученые на пороге XXI в. отметили актуальность кардинального расширения поля научного поиска внутри российской регионалистики. Так, В.В. Алексеев¹, возглавляющий Институт истории и археологии УрО РАН и в настоящее время занимающийся изучением процессов модернизации России на региональном материале, убежден, что, прежде всего, необходимо усилить политологическое и культурологическое направление в новой области знания, а также увеличить временной горизонт региональных исследований, что означает, по его мнению, формирование исторической регионалистики. Подобные выводы были сделаны и в рамках двух специальных международных встреч, состоявшихся в 1999 г. в Рязани и в 2000 г. в Санкт-Петербурге. Это означало и изменение статуса локальной истории в российской историографии.

Правомерность и актуальность выбора историко-культурологического варианта изучения «местной» культуры подтверждается новейшими предложениями перейти к осмыслению истории России как истории «регионального пространства» (на наш взгляд, точнее – «региональных пространств» – В.Р., В.Н.) и активными поисками методологических подходов такого изучения². В известной степени это будет означать востребование и особую актуализацию стратегической задачи написания истории культуры России как истории «областных культур», в которой высока формирующая роль городов-центров. Дополнительной мотивацией историко-культурологического ракурса изучения интересующей нас проблемы можно считать процессы формирования и самоопределения («осознания себя»), присущие внутреннему

---

¹ Алексеев В.В. От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 10.

² См., например: Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М.: МГИУ, 2000. 196 с.

состоянию современных местных (регионально-локальных) социокультурных сообществ, главным образом, научных и общественно-просветительных.

Усилившаяся тенденция к междисциплинарности позволяет по-новому увидеть те или иные объекты внутри обособленных «своих» предметных полей отдельных наук, а также определить общее пространство комплексных исследований. Для историков культуры и культурологов указанные процессы отличаются особой динамичностью, так как их объектно-предметные области обладают множеством разнообразных проблемных комбинаций. Последние отражают конкретно-исторические трансформации смыслов, знаков, символов, возникающих в результате деятельности человека и создающих причудливый рисунок конкретно-исторической динамики локального, регионального и глобального движения культур. Для XX века в целом, тем более в условиях его рубежных (переломных) ситуаций (XIX–XX, XX–XXI), эти признаки дополняются особой ролью диалоговых связей.

Участники проекта осознают принципиальную важность того, что сгущение импульсов развития культуры имеет точечный (очаговый) характер и естественную привязку к «Месту», становящемуся «культурным пространством», где наслаиваются и закрепляются вещи и символы культуры. В этих наслоениях следует искать взаимосвязи локального, регионального, общероссийского своеобразия и признаки проявления глобальных социокультурных процессов XX века. Особая роль в этих процессах принадлежит городам.

Обозначим задачу первой части книги – показать возможную теоретико-методологическую опору для изучения истории «местной» культуры, важной частью которой является динамика символических и реальных координат городского культурно-цивилизационного ландшафта, с учетом накопленного отечественного наследия и поисков, ведущихся в современных исследованиях. Естественно, что это возможно лишь в соединении теоретических и историографических подходов, в отслеживании общего интеллектуального контекста, в котором сегодня рождаются новые проблемные поля и возникает потребность в применении междисциплинарных исследовательских моделей.

Такую направленность имеет содержание первой части книги. Основа ее параграфов – тексты статей и докладов на научных конференциях, которые фиксировали промежуточные результаты наших исследований и публиковались преимущественно в малотиражных сборниках научных статей и материалов конференций. Они были написаны авторами в ходе подготовки и реализации проекта, а при составлении рукописи книги дополнены с учетом анализа новейших публикаций. Концептуальные методологические положения, связанные с разработкой авторской междисциплинарной («историко-культурологогородоведческой») модели, были включены в упомянутую в предисловии монографию В.Г. Рыженко. Можно считать, что в данной книге предлагается вторая стадия апробации этой модели, для чего необходима отсылка к первоначальным текстам и определенный повтор с последующим углублением в новое проблемное поле.

1.1. О возможностях историко-культурологического изучения российского города XX века

Современная ситуация во многих областях научного знания, особенно в гуманитарных науках, характеризуется интенсивными теоретическими поисками, размышлениями над понятиями, уточнением их содержания, усилением внимания к объектам, требующим междисциплинарного анализа. Одним из таких в 1990-е гг. становится город как социокультурный феномен. Ставится проблема его национально-государственной специфики, в рамках которой наблюдается обращение к истории российских городов, включая их развитие в XX веке. Этими проблемами занимаются не только отечественные специалисты. Отметим, что уже во второй половине 1990-х гг. появились результаты работ по крупным исследовательским программам, осуществляющихся московскими учеными под руководством Э.В. Сайко.

Одна из новейших монографий этого цикла посвящена новой и сложной проблеме – город как носитель динамических потоков социальной эволюции³. Сам город при этом рассматривается как саморазвивающаяся, саморегулирующаяся через поведение людей, термодинамически открытая система, включающая совокупность антропогенных – технических, социальных, экономических и т.п. – подсистем. Такова новая парадигма его изучения, предложенная и развиваемая Т.И. Алексеевой–Бескиной⁴. Она выделяет ключевой механизм – неизменный элемент системы при любых ее трансформациях и модификациях – *социогеном*, в котором обобщены некие социопрограммы. Концентраторами информации социопрограмм предстают города во всей сложности их жизнедеятельности, с перманентными изменениями, особенно интенсивными в переходные периоды истории.

В отношении города XX века она исходит из того, что это неперменный элемент урбанизированной зоны, насыщенной разнообразными типами поселений, системами коммуникаций, производствами,

---

³ Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 2001.

⁴ Там же. С.71–162.

сельскохозяйственными и другими природными локусами, он пронизан системными связями самой различной природы. Что же касается российского города, то некоторые его типы, например, «соцгорода», она называет уродливыми порождениями «теорий градостроительства» советских времен.

Немецкий исследователь Л. Эррен на основе анализа истории советских индустриальных городов Урала предложил свое видение ситуации с проектированием и строительством «социалистических городов»⁵. Он утверждает, что, во-первых, центральное планирование «соцгородов», как показывает пример Магнитогорска, было хаотическим, далеким от местной практики, во-вторых, между идеями «марксистски ориентированных планировщиков города» и реальными действиями промышленных руководителей, которых он считает «хозяевами», не было никаких связей, отсюда строившаяся временная инфраструктура этих городов рождала нечто похожее, по мнению Л. Эррена, на уральские заводские поселения XVIII в. Нам представляется все вышеперечисленное спорным, требующим дополнительного изучения, в том числе за счет расширения проблемного поля и встраивания вопроса о «социалистическом городе» и «социалистическом типе расселения» в общую историографию отечественной культуры советской эпохи.

В 1990-е гг. появляются новые ракурсы видения тех или иных объектов внутри «своих» предметных полей гуманитарных наук, определяются пространства междисциплинарных исследований. При этом востребуются некоторые оригинальные концепции и методики 1910-х – 1920-х гг., относимые в настоящее время к истокам отечественной культурологической мысли, в известной степени опережавшей исследования зарубежных ученых, например, оформившуюся позже школу «Анналов». Для историков культуры и культурологов эти процессы отличаются особой динамичностью, так как их объектно-предметные области обладают множеством разнообразных проблемных комбинаций. Последние отражают конкретно-исторические трансформации

---

⁵ Эррен Л. Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003. С.151–162.

смыслов, знаков, символов, возникающих в результате деятельности человека и создающих причудливый рисунок конкретно-исторической динамики локального, регионального и глобального движения культур.

Обозначим направленность предлагаемого начала первой части книги – показать возможную теоретико-методологическую опору для современных поисковых версий, разрабатываемых историками культуры при изучении города XX в., останавливаясь специально на ситуации в новейшей историографии и на вопросе о возможных историко-культурологических подходах к анализу культурного пространства города в советскую эпоху.

Последнее особенно важно, поскольку за 1990-е гг. проблематика, связанная с изучением истории культуры России и регионов в условиях советского периода, стремительно отодвинулась на одно из последних мест в современной отечественной историографии. На наш взгляд, необходимо не только сохранение этой проблематики с включением в нее и прежних традиционных тем по истории советского культурного строительства, но и рассмотрение всего спектра на макро- и микроуровнях. В этом случае макроуровень дает нам понимание советской культуры как одного из реально существовавших в культуре XX века субкультурных пластов, который утверждался официально в государственной политике как приоритетный. Используя одновременно микроанализ можно вычленить специфику проявления этой линии и признаки регионального и локального своеобразия советской субкультуры. Естественно, что для нас оба указанных среза увязываются с конкретно-исторической динамикой (временная координата) и с определенным «Местом» (территориально-поселенческая или пространственная координата). Для нашего замысла важно обозначить еще одно измерение, связанное с особенностями культуры и социокультурных процессов в XX веке. Назовем его «цивилизационной координатой». Оставляя в стороне глобальные дискуссии о соотношении понятий «культура» и «цивилизация», уточним необходимый для нас в данном случае инструменталистский термин – вариант обозначения третьего измерения – «культурно-цивилизационный ландшафт». С его помощью мы акцентируем внимание на ведущей роли организованной деятельности людей в преобразовании того

или иного места, его пространства. При этом организующим фактором выступают социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы, однако уникальность облику и атмосфере «местного» пространства придает включение в структуру и образ такого ландшафта духовно-творческая («проектная») деятельность «штучной» интеллигенции и ряда сообществ – носителей инновационных идей и идеалов. Добавим, что мы используем при этом преимущественно два варианта перевода термина *Landschaft*: 1) край, местность, провинция и 2) ландшафт, пейзаж, вид. Именно в них заложены акценты, важные для историко-культурологического исследования.

Для выхода за рамки прежних моделей изучения культуры и интеллигенции такой поворот означает, прежде всего, приоритет *территориально–пространственной координаты*. В настоящее время ее роль становится все более принципиальной. Это подтверждается усилением внимания к изучению региональных особенностей исторического опыта, а также укреплением тенденций к становлению исторической регионалистики в 1990-е гг.⁶ Существенное дополнение проистекает из того, что в настоящее время рассмотрение российской цивилизационной специфики применительно к истории XX в. должно учитывать контекст развития высшей стадии глобального урбанизационного процесса. Эта стадия ведет, по мнению А.С. Сенявского⁷ (одного из ведущих разработчиков данной проблематики), к радикальному преобразованию всего общества на «городских началах» и проявляется в завершении т.н. «урбанизационного перехода» в условиях форсированной трансформации и парадоксального характера российских модернизационных процессов. Обратимся к некоторым принципиальным для нас суждениям А.С. Сенявского, высказанным в его недавней монографии⁸. Ученый констатирует сохраняющуюся

---

⁶ См. подробнее об этом: Алексеев В.В. Регионализм в России. Екатеринбург, 1999.

⁷ Сенявский А.С. «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация, результаты // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С.216–237.

⁸ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

недооценку в отечественной историографии важнейшего ракурса рассмотрения нашей истории, особенно в XX в. – урбанизационного процесса и одновременное активное становление в последние 10–15 лет исторической урбанистики⁹. Важно восприятие автором сущности города как формы существования современного общества, функционального элемента конкретной социальной системы, основанного как тип поселения на концентрации материального несельскохозяйственного и духовного производства. Что же касается подхода А.С. Сенявского к трактовке советского города, то он отличается стремлением к взвешенности научных оценок при сравнении российской урбанизации с развитием западных городов. Автор справедливо подчеркивает, что «явления в одной локальной цивилизации не могут быть образцом для аналогичных явлений в других, но все имеют право на существование»; а также, что в условиях «социалистического строительства» в СССР город как саморегулирующийся, самоорганизующийся, саморазвивающийся организм, как форма естественной концентрации многообразной деятельности трансформируется в «поселенческое приложение» форсированной индустриализации¹⁰.

Определяя в дальнейшем возможности историко-культурологического исследования, мы будем учитывать, что противоречивая динамика российских исторических реалий процесса урбанизации с ее региональным своеобразием должна была порождать и столь же аритмично сменяемые символические и мифологические образы города советской эпохи.

Выявленные тенденции и потребность в междисциплинарных контактах и межотраслевом взаимодействии активизировала выход наших поисков за пределы традиционной историографии. При конструировании своей исследовательской модели мы обращались к разнообразным изданиям, которые условно можно объединить в группу «культуролого-градоведческих». Критерием отнесения в данном случае выступает исследовательский интерес. Заметим, что из культурологических публикаций отдается предпочтение работам по исторической

---

⁹ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке... С.33.

¹⁰ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке ... С.78,84.

культурологии. Притягательность и перспективность использования культурологического подхода связана с возможностью «заземлить» изучавшиеся нами историко-культурные процессы путем помещения их в координаты определенного культурного пространства. Включение термина «культурное пространство» в наш методологический арсенал вызвано тем, что он определяется культурологами как подчеркивающий особую степень значимости для культуры XX в. самой категории пространства. По недавно высказанному мнению, С.Н. Иконниковой¹¹, в будущем возможно возникновение топографической культурологии, анализирующей генезис исторических форм культуры и архитектонику культурного пространства России и других стран. Сопоставим с этим выводом оценку общенаучной ситуации, данную примерно в это же время немецким ученым Карлом Шлегелем¹², с 1980-х гг. изучающим взаимосвязи городского культурного пространства и модернизационных процессов XX в. на материале европейских столиц и Петербурга. Он подчеркивает, что наука еще не занялась изучением реальной пространственной сложности локально обусловленного исторического процесса, его топографией, наиболее адекватно передающей плотность и сложность исторической жизни. В своих подходах Шлегель использует термин «modernite», понимая под ним самоорганизующееся, автономное общество граждан в период формирования массового общества и одновременно гражданскую культуру («Zivilkultur»).

Сравнивая перемены в пространствах Берлина и Петербурга, он особо фиксирует влияние экстремальных условий – войн и революций. Исследования Шлегеля можно назвать началом изучения интересующей нас проблемы путем соединения локального метода (когда на микроуровне два города выбираются в качестве объектов) и привычного сравнительно-исторического макроанализа (когда внимание концентрируется на поисках специфики развития объектов под действием глобальных факторов). Относительно реального состояния

---

¹¹См.: Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы Первого Российского философского конгресса. Т. VI. Философия культуры. Спб., 1997. С. 57.

¹²Шлегель К. Петербург – Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию, 1900–1935. Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997 г. Спб.: «Феникс», 1997. С. 219–234.

культуры Петербурга он делает вывод, что с революцией и гражданской войной наступает фундаментальный перелом: численность населения снижается на треть, в городе свирепствуют голод, холод и эпидемии; происходит «черный передел» жилья и выезд значительных контингентов старой элиты.

Все это, по его мнению, приводит к невиданным до сих пор в истории дезурбанизации и одичанию (причем речь идет об исчезновении носителей гражданской культуры – В.Р., В.Н.); город превращается в кулисы нового мира, который сюда вторгается; Петроград – Ленинград становится местом конфронтации двух несоединимых и неперевожимых на язык друг друга культур, преемственность наблюдается более всего в тех областях, где власти не могут отказаться от знания и интеллекта. Укажем еще на одно историографическое замечание Шлегеля. Он фиксирует существующие пробелы в изучении темы и видит их в отсутствии микроистории интеллектуальных связей между городами.

Таким образом, в рассматриваемой немецким исследователем урбанистической проблематике появляется близкая нам линия, которая связана с функцией диалога культурных пространств, и может изучаться в динамике своих конкретно-исторических признаков на материале крупных региональных центров переломной эпохи. Сибирские города в этом случае являются благодатным объектом, поскольку здесь влияние внешней экстремальности XX в. существенно меняло инфраструктуру культурно-цивилизационного ландшафта и трансформировало «Дух Места». Причем здесь прослеживаются и реальные, и символические взаимосвязи со столичными центрами.

Помимо результатов сопоставления перемен в «modernite» Петербурга и Берлина Шлегель предлагает свою гипотезу причин исчезновения богатых и сложных городских культур, в том числе в России. Он называет этот процесс «провинциализацией», когда городская культура исчезает как культурная, духовная и социальная субстанция, а затем и в результате физического насилия, причиненного «телу» города. Характеристика происшедшего с Петербургом – Ленинградом насыщена у Шлегеля явными культурологическими обобщениями, которые могут оказаться полезными для анализа культурного пространства российских нестоличных городов. Он подчеркивает,

что Петербург был мотором той динамики, жертвой развертывания которой он пал; он «был захлестнут движением, которое он сам вызвал к жизни и ускорил. Город был гигантской освободительной машиной, генератором движения, в сущности фантастической провокацией в досовременном, аграрном и имперском мире. Он был сосредоточием не только блестящей культуры, но и глубоко ненавистной власти, колониальным городом, анклавом маргинальной гражданской культуры. Нет ничего удивительного в том, что эта столица исчезла и от нее осталось лишь то, что годилось для новой империи: имперский жест бывшей столицы, культурная и воспитательная функция в соответствии с классическим каноном, наконец, миф о непобедимом городе Ленина».

На то, что городское культурное пространство – культурная среда – является особым социально-генетическим механизмом, передающим системы ценностей, несколько позже указывает Г.Н. Баженова¹³. Однако ее приоритеты отданы малому городу; пространство которого, по ее мнению, более эффективно в процессе передачи и воспроизводства «природных источников этнической культуры» и поддержания самобытности провинциального культурного пространства. Что же касается крупного города-центра, то, по ее мнению, иммунитет от культурных инноваций и от влияния энергетики массовой культуры в его пространстве значительно ослаблен. Нам представляется, что автор неправомерно жестко, непроницаемой преградой, разделяет социокультурные процессы, идущие в городах разного типа в XX в.

Мы учитываем и другую точку зрения, в которой внимание исследователей фокусируется на важности взаимосвязей личности и пространства. Сошлемся из новейших подтверждений на позицию О.И. Горяиновой¹⁴. Она подчеркивает, что изучить личность в культуре, то есть понять ее мотивы, реконструировать смыслы, определить

---

¹³Баженова Г.И. Культурная среда города: внутренние и внешние связи // Духовно-культурные процессы в современной России. М.: Росс. Акад. Гос. службы при Президенте РФ, 1998. С. 60.

¹⁴Горяинова О.И. Человек в культурном пространстве // Время культуры и культурное пространство. Сб. тезисов докладов международной научно-практической конференции (Москва, 11–13 декабря 2000 г.). М., 2000. С. 8–9.

ценностные приоритеты, можно только применительно к конкретным историческим и социальным условиям ее существования, а такой анализ требует введения категории культурного пространства, в котором одновременно определяются координаты внешнего существования личности и параметры внутриличностного бытия культуры. Примечателен ее акцент на то, что культурное пространство на макроуровне определяется понятием культурной синхронии. Она предлагает ввести в исследовательский инструментарий дополнительную категорию – «культурный опыт», но не с хаотическим «набором норм» в его содержании, а в качестве иерархически выстроенной смысловой системой. В итоге ее теоретико-методологическая модель культурного пространства человека определяется двумя уровнями и двумя системами порядка: социальным и индивидуально-личностным. При этом именно вторые составляющие обеспечивают существование человека в культуре, культурные смыслы его деятельности.

К пионерным работам, в которых анализируется проблема взаимодействия культуры и пространства в историческом времени и на материалах России, относится особо ценное для нашего проекта исследование Ю.А. Веденина «Очерки по географии искусства»¹⁵. В нем автор предлагает свою концепцию культурного ландшафта и рассматривает в качестве одного из главных механизмов формирования территориальной структуры искусства действие традиций и инноваций. Ю.А. Веденин обращает внимание на то, что до сих пор исследователи-географы оперируют обедненным представлением о культурном ландшафте. Ссылаясь на зарубежные публикации, он указывает, что их авторы, признавая активную роль духовной культуры в формировании образа территории, не включают ее саму в содержание ландшафта. Он предлагает при толковании понятия «культурный ландшафт» опираться на широкое представление о культуре как множестве технологий и результатов человеческой деятельности и использовать в качестве наиболее конструктивной методологической основы учение В.И. Вернадского о ноосфере, а также учитывать, что в культурном ландшафте происходит накопление интеллектуально-духовной энергии.

---

¹⁵ Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М., 1997. 224 с.

Заметим, что хронологические рамки географического анализа искусства у Ю.А. Веденина с выделением центров (ареалов) концентрации художественной культуры охватывают период от древней Руси до начала XX в. Из XX века автор включает небольшие фрагменты, в частности, о продолжении процесса освоения русской провинции и после 1917 г., особенно в 1920-е – начале 1930-х гг. (вывод сделан применительно к сети новых художественных студий, в числе которых упомянуты и некоторые сибирские объединения).

Мы уже высказывали свое несогласие с отдельными тезисами и выводами Ю.А. Веденина по поводу строгой иерархии городов как центров формирования «сгустков» интеллектуально-духовной энергии. Поскольку этот вопрос для нас является принципиальным, то повторим, что для изучения культуры российской провинции, ее регионально-локальной специфики следует относить к центрам сгущения социокультурных процессов любой город, независимо от его величины и административного статуса. Различия, на наш взгляд, будут в степени интенсивности этих процессов и их результатах для формирования инфраструктуры культурного пространства.

Внутри «культуролого-городоведческих» исследований мы выделяем условно два направления – «московское» и «петербургское». К первому относятся разработки, начало которым было положено сборниками НИИ культуры Министерства культуры и АН СССР (эта исследовательская ячейка позже была преобразована в Российский институт культурологии МК РФ). В них со второй половины 1980-х гг. изучался культурный потенциал современных городов, в том числе поднималась проблема внутренней социокультурной стратификации и контактов разных групп городского населения. Среди разработчиков обратим внимание на В.Л. Глазычева, в дальнейшем возглавившего независимую исследовательскую организацию научно-практического характера, основным объектом деятельности которой стала регенерация историко-культурной среды малых городов. В трудах представителей этого направления содержится несколько важных принципов, полезных для историков культуры. В частности, речь идет о возрождении полноценного статуса такого культурологического понятия как «Место», о придании новых акцентов понятию «культурный потенциал города» указанием на значение в нем т. н. «активного меньшинства».

Назовем признаки второго – «петербургского» – направления. В нем значительный пласт составляют философско-культурологические труды Д.С. Лихачева и М.С. Кагана. Кроме того, в 1992–1993 гг. появляется сборник статей «Город и культура» (отв. ред. П.А. Подболотов), в котором интересующие нас теоретические и конкретно-исторические проблемы, в том числе диалога культур, затрагивались преимущественно на личностном уровне и в контексте инфраструктуры городской культуры. Особенно примечательны в нем статьи М.С. Кагана «Культура города и пути ее изучения» и Б.А. Смагина «Социокультурная городская среда и развитие личности». Из первой отметим суждение известного культуролога о том, что город обретает свой целостный и, в каждом случае, специфический, культурный облик благодаря превращению духовных качеств горожан в предметное бытие городской среды и творимых в ней продуктов материального, духовного и художественного производства. Во второй работе сопряжение городской среды и человека предстает как динамичная система личностных и групповых связей и взаимодействий, духовных и материальных, и, следовательно, постоянно рождающая потребности в диалоге. Местом, где диалог культур становится наиболее значимой характеристикой, в том числе и для конкретно-исторического исследования, является центральная часть города (его ядро), задающая «образ города» – каждому свой.

В данном случае к социальным и этнонациональным граням проблемы добавляется еще и локальная, фокусирующая способ самоопределения личности в городском пространстве на диалоге «образов места». Внимание к категории «Дух Места», к ее роли для изучения на стыке истории и культурологии динамики процессов, происходящих в XX веке в пространстве конкретного Места, свидетельствует о восстановлении научно-исследовательской традиции отечественных гуманитарных наук, заложенной на рубеже XIX–XX вв. в «Северной столице» трудами Н.К. Пиксанова, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, а затем прерванной установлением «единственно верной» методологии «Краткого курса истории ВКП(б).

Как нам представляется, обе линии соединились в уже упомянутых выше специальных академических изданиях, появившихся во второй половине 1990х гг. в качестве итогов комплексных

поддерживаемых Научным советом по истории мировой культуры (отв. ред. Э.В. Сайко). В них имеются статьи, интересные для историко-культурологической модели анализа интересующего нас объекта, особенно в части проблемы диалога. Одно из них посвящено более общим процессам. Вторая публикация¹⁶ практически целиком связана с интересующей нас проблематикой междисциплинарного исследования. В ней имеются специальные разделы: «Город – носитель систем диалогов и субъект диалога» (С. 90–122) и «Диалоги культур и культура в «диалоге»» (С. 123–216). К ключевым статьям этих разделов следует обратиться особо. В качестве таковых назовем работы: И.Г. Яковенко «Город в пространстве диалога культур и диалог города» (С.90–101), И.В. Кондакова и И.В. Шмурновой «Диалог города с культурой в истории русской культуры» (С. 157–173) и Н.А. Хренова «Диалог как проблема групповой и субкультурной дифференциации в городах России XIX – начала XX в.» (С.173–191). По мнению И.Г. Яковенко, вне поля диалога нет города, а способность и готовность к диалогу составляет природу горожанина, постоянно включенного «в космос города, который разворачивается как пространство тотального диалога. Энергия этой включенности задается тем, что каждый субъект города достигает равновесия с миром через диалог».

Из новейших изданий назовем двухтомный сборник статей участников Международного конгресса, проходившего в Санкт-Петербурге 27–30 июля 1995 г. и посвященного изучению культурного пространства городов, его символики как отражении Духа Места¹⁷. Эти материалы заслуживают отдельного анализа. Отметим некоторые моменты, которые заслуживают включения в предполагаемый инструментарий историко-культурологического изучения культурного пространства в его регионально-локальных опытах. Из подходов зарубежных исследователей выделяется концепция города, его невидимого образного пространства (миф города) как «текста», самыми

---

¹⁶Социокультурное пространство диалога / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999.

¹⁷См.: The Man and the City. Spaces, Forms, Meanings. Человек и город: пространства, формы, смыслы. Материалы Международного конгресса Международной Ассоциации семиотики пространства. В 2 т. Санкт-Петербург – Женева – Салоники – Екатеринбург: «Архитектон», 1998.

важными элементами которого являются знаки, картины, образы, определяющие восприятие и переживание города. Эта линия характерна в большей степени для немецких ученых¹⁸. Она не является полным новшеством для отечественной историографии, поскольку еще в конце 1970-х гг. специальную статью вопросу о поэтике города посвятил В.Л. Глазычев. Однако интерес наших теоретиков и историков градостроительства больше был связан с изображением образа города в художественном творчестве.

Труды Санкт-Петербургского международного конгресса свидетельствуют о результатах соединения разных исследовательских линий в особое направление, формирование которого приходится на вторую половину XX в. – в городскую семиотику. Под ней, по мнению президента Международной семиотической организации пространства Пьера Пеллегрини¹⁹, понимают изучение процессов продуцирования смысла городской деятельности, в том числе анализ образа города как динамической части персонального образа мира, а подход к восприятию города должен включать рассмотрение персональной деятельности, ориентированной на формирование образов, в которых некоторые функции имеют социальный смысл и реализуются в данной культуре. Примечательно, что в проблематике этого междисциплинарного направления выделено изучение отдельных групп населения, культурно-индивидуализированных, их вклада в семиозис городского пространства и их взаимодействия в формировании облика города. Сопоставляя это с нашими интересами, можно увидеть их несомненную близость, поскольку обращение к «штучной интеллигенции» или «знаковым личностям» (безусловно, обладающим высокой степенью культурной индивидуализации) и к результатам их деятельности по обустройству инфраструктуры местного пространства («областного, регионально-локального культурного гнезда») явно относится к указанной теме.

---

¹⁸ См.: Dreyer С. On the poetics of urban space // *The Man and the City. Spaces, terms, Meanings*. Указ. Материалы. Т. 1. С. 103–110.

¹⁹ Пеллегрини П. Человек и город: пространства, формы и смысл // Там же. Т.2. С.11, 15–16.

Вместе с тем нам представляется, что историк может и должен перейти к анализу «текстов» локального культурно-цивилизационного ландшафта как совокупности реальной и «опозитивированной» форм знаковой символики, выражаемых в соединении материализованных элементов современного городского ландшафта и продуктов художественного творчества представителей местного «активного меньшинства». К первому компоненту мы относим архитектуру и дизайн городской среды, градостроительно-планировочные решения, закрепленные в сложившихся частях города и закрепленные в знаковых для общего «Духа Места» сооружениях и/или территориальных комплексах. Вторая группа объединяет визуальный ряд – фотографии и произведения изобразительного искусства, запечатлевшие город и его отдельные части на разных отрезках истории XX в. Сюда же примыкают соответствующие литературно-поэтические тексты. Следующий шаг анализа такого источникового комплекса состоит в извлечении из него информации, относящейся к интересующим нас экстремальным полосам. В рассмотренных выше материалах конгресса такая линия отсутствует, тем более мы не находим у российских участников обращения к трансформациям городской семиотики в условиях революционных перемен и советской эпохи.

Безусловно, мы сознаем, что контекст демографической ситуации в рамках двух обозначенных нами экстремальных полос был, несомненно, неблагоприятным для саморазвития культуры. При конкретно-историческом анализе необходимо учитывать новейшие исследования наших известных специалистов по исторической демографии В.Б. Жеромской, В.А. Исупова. Тем более важно обратиться к историко-культурологическим признакам, описывающим состояние и трансформации инфраструктуры культурно-цивилизационного ландшафта, а также выяснить формы и степень противостояния социальным катастрофам.

Эту же мысль можно подкрепить ссылкой на близкие нам подходы зарубежных ученых, обращающихся в последнее время к феномену превращения русского города в советский город. Пусть в этом случае для анализа выбирается уникальный город, все тот же Петербург-Красный Петроград-Ленинград, историографическое и методологическое значение таких работ очевидно. Остановимся на рассуждениях

французского автора Евы Берар²⁰. Во-первых, она сопоставляет реальные модернизационные процессы в культуре города с изменениями литературного мифа о нем и в качестве временной координаты берет военно-революционный период. Во-вторых, она поднимает проблему преемственности, подчеркивая, что в мировой историографии России-СССР долгое время господствовало мнение, что коммунистический Ленинград не имел ничего общего с их имперским Петербургом. Добавим, что эту характеристику можно отнести и к оценкам существа историко-культурных процессов, сохраняющим Октябрь 1917 г. в качестве разделительной межи. Такие позиции сохраняются и в настоящее время. Е. Берар пытается выявить внутри самих городских структур силы, обеспечивающие преемственность в цепи катастроф и разрывов, которые сотрясали историю города. Она считает, что вплоть до послевоенного периода в Ленинграде явно присутствовали знания, менталитет, поведенческие характеристики, уходящие корнями в петербургское прошлое. Наконец, определяя хронологические рамки своих поисков, она начинает их с февраля 1917г. и доводит до марта 1921 г. Здесь ее приоритеты продиктованы больше политическими событиями, но эти события для нас предстают пиками внешней экстремальности, которые в региональном (сибирском) варианте для городского культурного ландшафта дали о себе знать первыми резкими деформациями под влиянием первой мировой войны, затем их усилением в 1918–1920 гг.

Ценные для нас в методологическом отношении фрагменты статьи Е. Берар относятся к ее выводам о тонком искусстве большевиков манипулировать символами и мифами и осуществленной ими подменой литературного мифа Петербурга легендой о «городе трех революций». Кроме того, автор, ссылаясь на мнения англичанки Д. Бейтер и российской исследовательницы Н. Лебиной, относит манипуляции мифами вместе с предоставлением новым хозяевам города «предметно-пространственных» условий столичной городской среды к процессу запоздалого модернизационного «окультуривания» бывших жителей деревни, незавершенного и прерванного революцией, а

---

²⁰ Берар Е. Город и городская культура в XX в. // Санкт-Петербург: окно в Россию, 1900–1935. Материалы международной научной конференции. Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб.: «Феникс», 1997. С. 5–28.

в послереволюционной ситуации превратившегося в «декультуризацию» городского пролетариата (господствующего отныне класса). В результате происходило окончательное удаление рабочих от идентификации со статусом горожанина и отчуждение от петербургской традиции.

По всей видимости, этот прием может оказаться эффективным и при анализе ситуации в нестоличных центрах. Относительно сибирских крупных городов существовали свои мифы и специфические приливы и отливы населения в период экстремальных полос, которые не изучались историками, тем более, в интересующем нас ракурсе. Последнее замечание, которое необходимо сделать по содержанию статьи Е. Берар, касается ее характеристики Петербурга времен гражданской войны. Это, с одной стороны, город-пророк современности, находившийся на краю пропасти, где понятия культуры и цивилизации больше не имели смысла, но одновременно, как далее она показывает, опираясь на работы историков архитектуры, все-таки городская жизнь сопротивлялась идеологизации и мифу, а архитектурный код города диктовал, поверх революции, собственные непреходящие законы.

Первые специальные попытки осмыслить динамику развития советского города в интересующем нас ракурсе, хотя и с позиций отраслевого знания, предприняты недавно Ю.Л. Косенковой²¹. Несмотря на то, что хронологические рамки ее исследования относятся только к 1940-м – первой половине 1950-х гг., весьма примечательна исходная методологическая посылка автора. По ее мнению, характер отечественной культуры на протяжении почти всего XX столетие в значительной степени определяло утопическое сознание, которое применительно к градостроительству породило некий фантом идеального города будущего, к которому стремились и смутно-обобщенный образ которого всегда эмоционально переживали как архитекторы, так и общество в целом, но который так и не удавалось воплотить. Тем не менее, материализованные следы подобных устремлений оставались в виде не до конца доведенных градостроительный

---

²¹ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.

проектов, невосполнимых утрат исторически сложившейся городской структуры, фрагментов архитектурных ансамблей. Подчеркнем, что историки могут попытаться проследить динамику того, что Косенкова называет «миражными изображениями», только используя культурологические и семиотические подходы к трансформациям городского культурного пространства.

Обратимся к еще одному рассуждению Косенковой, существенному для методологии историко-культурологического исследования, намечаемого на стыке с урбанистикой. Она предлагает рассматривать складывание признаков советского градостроительства, с самых первых лет после революции, как часть социально-политического проекта «большого общества» – монолитного сообщества людей, живущих едиными ценностями. Корни этих признаков, на наш взгляд, связаны именно с первой экстремальной полосой в истории России XX в. как благодатной почвой для вызревания утопических проектов и складывания того особого типа «проектной ментальности» (выражение Ю.Л. Косенковой), который становится определяющим для самосознания советских архитекторов. Движущая сила их действий определяется «волей пролетариата» к быстрому преобразованию окружающего пространства, а основа деятельности мастера-профессионала по созданию города новой эпохи проистекала из идеи государственного планирования.

Заметим, что в существующей историографии интеллигенции этот специфический отряд – инженеры-архитекторы и градостроители – отдельно не изучался. Нет поворота к нему и в рамках современного интеллигентоведения. Такая же ситуация в региональных исследованиях, несмотря на то, что историко-градостроительные анализ ситуации в Сибири представлен содержательными трудами Б.И. Оглы, С.Н. Баландина, В.И. Кочадамова (См. список основной литературы). Недавно издана еще одна монография ведущего сибирского историка градостроительства Б.И. Оглы «Формирование центров крупных городов Сибири», которая, по мнению рецензента, является несомненным существенным вкладом в архитектурно-градостроительную и историческую науку²². Историкам еще предстоит включить

---

²² ПРО: архитектура, строительство, дизайн, интерьер. Новосибирск. 2000.

эти исследования в свои рассуждения. Пока же ограничимся отмеченными особенностями, определяющими их ценность для нашего исследования.

При историко-культурологическом подходе и региональные отряды отечественной интеллигенции должны изучаться в качестве особого объекта, формирующего потенциал региона, образ и инфраструктуру его культурного пространства. По-новому в этом ракурсе предстает проблема приращения культуры региона в советский период.

Отдельные результаты наших исследований уже были представлены в цикле статей и материалов второй половины 1990-х гг. Считаем необходимым в данном случае повторить замечание относительно специфики источниковой базы для междисциплинарного исследования историко-культурологического характера. В ней мы объединяем информацию, извлекаемую из различных опубликованных материалов, связанных с деятельностью представителей интеллигенции по укреплению местных «культурных гнезд». Сюда относятся в первую очередь их труды (книги, статьи, заметки в периодической печати, инициативные проекты, зафиксированные отдельно или в сводных изданиях соответствующих объединений). Принципиально для нас привлечение обобщаемых нами разрозненные сведения, приводимых в отраслевой историографии (в работах искусствоведов, историков архитектуры и градостроительства и т.д.). Тем самым мы пытаемся реализовать те предложения, которые высказывались еще в 1970-е гг. применительно к изучению советской культуры Л.М. Зак²³. Она писала, что необходимо пользоваться результатами исследований специалистов, но не иллюстративно, а изучая этот материал творчески, в ряду исторических источников, органически включив в общую ткань историко-культурного исследования. Эта линия представлена в новейших источниковедческих теориях в виде междисциплинарного подхода и в ней выделяется в качестве части совершенно иной эмпирической базы источников использование одной наукой данных, добытых другими науками. Такова позиция ученых Российского государственного гуманитарного университета.

---

²³ Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981. С. 106–107.

Наряду с этим в наших исследованиях используется информация, извлекаемая и из архивных фондов. Однако, как известно, среди документов по советской истории, отложившихся в архивах, основной массив составляют делопроизводственные материалы, мало дающие для культурологического анализа интересующей нас проблемы. Более перспективно, на наш взгляд, использование дневников, писем и мемуаров деятелей культуры, а также невербальных источников, музейных материалов, наконец, самого лучшего, по классификации И.М. Гревса, синтетического памятника культуры и одновременно источника информации для культурологического анализа – монументального города. Особую пищу для историко-культурологического анализа региональных процессов составляет информация об «инновационных ресурсах» (идеи, проекты, зафиксированные в статьях, в реализованных формах, совсем не реализованные).

Таким образом, обобщенные нами в предложенном виде обособленные прежде результаты вполне могут быть сведены монографически. Их теоретико-методологическая база вполне соответствует новейшим поискам в отечественной историографии и гуманитарных исследованиях. На региональном уровне такой подход не обнаруживается помимо уже отмеченных усилий соавторов. Нам кажется, что намеченные действия будут означать продвижение по пути раскрытия сущности национальной (русской) культуры, предлагаемому И.В. Кондаковым²⁴, и представления ее в виде динамической модели – сложно структурированного, иерархизированного и непрерывно развивающегося (самоорганизующегося) ценностно-смыслового единства, осмысляемого как архитектура культуры.

Начало действий в выбранном нами направлении в известной степени является откликом и на второе замечание, сделанное И.В. Кондаковым. По его мнению, современное состояние истории отечественной культуры как науки отражает сложившееся методологическое противоречие между практически необозримым эмпирическим материалом, накопленным социально-гуманитарными науками, и фактическим отсутствием не только современных фундаментальных

---

²⁴ Кондаков И.В. Современные проблемы в изучении культуры России // Время культуры и культурное пространство ... С. 13–14.

теоретических обобщений, то есть философских и научных концепций, по необходимости принимающих междисциплинарный характер, но даже сколько-нибудь системного ее осмысления.

Такова оценка ситуации со стороны видного современного российского ученого, предложившего недавно свое теоретико-методологическое видение общероссийского социокультурного процесса в динамике его истории²⁵. Симптоматично, что она была высказана в ходе рубежного, как по дате, так и по историко-научной значимости, обсуждения гуманитариями состояния и проблем современной культурологии в ходе декабрьской (2000 г.) научной конференции в Москве. Стержнем для дискуссий стал вопрос о судьбе исторической культурологии (ликвидированной из номенклатуры специальностей вместе с прикладной культурологией). Не касаясь практической стороны, заметим, что мы полностью солидарны с выводом С.Н. Иконниковой²⁶ о значительной роли исторической культурологии для укрепления гуманитарного знания и согласны с направлениями, описывающими контуры проблемного поля этой области междисциплинарных исследований. Наиболее близки нам из них второе – «Историческая динамика культурных процессов» и десятое – «Региональные особенности исторической культурологии», с присоединением третьего – «Хранение и трансляция культурного наследия», а также обозначенного впервые в этой проблематике седьмого направления – «Историческая персонология как соединение биографии и творчества». Именно к такому комплексу тяготеют результаты нашей предшествующей почти десятилетней работы и замысел выполнявшегося в течение последних двух лет проекта.

Попытаемся систематизировать некоторые из наших предварительных суждений по осмыслению проблемы культурного пространства городов в условиях советской эпохи. В качестве исходной посылки принимаем утверждение, что, инфраструктура российских городов, соответствующая объективным и глобальным урбанизационным тенденциям, определилась в российских признаках уже в 1910-е гг.

---

²⁵Кондаков И.В. Культура России. Русская культура: краткий очерк истории и теории. М., 1999.

²⁶Иконникова С.Н. Культура и перспективы исторической культурологии // Время культуры и культурное пространство ... С.4–5.

Это не противоречит известным оценкам российской ситуации как положения «на полпути к городскому обществу» (А.Г. Вишневский), а также не менее известному соотношению городского и сельского населения России (14%:86%), дополняющемуся тем, что основная масса русских городов в это время относилась по критерию численности к разряду малых и средних. Тем не менее, в их инфраструктуре имелись общезначимые социокультурные доминанты, которые обеспечивали складывание городского сообщества и формирование самосознания горожан как жителей особого локального культурного пространства (со своим «Духом Места»). Речь идет о таких инфраструктурных элементах культурно-цивилизационного ландшафта как культовые и общественные здания, учебные заведения, библиотеки, музеи, народные дома. Этот ландшафт дополнялся развивающейся сетью различных обществ (сообществ), наличием фигур местных подвижников («чудаков»), закреплением в нем общенациональных, региональных, локальных символов и мифов с помощью памятников, памятных мест, общегородских празднеств и ритуалов светских торжеств, в том числе юбилейных акций.

Во-вторых, уже на данном этапе осмысления имеющейся в нашем распоряжении информации, в том числе и извлекаемой из «отраслевых» публикаций, из эмпирического материала краеведческих наблюдений современных любителей, вырисовывается условная периодизация процесса трансформаций, происходивших в культурном пространстве городов России и ее регионов. В первую очередь это относится к крупным городам. Его первый этап – 1914–1920-е гг. – время, когда главным трансформирующим фактором становится совокупность внешней и внутренней экстремальности.

Ведущие признаки первого этапа трансформаций: 1) переструктурирование сложившегося культурного пространства, его смысловых культурных ориентиров, усиление этого процесса с 1917 г. «Вещи культуры» стремительно начинают превращаться в «символы культуры», зачастую со смыслом, противоположным изначальному. На необходимость фиксации этих превращений обращал внимание еще в 1926 г. Н.Г.Т. Анциферов в своей работе «Город как социальный организм: пути изучения»; 2) попытки удержать целостность меняющегося пространства города, его сомасштабность человеческому чувству

соединения пользы и красоты (например, в условиях войн и революций увлечение идеями городов-садов); 3) замена одних символических доминант (в первую очередь это касается памятников, памятных мест и городской топонимики) на новые с иным идеологическим стержнем – унифицированным и космополитичным (таковы памятники вождям и героям и жертвам революции и гражданской войны, но в рамках этого периода они еще отличаются своеобразием местного творчества); 4) начинается составление новых унифицированных и пронизанных иной идеологией планов городов, с приоритетом производственных градообразующих доминант независимо от сложившейся локальной специфики культурного пространства. Заметим, что одновременно все-таки происходит приращение элементов культурно-цивилизационного ландшафта, поскольку утраты в материальных формах его инфраструктуры пока еще не доминируют «зияющими пустотами», а также в духовно-творческих компонентах городского культурного потенциала (как неотъемлемой части ландшафта) продолжают возникать инициативы, направленные на придание устойчивости культуре.

Второй этап изменений вектора и направленности трансформаций приходится на 1930-е – начало 1950-х гг. (т.н. «сталинская эпоха» с ее «соцреалистическим каноном» и торжеством «Большого стиля»). Ведущая тенденция в отмеченном общем процессе отражает формирование «двойного» пространства города. Одна его часть носит ярко выраженный функциональный характер и подчинена производственным интересам. В ней человек существует для города. Городская инфраструктура культуры ограничена обязательным минимумом объектов, закрепляющим и символизирующим эту связь. В «селитебной» зоне – отдельных частях города, позже в социокультурной практике именуемых «спальными районами», должны находиться учреждения питания, торговли, детские сады и школы и т.п. То есть все то, что поддерживает жизнедеятельность человека труда (обитателя унифицированного «безместного» пространства). Именно в этом реальном культурном пространстве естественным смысловым стержнем становится «культура обслуживания» как модель официального восприятия культуры и реализуемой государственной «концепции» культурной политики. Материализованной формой и символом

этой модели становится Дом (Дворец) культуры. В начале этого этапа внутри реального функционального пространства городов СССР, а также в виде самостоятельных поселений нового типа появляется феномен «соцгорода». Он должен был представлять образцовый город нового типа. Деформирующие коррективы в трансформации этой реальной части городского культурно-цивилизационного ландшафта были внесены Великой Отечественной войной. На результаты этих деформаций в общегосударственном масштабе указывает Ю.Л. Косенкова.

Вторая составляющая культурно-цивилизационного ландшафта города на этом этапе может быть обозначена как «иллюзорная» – образцовый миф-символ социалистического города, несмотря на его материализованные формы. Речь идет о специально созданных пространствах типа ВСХВ–ВДНХ (а ныне – ВВЦ). В этом отношении нам представляется очень продуктивным подход Вл. Паперного²⁷. В 1930-е – 1950-е гг. происходит окончательное складывание официального образа центрального символического Места внутри городского пространства. Возникает проблема соотношения этого Центра с историческим ядром города и его символикой. Сюда же можно отнести и складывание «иллюзорных» местных городских пространств, которые, по мнению немецкого исследователя М. Рольфа, уже в 1930-е гг. пронизаны культами личностей, становящимися одним из доминирующих кодов советской урбанистической культуры²⁸.

Что же касается последующих этапов трансформаций, вплоть до современных наслоений, то они требуют специального рассмотрения и могут явиться отдельной темой для продолжения исследовательского проекта.

---

²⁷Паперный Владимир. Культура Два. М., 1996. 382 с.

²⁸Рольф М. Культи личности в городском пространстве. Воронеж, Новосибирск и Кемерово в 1930-е гг. // Городская культура Сибири: традиции и новации. Новосибирск, 2002. С.86.

1.2. Теоретические и исторические аспекты изучения символики культурного пространства советского города

Исследовательская ситуация в историографии последних 10–15 лет XX в. и в первые годы XXI века характеризуется познавательными «поворотами», укреплением линии на сближение исторической науки с другими науками, становлением новых научных направлений, включая междисциплинарные. Эта новизна уже неоднократно отмечалась на различных научных конференциях, в том числе и авторами предлагаемой книги. Из специальных публикаций последних лет следует выделить два сборника научных статей историографического и методологического характера, прочтение которых позволяет представить многообразие современных подходов и поисков отечественных и зарубежных историков в качестве естественной линии движения научной мысли²⁹. Кроме того, подчеркнем еще раз такие признаки ситуации, которые наиболее важны для постановки и разработки интересующей нас проблемы. В первую очередь это упрочение регионологии (регионоведения), возможность выбора исследовательских моделей, обращение историков к забытым трудам своих предшественников, а также к достижениям культурологии и семиотики.

Активизировавшееся в 1990-е гг. внимание исследователей (историков-культурологов) к изучению динамики знаковых и символических признаков культуры определенного места (прежде всего, крупного и столичного города) тесно соприкасается с нашими интересами. Союз исторической науки, культурологии, урбанистики (в варианте «градоведения»), регионоведения, отраслевых историй (градостроительства и искусства) открывает возможности при изучении истории культуры XX века, в том числе, при рассмотрении вклада в нее отдельных отрядов интеллигенции выйти за рамки традиционного социального подхода. Что не означает, разумеется, игнорирование результатов, полученных с его помощью в российской и сибирской историографии культуры и интеллигенции. Напротив, необходимо

---

²⁹ См.: Образы историографии: Сборник статей / Науч. ред. А.П. Логунов. М.: РГГУ, 2000; Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001.

учесть обширный эмпирический материал, который накопила проблемная советская историография. Например, такое ее направление как изучение памятников истории, культуры, архитектуры и градостроительства. В свое время историки региона активно участвовали в паспортизации памятников, среди которых согласно официальным концепциям советской истории приоритетными были мемориальные комплексы и монументы, посвященные ее героям, в том числе обязательные для любого города памятники вождям.

В 1990-е гг. в число объектов междисциплинарного анализа входит город как социокультурный феномен. Одна из наших недавних работ была специально посвящена рассмотрению новейших подходов к изучению города, предлагающихся отечественными и зарубежными исследователями³⁰. В данном случае мы продолжаем размышления над теоретическими аспектами историко-культурологического изучения российского города, воспринимая его как особый вариант проявления и бытования культуры «Места» и обращаясь к его локальному своеобразию. Поэтому остановимся на характеристике тех публикаций, которые не попали в сферу нашего внимания ранее в основном по причине разорванных коммуникационных связей в современном информационном пространстве и малых тиражей этих изданий. В то же время мы попытаемся наметить некоторые конкретно-исторические линии, связанные с изучением особых символов культурного пространства отдельных крупных городов-центров Западной Сибири в условиях советской эпохи.

Поскольку в российской историографии до сих пор существует определенное недоверие к локальным исследованиям, отождествляющимся, как правило, с эмпирическим краеведением, следует обратиться к новому взгляду на проблемы методологии местной истории, предложенному в середине 1990-х гг. С. А. Гомаюновым³¹. Для автора характерно стремление дать философские основания новой методологии

---

³⁰ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. Сб. науч. тр. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С.66–85.

³¹ Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. №9. С. 158–163.

местной истории через оппозицию «целое/часть» (а не общее/особенное), при этом «отношения между целым и составляющими его частями можно определить как нелинейные, когда эффективность взаимодействия зависит не от величины прилагаемых сил, а от качества взаимодействия»³². При этом в качестве ключевой категории местной истории он называет понятие «место». С.А. Гомаюнов подчеркивает, что оно в методологическом аспекте пока не рассматривалось. По всей видимости, он в данном случае имеет в виду историков, поскольку представители других областей знания, включая культурологов, обратились к категории «место», в том числе применительно к советской эпохе на несколько лет раньше. На наш взгляд, помимо стремления доказать научный статус краеведения, подход Гомаюнова ценен для историка-культуролога и иными свойствами. В первую очередь, это представление автора о «месте» не только и не столько в виде территории, а отождествление его содержания с совокупностью людей, осуществляющей определенную историческую деятельность, специфика которой определяет лицо данного «места»³³. Во-вторых, он поднимает вопрос о границах «места» и выводит их, с одной стороны, из действия вмещающего ландшафта, с другой, из специфики духовной жизни местного сообщества, которая дает границу смысла. Только отсюда, из второго среза, возможно закрепление смысловой границы в виде символов, одним из которых является имя «места» – топоним. Имена как символы культурного пространства города (особенно урбанонимы), их смена (естественная или в форме «топонимической революции») – все это частицы интересующего нас динамичного социокультурного процесса XX века. Так же, как и Гомаюнов, мы в своих теоретико-методологических построениях считаем опорной категорию «места». Однако в отличие от него, мы используем словосочетание «местная» культура³⁴. «Место» является для нас главным в этой паре. Мы предлагаем воспринимать

---

³²Там же. С. 161.

³³Там же.

³⁴Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. История «местной» культуры как предмет культурологического анализа // Четвертые Омские искусствоведческие (культурологические) чтения: Местная культура. Методология, история, практика. Омск, 12–14 ноября 2001 г.: Сборник материалов. Омск, 2002. С.33–36.

его как первую неподвижную границу окружающего, фиксированную границу части целого (в данном случае – культурного пространства, культурно-цивилизационного ландшафта как пространственной координаты территориально-поселенческого развития культуры).

Одной из особенностей исследовательской ситуации второй половины 1990-х гг. в интересующем нас направлении стала публикация итоговых результатов уже упоминавшихся выше крупных исследовательских программ под руководством Э.В. Сайко. Они связаны с разработкой теоретико-методологических моделей изучения города как социокультурного явления и части мирового, регионального и локального культурного пространства³⁵. Одна из очередных коллективных монографий, продолжающая этот цикл, была посвящена новой и сложной проблеме «город как носитель динамических потоков социальной эволюции»³⁶. В качестве наиболее полезной для историков и культурологов, намеренных изучать реальное и символическое культурное пространство города, мы уже выделяли парадигму, предложенную и развиваемую Т.И. Алексеевой-Бескиной³⁷. Напомним, что исследовательница определила ключевой механизм социальных систем (неизменный элемент системы при любых ее трансформациях и модификациях), который назвала «социогеном», содержащем некие обобщенные социопрограммы. Концентраторами информации социопрограмм в этом случае предстают города во всей сложности их жизнедеятельности, с перманентными изменениями, особенно интенсивными в переходные периоды истории.

Специфику города XX века Т.И. Алексеева-Бескина видит в насыщенности разнообразных типов поселений системами коммуникаций, производствами, сельскохозяйственными и другими природными локусами, системными связями самой различной природы.

---

³⁵ См.: Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН. Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Отв. ред. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995; Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999; Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999

³⁶ См.: Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Э.В. Сайко. М.: Наука, 2001.

³⁷ Там же. С.71–162.

Выше подчеркнуто, что некоторые типы российского города – «соцгорода», она называет уродливыми порождениями «теорий градостроительства» советских времен. Нам это суждение кажется не только спорным, но и неприемлемым при историко-культурологическом анализе. Ниже мы вернемся к этому моменту.

Однако прежде следует обратиться к другим общетеоретическим построениям, не попадающим в поле зрения социальных историков еще и по причине действия прежнего стереотипа, согласно которому историк-профессионал не должен увлекаться теорией. Его задача – это занятия, главным образом, архивными разысканиями и анализом обнаруженных письменных источников. Не оспаривая право на существование такого подхода, заметим, что, во-первых, внутри современного сообщества историков утверждаются новые взгляды на профессиональные практики, и, во-вторых, в своих поисках мы исходим из понимания источника как сгустка информации, материализованные формы которого могут быть предельно разнообразными. Более того, для историко-культурологического анализа интересующей нас проблемы большее значение имеет скрытая и вторичная информация, содержащаяся в монументальных сооружениях (включая город как синтетический источник) и свидетельствующая о трансформации смысла того или иного элемента пространства «Культуры Места».

Несомненно, мы используем и традиционные письменные источники в полном соответствии с их видовой классификацией. Для анализа процесса складывания символического пространства отдельных городов Западной Сибири нами привлекается информация, обнаруженная в архивных материалах. На данном этапе оказались весьма полезными документы из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАО): Западно-Сибирской Краевой плановой комиссии (Ф.Р–12), Новониколаевского губернского отдела коммунального хозяйства (Ф.Р–1124), Новосибирского отделения Союза архитекторов СССР (Ф.Р–1444), Новониколаевской окружной плановой комиссии (Ф.Р–1980), личного фонда архитектора Е.А. Ащепкова (Ф.Р–2102). В качестве важного источникового комплекса, как отмечено выше, используются региональные отраслевые исследования – труды искусствоведов и историков архитектуры и градостроительства.

Обоснование этому с указанием на то, что отраслевая информация содержит сведения о знаковых фигурах, влиявших на символику культурного пространства и создающих его мифологию, было дано нами на научной конференции в Екатеринбурге «Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения» (30–31 мая 2003 г.)³⁸.

Примечательно, что с середины 1990-х гг. представители различных областей знания, в том числе гуманитарных наук, начали использовать (в большинстве случаев независимо друг от друга) термины «место», «культурное пространство», «культурный ландшафт». В качестве подобных примеров, оказавшихся наиболее близкими нашим поискам и теоретическим построениям, назовем оригинальные тексты В.Л. Каганского, созданные в рамках теоретической географии («географического пространствоведения» – активного «чтения» ландшафта, ориентированного на концептуальное освоение его разнообразия) и содержащие среди прочего концепцию ландшафта советского пространства³⁹.

Кратко определяя ландшафт как живую среду мест, пронизанных смыслом живущих в них людей, автор предлагает видеть в советском пространстве воплощенную в материале вещей, знаков, людей и пространства схему, не территорию СССР, а качественно и структурно особый тип пространства и состояния культурного ландшафта. В.Л. Каганский исходит из существования семи основных культурных практик-подходов к постижению культурного ландшафта⁴⁰. В ряде из них он находит близость к семиотике, к интерпретациям всего как текста, что дает основания показать концептуальные образы ландшафта, взращенные в конкретных местах. Подходом, ориентированным

---

³⁸ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. О возможностях использования отраслевых исследований в современных историко-культурологических опытах изучения интеллигенции сибирского города // Культура и интеллигенция России XX века как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Тезисы докл. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. Л.М. Зак и 70-летию со дня рожд. проф. В.Г. Чуфарова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С.37–40.

³⁹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. С. 135–154. Автор указал, что в состав этой книги вошли публикации разных лет, начиная с 1994–1995 гг.

⁴⁰ Там же. С. 44–59.

на многоаспектное и полимасштабное включение в ландшафт, для автора является «геоморфизм – познавательно ориентированная рефлексия бытия ландшафта», реализуемый с помощью «путешествования»⁴¹. Поэтому в основе оценочных суждений и концептуальных построений автора лежат его наблюдения и впечатления от посещения многих городов России. Подобная методика своеобразных натуральных «обследований» вполне может использоваться при рассмотрении вопроса о трансформациях знаковых символов городского культурного пространства советской эпохи, их современного положения и смысла.

Кроме того, тот ракурс видения культурного пространства современной России в виде сферы советского пространства – мира блоков, деталей, обломков, мучительно устанавливающих новые связи, который предлагает Каганский, во-первых, принципиален для историко-культурологического изучения интересующей нас проблемы, поскольку к числу «деталей и обломков» принадлежат материализованные символы советской эпохи – унифицированные ориентиры в культурном пространстве городов СССР. Во-вторых, построения Каганского созвучны пониманию тесных родственных связей истории и географии, характерному для отечественной историко-культурологической мысли 1920-х гг. О методике изучения историко-культурных ландшафтов в широком смысле этого понятия, включая природно-культурные комплексы, писали уже упоминавшиеся И.М. Гревс и Н.П. Анциферов. Н.П. Анциферов, например, еще в 1924 г. указывал на «язык форм города», включая сюда направление его улиц, формы площадей, силуэты застройки, ландшафт завода и окружающего района. Он поднимал вопрос о фиксации мест размещения административных органов, необходимости уловления перемен в судьбе этих зданий в советскую эпоху. Он указывал на информационную значимость топонимического языка города, придающего своеобразие признакам городского пространства, совокупность которого формирует «Дух Места». Потребность вернуть такое понимание и расширить сферы взаимодействия географии с другими гуманитарными науками просматривается

---

⁴¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт... С.47.

в некоторых работах современных исследователей, соединяющих историю с географией при изучении русского искусства, культуры, этнокультурных процессов. Для историков и культурологов полезно знакомство с трудами С.Я. Суцего и А.Г. Дружинина, Ю.А. Веденина⁴².

В предыдущем параграфе уже указывалось на значение книги Ю.А. Веденина для расширительного истолкования понятия «культурный ландшафт». Но поскольку при формировании наших взглядов одним из определяющих факторов оказалось наследие представителей петербургской школы историков-культурологов 1920-х гг., то у нас возникли несогласия с некоторыми выводами Ю.А. Веденина. В частности, с тем, что в его концепции территориальной организации и распределения инновационных и традиционных пластов культурного ландшафта, опирающейся на исследования горизонтальных структур культурного пространства В.А. Дугласом Джексонном, выделяются центры первого порядка (столичные города) и центры более низкого уровня, в состав которых входят губернские (областные), уездные (районные) города⁴³. Еще раз повторим, что, по нашему убеждению, любой город в качестве «Места», независимо от административной функции, размеров и численности населения является центром сгущения социокультурных процессов и накопления инноваций. В нем возникает свое символическое культурное пространство, и для советской эпохи обладающее некоторыми общими (типовыми) элементами, которые тоже могут расцениваться как символы. Таковы, к примеру, упоминавшиеся выше памятники и мемориалы.

Другая линия в современных публикациях, которую мы определяем по наличию перечисленных выше терминов в исследовательском инструментарии в качестве ключевых понятий, связана с философскими аспектами изучения специфики российского историко-культурного процесса и с культурной антропологией. Вновь мы обращаемся к тем подходам, суть которых связана с перспективами историко-

---

⁴² Суций С.Я. Пространство российской культуры (центры и ареалы). Автореферат ... д. ф.н., Ростов-на-Дону, 1997; Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону, 1994; Веденин Ю.А. Очерки географии искусства...

⁴³ Веденин Ю.А. Указ. соч. С. 18–19.

культурологического изучения символики городского пространства в контексте общей истории культуры России и близка нашим исследовательским поискам второй половины 1990-х гг. Подчеркнем, что большинство из анализируемых подходов, как правило, формировалось под влиянием семиотической школы. Таковы рассуждения, предлагаемые А.В. Бабаевой: «Человек создает и существует в культурном пространстве как определенном символическом мире» и «Человек воспринимает знаковую систему пространства как внешний мир, не задумываясь о том, что центром пересечения символических знаков, циркулирующих текстов, является он сам. В процессе жизнедеятельности он создает неповторимый текст культурного пространства»⁴⁴. При этом автор подчеркивает, что пространство – это текст, воспроизводящий глубокие культурные смыслы. Правильная интерпретация текста культурного пространства, по ее мнению, «позволяет увидеть глубинные структуры человеческого общества, понять «душу» культуры». Раскрывая содержание культурного пространства, она выделяет в нем ценности, нормы, поведенческие эталоны, различные системы знаков, вещи, включая вещи-символы, а также указывает на то, что человек, организовывая окружающее пространство, создает некую знаковую систему, становящуюся еще одним текстом культуры⁴⁵.

Такой подход современного философа, привлекающего для его апробации материал истории русской культуры IX–XIX вв., стимулирует дальнейшее расширение опорного материала и обращение к XX веку. Это укрепляет нас в правомерности избранной нами линии по изучению интересующей нас проблемы. При этом для нас на первый план в предметной области историко-культурологического исследования выходит не только первичный «текст» пространства, но и те процессы, которые отражают деятельность людей по созданию вторичной знаковой системы – созданного в период строительства и упрочения советского общества символического «текста» культурного пространства города.

---

⁴⁴ См.: Бабаева А.В. *Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века)*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.21.

⁴⁵ Там же. С.22–23.

Взгляды отечественных и зарубежных культурологов, ученых, входящих в Международную Ассоциацию семиотики пространства, на категорию пространства как особо значимую для культуры XX в. мы уже рассматривали в предыдущем параграфе. Кроме того, в данном случае подчеркнем еще раз суждение немецкого ученого Карла Шлегеля, к которому следует прислушаться современным историкам⁴⁶. Он считает, что реальная пространственная сложность локально обусловленного исторического процесса, его топография, наиболее адекватно передающая плотность и сложность исторической жизни, пока практически не изучаются.

Если учесть, что преимущественное внимание исследователей уделяется столичным центрам, а в Сибири историко-культурологические изыскания подобного рода только разворачиваются, вывод Шлегеля дополнительно актуализирует разработку интересующих нас аспектов локальных культурно-исторических процессов в хронологии XX века и на материале отдельных городов-центров региона. При этом вполне правомерно вначале отдельно обратиться к культурному пространству одного регионального города-центра и выбрать для этого Новосибирск, являвшийся особым символом – символом «столицы» Советской Сибири. Любопытную версию истоков символической специфики этого города, связанную с личностным и географическим факторами одновременно, предложил в своих заметках, помещенных в книге «Карта Родины», известный эссеист Петр Вайль. Выбор места будущего города, сделанный «тогдашним физиком-лириком, инженером и писателем» Н. Гариным–Михайловским, он объяснил тем, что место «неподалеку от сельца Кривошеково <.. > находилось ровно на 55-й параллели. Единственный мотив – пифагорейская красота цифры»⁴⁷. В этой части заметок есть и другая субъективная оценка–символ – «город без лица». Так вылепилось, по выражению Вайля, в 30-е гг. «конструктивистское нечто, призванное стать правильным, освобожденным от прошлого, городом без лица – Новосибирск, Энск. В безымянности сокращенного самоназвания – конечно,

---

⁴⁶ Шлегель К. Петербург – Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию: Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб.: «Феникс», 1997. С.219–234.

⁴⁷ Энск. Веселые ребята // Вайль Петр. Карта Родины. М., 2003. С. 121.

ирония, но еще в большей степени гордыня. <.. > Энгс сразу поставил себе две пятерки, расположившись на своей широте, – и в качестве неизбежного отличника успокоился насчет обретения индивидуальности. По сути, дело было сделано. Тем более, что силы, брошенные сюда в 30-е, понимали строительство столицы Сибири как задачу не локальную и даже не общегосударственную, а коммунистически-космическую»⁴⁸.

Такое восприятие символики данного «Места» представителем поколения советских «шестидесятников», позже по духу и образу жизни космополитом (в смысле – человеком «мирового города») интересно сравнить с ощущениями создателей Новосибирска как главного города Сибири. Стал ли он действительно «городом без лица» и произошло ли это именно в 1930-е годы? Ответы на эти вопросы впереди.

Пока же приведем еще одно суждение о символике Новосибирска как особого города. Оно принадлежит современному журналисту А.В. Никулькову, связанному с городом родственными узами: «Новосибирск был и остается полигоном, на котором вначале испытываются широкомасштабные программы, чтобы потом стать общим достоянием Сибири, а то и всей страны»⁴⁹. Автор предварил свою книгу о Н.М. Гарине–Михайловском – отце-основателе Новосибирска очерком истории самого города, в котором явно предстают своеобразные черты, а не безликость Новосибирска. Не отмечена у него и магия 55-й параллели, очаровавшая Гарина-Михайловского. Зато есть в его книге «ненаучная», по его словам, концепция относительно действия генетического кода наследственности в историческом характере городов, по которой Новосибирск возрос на острие технического прогресса своего времени – на железной дороге. Для работ теоретиков архитектуры и градостроительства такой подход вполне естественен. Ген сибирской «столицы» органично соединяется не только с железной дорогой, но и с мостом. Поэтому в реальном и символическом пространстве города еще и вокзал становится уникальным

---

⁴⁸ Вайль Петр. Карта Родины ... С. 122.

⁴⁹ Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого. Новосибирск, 1989. С.35.

знаком-символом.

В наших дальнейших действиях следует иметь в виду, что совсем недавно помимо рассмотренных теоретико-методологических работ общего характера появились публикации, относящиеся к теории и истории культурного пространства отдельных нестоличных городов Европейской России. Среди такого рода изданий явно выделяется сборник научных статей, изданный Поволжской академией государственной службы (Саратов) и представляющий результаты нескольких научных проектов⁵⁰. Из материалов сборника можно сделать вывод, что современные исследования в Саратове отличаются преимущественно ориентацией на научно-практический анализ пространства. Здесь действует Комиссия по пространственному развитию Поволжского Федерального округа, в рамках работы которой была организована специальная конференция «Проблема пространственной организации крупнейших и крупных городов». Другой круг вопросов, в разработке которых принимают участие философы и социологи, относится к теме «Мифы и символы региональной идентичности», обсуждавшейся в апреле 2001 г. Один из научных проектов сотрудников Поволжской академии государственной службы непосредственно ориентирован на анализ культурного пространства Саратова как отражение социокультурных процессов в истории России. Независимо от этих исследований культура Саратовской области, проблемы региональной идентичности и мифологии были предметом исследования паттернов регионального развития в международном проекте, осуществлявшемся с середины 1990-х гг. на материалах четырех российских регионов. Его результаты тоже были опубликованы в 2001 г., авторы раздела о Саратовской области С. Рыженков и А. Филиппов⁵¹. Сравнение этих линий «местной» историографии – задача другого исследования. Здесь же констатируем очевидность для современных гуманитариев приоритета историко-культурной и философской проблематики для осознания региональной специфики.

---

⁵⁰ См.: Пространственность развития и метафизика Саратова. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.П. Фокина. Саратов, 2001.

⁵¹ См.: Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С. Рыженкова, Г. Люхтерхандг-Михалевой (при участии А. Кузьмина). М.; СПб., 2001. С. 95–148.

Характерно, что прикладные задачи и, в первую очередь, нацеленность на современные процессы, не отодвинули на второй план теоретико-методологические конструкции и поиски истоков локального своеобразия Саратова. Ученые предлагают рассматривать специфику Саратова в качестве ресурса развития и перейти к разработке технологии использования культурно-символических ресурсов губернского центра и губернии как целого⁵². При этом символическое пространство города выступает в виде своего рода копилки его культурно-символической идентичности. Метафизика города трактуется как «зримое незримого», а различия города следует видеть, по мнению одного из главных разработчиков проекта, Т.П. Фокиной, в осознанности метафизики места («Метафизика места должна быть взлелеяна»)⁵³.

Заметим, что одним из первых к вопросу о метафизике города обратился еще в середине 1990-х гг. В.М. Немчинов⁵⁴. Свои концептуальные построения метафизики города он соотнес с методиками зарубежных исследований, именуемыми *area studies*, не имеющими, по его мнению, в отечественной практике устоявшегося адекватного аналога. Автор увязал проблематику метафизики исторического объекта (во взятом им случае города как фактора развития социума), с вопросом о том, как переживается пространство, структуры, институты и духовная среда города данным обществом в данное историческое время, и подчеркнул, что «задача тут не естественно-историческая, а описательная, проникающая в структуры отражения повседневности»⁵⁵. Следует поразмыслить историку и над таким утверждением автора: «Город познаваем лишь в отражении и в не всегда прямом зеркале фактов. В этом специфика объекта, имеющего метафизическую, духовную проекцию. Пребывая в исторически заданном времени, мы все равно привносим самонаблюдение в исследование генезиса городской среды, даже если академически рационально

---

⁵² Фокина Т.П. Метафизические измерения культурно-символического пространства Саратова // Пространственность развития и метафизика Саратова... С. 57.

⁵³ Там же. С. 56.

⁵⁴ Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса... С. 234–240.

⁵⁵ Там же. С. 238.

суживаем зеркало наблюдаемых и оцениваемых исторически явлений»⁵⁶.

Среди высказанных тогда Немчиновым гипотез было предположение о том, что воспроизведение «тела» города связано с общественными институтами и коммуникативными структурами, которые одновременно «вмещают в себя и душу общества, тот народный дух, который дает силу, возможность маневра и ресурс государству и его атрибутам»⁵⁷. Здесь же автор касается и топографической привязки обсуждаемого предмета: «Город, собственно говоря, не есть кружок на карте. Это точка роста кристалла цивилизации».

Этой мысли близка одна из фраз, приведенных спустя восемь лет Т.П. Фокиной как ответственным редактором саратовского сборника в предисловии к нему. Здесь подчеркнута, что «Саратов – заметная точка на карте России, отличающаяся как раз рефлексией своих оснований и глубинных смыслов»⁵⁸. Неслучайно другая статья Т.П. Фокиной, открывающая третий раздел сборника «Символы и миф региональной идентичности», названа «Метафизическое саратововедение и личностная позиция»⁵⁹. В ней смысл исследований метафизики города раскрывается как возможность опознавать место через его мифы и символы, а также осознавать мифы и символы как «деетворимые и адекватные (или неадекватные)».

Утверждение о том, что такая рефлексия отличает именно Саратов, разумеется, следует воспринимать осторожно. Оно может относиться и к другим городам, например, к Перми, где ведутся интенсивные исследования «пермского текста в русской культуре», включая его эволюцию в XX веке и перестройку в советскую эпоху. Пермские исследователи, рассматривающие локальные тексты как отражение «мифологии места» на стыке семиотики культуры, культурологии и литературоведения, занимаются поисками мифопоэтических основ моделей территориальной идентичности. Так, В.В. Абашев посвятил обоснованию понятия пермского текста отдельную

---

⁵⁶ Немчинов В.М. Метафизика города...

⁵⁷ Там же. С. 239.

⁵⁸ Пространственность развития и метафизика Саратова... С. 3–4.

⁵⁹ Там же. С. 84–87.

книгу «Пермь как текст» (Пермь, 2000). Автор исходит из посылки, что каждый локус в своей культурно-исторической жизни генерирует текстуально организованную систему значений – локальный текст. Абашев подчеркивает, что его книга – это книга «о Перми как месте жизни человека и феномене русской культуры: тексте в ряду других ему подобных локальных текстов – петербургского, московского, сибирского, провинциального – представляющих в культуре России места, ставшие символическими»⁶⁰. (Судя по примечаниям, саратовские исследователи знакомы с этой книгой). В другой своей работе пермский исследователь обращает внимание на то, что в формировании образов Перми, в том числе советской, ведущую роль играет именно литература и в первую очередь поэтическое творчество⁶¹. Для изучения «Культуры Места» полезным окажется и другое суждение В.В. Абашева: «В рефлексиях по поводу собственной природы место продуцирует речь о себе, описывает само себя. Формируется своеобразный локальный дискурс. Его можно определить как своего рода **локодицею**, так как в его основе лежит стремление оправдать свою жизнь именно здесь, а не где-нибудь в ином месте».

Однако наша ссылка на подходы пермских ученых отнюдь не умаляет принципиального значения концептуальных предложений, развернутых в саратовском сборнике, для перспектив историко-культурологического анализа. Исходная позиция Т.П. Фокиной примечательна призывом к междисциплинарному изучению культурно-символической идентичности города. Она учитывает новые черты современных гуманитарных практик и предлагает, пользуясь концептом культурно-символического пространства, свою модель изучения метафизических измерений, которая включает основные культурные матрицы, на основе которых происходит идентификация и самоидентификация города. Таковых в саратовской модели всего 10: «город-место, город-имя, город-тело, город-текст, культурные символы пути города, миф города, символические личности города, Саратов и око

---

⁶⁰ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе. XX в. Пермь, 2000. С. 5.

⁶¹ Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.-СПб., 2000. С. 319.

лица, город-организация, постмодернизм в Саратове»⁶². Содержание предложенных матриц вполне соотносимо с экспериментальными программами изучения города, предлагавшимися петербургскими историками-культурологами 1920-х гг. и включавшими изучение «статуйного и динамического» ландшафтов⁶³. Современная научная мысль выходит на те же проблемы, но своими путями. Оборванные нити соединяются с новыми поисками, давая возможность перехода к многомерному видению изучаемого сложного объекта.

Заметим, что в начале 1990-х гг. и в сибирских исследованиях усилился интерес к теоретическим (философским) аспектам городской культуры. Наметились пути ее культурологического изучения. Такую попытку предприняли еще в 1993 г. ученые Томского университета Л.К. Антощук и Т.В. Безменова⁶⁴. Они указали, что выработка научного подхода к феномену города как к особого рода динамическому целому имела место в начале XX века, однако дальнейший переход к узкопрофессиональному изучению города с точки зрения отдельных наук привел «к размыванию самого понятия «город» именно как историко-культурного целого в его динамике»⁶⁵.

Авторы предложили говорить о городе, используя термин «городская культура» как тождественный самому городу во всем многообразии его функций и проявлений, а понятие «городская среда» в этом случае будет носить подчиненный ему характер и выступать как один из уровней осмысления феномена города. Они выделили 7 направлений, раскрывающих типологические особенности осмысления городской культуры. Это историко-археологическое, градостроительное, социологическое, семиотическое, средовое, экологическое и экономико-географическое. По мнению авторов, описать городскую культуру адекватно можно, только синтезировав все эти подходы, определив их единый вектор, и такая тенденция наметилась в виде

---

⁶² Пространственность развития и метафизика Саратова... С.58.

⁶³ См.: Анциферов Н.П. Как изучать свой город. М.–Л., 1929.

⁶⁴ Антощук Л.К., Безменова Т.В. Культурологический подход к описанию городской культуры // Дефиниции культуры: Сборник / под ред.Э.В. Бурмакина и А. К. Сухотина. Томск, 1993. С. 189–198.

⁶⁵ Там же. С. 190.

возникновения «пограничных сфер», где присутствуют проявления нескольких подходов⁶⁶.

Наиболее интересен для нас сделанный там же вывод авторов относительно того, что «любая попытка научного описания города по сути дела является порождением самой городской культуры, это всего лишь одно из отражений в общем зеркале рефлексии». Задачу культурологического подхода они увидели в том, чтобы «прочитать в этом зеркале общую закономерность возникновения отражений, попытаться увидеть их соотношения». Причем проблема состоит, по их мнению, не в том, чтобы создать еще одно новое зеркало, а в попытке «развернуть уже существующие зеркала таким образом, чтобы в них отразилась как можно более полная и целостная картина города как способа бытия»⁶⁷.

Для историка-культуролога полезно учесть теоретические построения томских коллег-философов относительно особого значения такого варианта отражения «в развернутых зеркалах» как городская саморефлексия. Авторы связывают со сферой рефлексии возникновение **культурного субъекта**, мироощущение которого определяется не только воспитавшей его культурной средой, но и осмыслением ее, обязательно проникнутым «интенцией изменения, пересоздания культурной действительности»⁶⁸. Отсюда следует, что современный ученый, занимающийся анализом культуры города, выбирает ту или иную исследовательскую модель в соответствии с характером и масштабом его собственного рефлексивного осмысления города как сгустка разнообразной информации.

Выбор среди этих моделей к настоящему времени все чаще решается в пользу метафизики города как наиболее насыщенного рефлексией направления. В сибирском регионе самый наглядный пример реализации метафизических построений связан с деятельностью известного омского искусствоведа В.Ф. Чиркова по созданию городского музея художественно-культурологического типа, концепцию которого пронизывает идея Духа Места, а ее отражению посвящена

---

⁶⁶ Дефиниции культуры... С. 192.

⁶⁷ Там же. С. 193.

⁶⁸ Там же. С. 194; выделено нами – В.Р., В.Н.

собираТЕЛЬская, научная и выставочные практики музея. Теоретические (философские) результаты проникновения в метафизику «Места» были обобщены В.Ф. Чирковым в диссертационном исследовании, защищенном в 2002 г.

На наш взгляд, это как раз тот случай, о котором пишет Т.П. Фокина: «Под метафизикой города в региональном залоге мы понимаем попытку усилием мысли и чувства, усилием духа разгадать, что именно составляют или представляют собой базовые, онтологические ценности данного места, как они манифестируются в символах и мифах данного города, в его имени и положении, теле и устройстве, организации и символических фигурах и тому подобных феноменах»⁶⁹. Одновременно омская исследовательская ситуация являет собой самостоятельное и **другое** ответвление. Тем более, что помимо философских здесь присутствуют историко-культурные и культурологические практики проникновения в пространство «Культуры Места». В их числе и предпринимаемые нами действия.

Предложенное томскими философами деление рефлексии на два типа осмысления города как бытия (специализированный и синкретический) может оказаться эффективным для историка-культуролога при поиске необходимого инструментария и комплектовании источниковой базы историко-культурологического исследования. Отметим, что ко второму – синкретическому, более древнему и традиционному, типу авторы относят описания (художественные и публицистические). Сюда же они включают визуальные изображения (городские пейзажи). Таким образом, уникальная сфера эмоционального восприятия городской действительности предстает в образах, мифах, легендах, ритуалах и профессиональных действиях по изменению облика города. Фиксирующая их информация вполне доступна для анализа. К специализированным типам авторы относят различные научные подходы, из которых наиболее синтетическим является семиотический, при котором город воспринимается как определенная целостность, знаковая система, противопоставленная другим системам или, по крайней мере, не смешивающаяся с ней⁷⁰.

---

⁶⁹ Пространственность развития и метафизика Саратова... С.84.

⁷⁰ Дефиниции культуры ... С. 195.

В завершающей части этого параграфа возвратимся к вопросам теории и истории символики культурного пространства советского города («соцгорода» как отдельного поселения или особого района в крупном городе). Методологически важно исходить из того, что двойственность, а точнее, многослойность «текста» советского города (в разнообразных его вариантах) содержит динамически менявшиеся признаки вполне реального и одновременно символического городского пространства – «Места организации социалистического типа расселения». Здесь в проектном представлении предполагалось одно пространство, в итоге формировался другой мир, своя культура повседневности и социокультурные ориентиры горожан – его обитателей.

Изучения в выбранном нами ракурсе заслуживает история планировки и застройки этого пространства в целом и его отдельных частей, в частности, центральных площадей. Приведем лишь один пример. В связи с обсуждением в 1930 г. на заседании Научно-технического совета при Главном управлении коммунального хозяйства НКВД проекта левобережного Новосибирска, который должен был строиться на принципах «соцгорода» и «на базе возникающего Сибкомбайна, а в ближайшее время также ряда других промышленных предприятий», проектировщикам предлагалось отразить в плане эмблемы переживаемой эпохи – в форме серпа и молота и пятиконечной звезды⁷¹. Ответ одного из авторов проекта – инженера Бабенкова отражал другую позицию: «Проектировать города в виде серпа и молота и звезды – нами отвергается категорически, это вульгарное представление о том, что город будет идеологически выдержан»⁷². Хотя столь прямолинейную символику в дальнейшем отвергли, тем не менее, было высказано, что тенденции эпохи и идеологию должны выражать архитектурные сооружения, а план социалистического города должен отличаться от капиталистического тем, что в центре должны быть не деловые и торговые, а культурные учреждения.

До недавнего времени изучением отдельных элементов советского пространства – специального типа жилища (дом-коммуна) для

---

⁷¹ ГА РФ. Ф.Р-4041. Оп.9. Д.69. Л. 1,40.

⁷² Там же. Л.49–50.

советского «соцгорода» занимались историки архитектуры и градостроительства. Наиболее авторитетны работы В.Э. Хазановой, посвященные архитектуре первых лет советской власти и первой пятилетки. В одной из книг (М., 1980) она подробно характеризует дискуссию о социалистическом расселении. Ей же принадлежит авторство специальной книги об архитектуре клубов (городских и сельских) – новых Дворцов для рабочих, мест, без которых не мыслился идеальный социалистический «город-дом» и которые должны были стать «вторым домом» и одновременно «школой городской культуры»⁷³. Несомненно, здания клубов становились знаками-маркерами для культурного пространства города. По мнению В. Хазановой, для 1920-х – 1930-х гг. их нельзя рассматривать вне связи с парками культуры и отдыха⁷⁴. В приведенном выше фрагменте из архивного документа об обсуждении в Москве проекта левобережного «соцгорода» для Новосибирска присутствует и вопрос о зеленой зоне. Он трактовался именно как создание Центрального (физкультурного) парка, а в целом был сделан вывод, что «проектируемый город с окружающей город зеленью по всему контуру, внутригородской зеленью общественного значения, уличной зеленью и внутриквартальными зелеными участками превращается действительно в город-сад»⁷⁵. По мнению некоторых зарубежных ученых, например, американского исследователя советской архитектуры Милки Близнаковой, идея «города-сада» относится к идеологическим символам новой эпохи как и дом-коммуна⁷⁶. По всей видимости, этот вопрос требует поиска дополнительных материалов, в том числе раскрывающих представления архитекторов и градостроителей в провинции о городе-саде.

Городским материалом для книги В. Хазановой о клубах послужили «образцовые» столичные проекты, а также проекты клубов крупных предприятий. Из сибирских примеров имеется лишь одна фотография Дворца культуры в Сталинске – монументального сооружения

---

⁷³ Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба 1917–1941. М., 2000. С. 2, 63.

⁷⁴ Там же. С. 95.

⁷⁵ ГА РФ. Ф.Р-4041. Оп.9. Д.69. Л.75.

⁷⁶ См.: Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник. М., 2001. С. 55.

1936 г. В сибирской историографии внимание уделялось роли рабочих клубов в социалистическом культурном строительстве, а не их внешнему виду и образу в качестве элемента символического пространства города. В настоящее время история клубной жизни региона изучается в контексте истории повседневности (В.И. Исаев). Пора обратиться и к историко-культурологическому анализу региональной специфики феномена клуба – Дворца культуры в пространстве города советской эпохи. В этом отношении стоит снова вернуться к символике пространства Новосибирска. В ней и в истории ее складывания в советскую эпоху есть примечательный элемент из разряда «столичных» признаков – театр оперы и балета, задумывавшийся как Дом культуры и науки (ДКиН). Интересное объяснение потребности в такой постройке в Новосибирске находим в работе сибирских историков градостроительства и архитектуры С.Н. Баландина и В.С. Баландина, посвященной истории строительства новосибирского театра оперы и балета. Авторы подчеркивают: **«Не случайно в 20-е годы и появилась потребность с постройкой Дома культуры и науки, Большого театра Сибири, придать городской среде новое эстетическое значение, точнее – придать городу новый образ, подчеркнуть необыденное его восприятие, отличие от повседневности. Поэтому при обсуждении предложений по строительству ДКиН стремились к пространственному обособлению этого сооружения, рассматривали его как эстетический центр архитектурного ансамбля города»**⁷⁷. И далее авторы указывают, что программа строительства, подготовленная специально созданным при Сибкрайисполкоме Комитетом содействия («комсодом»), расширялась и дополнялась вплоть до решения создать большой культурный центр сибирского масштаба под названием Дом культуры и науки (ДКиН)⁷⁸.

В этом, казалось бы, и ранее хорошо известном в региональной историографии факте, отражено изначальное, в данном «Месте» возникшее, желание заложить «столичный» элемент в региональной символике, по грандиозности (или, как пишет П. Вайль, по имперскому

---

⁷⁷ Баландин С.Н., Баландин В.С. Новосибирск: что остается в наследство?... История строительства и архитектуры здания театра оперы и балета. Новосибирск, 1990. С. 18; выделено нами – В.Р., В.Н.

⁷⁸ Там же. С. 20.

размаху) не имеющий аналогов культурно-зрелищный комплекс в первоначальной задумке. По оценке одного из современных авторов, «проект ДКиН в конечном итоге воплотился в уникальное, со вторым после римского Пантеона куполом, здание Новосибирского государственного академического театра оперы и балета, которое стало воплощением коренного принципа высокого зодчества – «духа места»⁷⁹. Можно считать, что символический замысел, несмотря на резкий идеологически мотивированный переход от конструктивизма к сталинскому ампиру («Большому стилю»), благополучно реализовался в один из главных и до сих пор символов в пространстве столицы Сибири.

С этой точки зрения, как уже указывалось выше, культурное пространство Новосибирска – главного города советской Сибири заслуживает специального внимания историков-культурологов как в целом, так и по отдельным – знаковым сооружениям. К ним, безусловно, относятся Дом Ленина, мемориальный сквер Героев революции, новое здание железнодорожного вокзала. Пока же отметим еще одну точку зрения на символическое значение Дома культуры и науки, высказанную современным архитектором В.М. Пивкиным: «"Большой театр Сибири" – явление со всех сторон уникальное. Его проектирование и строительство, вся его история – социально-культурный феномен. В нем реализовались не только научно-технический прогресс своего времени, но и эпоха, во всей ее сложности и противоречивости. Под стать уникальности здания уникальны и судьбы людей его создавших. <.. > На них пал жребий времени, которое пыталось их по всем составляющим жизни. Может быть именно поэтому воздвигнутое ими здание для них было особо значимым, заключало в себе особый, почти сакральный, смысл, было родным, близким, одушевленным, так что в нем порой они видели, искали, очевидно, и находили духовно-нравственную опору, доверялись ему как другу, с ним связывали свои радости и печали, веру и надежду, все само дорогое, сокровенное»⁸⁰. Из такого понимания символики элементов культурного

---

⁷⁹ Винников Н.И. Истоки и лики архитектуры Новосибирска // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 211.

⁸⁰ Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтелеи К.Е. Осипове. Новосибирск, 2001. С. 7–8.

пространства города очевиден второй пласт, без которого невозможно ее историко-культурологическое прочтение – личностный. Символика «Места» и его деталей создается личностями профессионалов со своими представлениями об эстетических ценностях, о соответствии знаковых сооружений и планировки города, о близости их повседневным и высшим потребностям человека, обитающего в данном месте.

Таким образом, рассмотренные теоретические подходы свидетельствуют, что проблемное поле возможного историко-культурологического изучения интересующей нас темы усложняется и приобретает несколько уровней, каждый из которых вполне самостоятелен и имеет разные масштабы. Так, метафизический (макро-) уровень, с вниманием к городу как целостности и к «Культуре Места», воплощенными в определенном уникальном для каждого города наборе и сочетаниях имен, знаков, символов, мифов его пространства, можно обозначить в качестве базового или исходного. Он определяет общие контуры образа города. Другой – конкретно-исторический – (микро-) уровень наполняет и детализирует схематично представленный образ и динамику его изменений, позволяет увидеть личности творцов отдельных примет, мифов, символов и т.д.

В качестве перспективной исследовательской стратегии в этом случае возникает выявление результатов взаимодействия различных социокультурных процессов как символов и знаков, определяющих своеобразие культурного пространства советского города в качестве особого конкретно-исторического феномена. В то же время набор символов и знаков, их соотношение с другими координатами культурного пространства и культурно-цивилизационного ландшафта каждого конкретного города позволит перейти к решению проблемы сохранения у городов «лица не общего выражения» и в условиях советской эпохи. Тем самым открываются перспективы для междисциплинарного анализа проблемы участия интеллигенции в социалистических преобразованиях пространства любого «Места», в том числе в широкомасштабном, практически одномоментном и повсеместном изменении

прежних ориентиров городского культурного пространства (реальных и символических), что было характерно для первых лет советской власти. Методы воплощения такой стратегии включали топонимическую «революцию» и план монументальной пропаганды. В Сибири первый пик этих решительных действий относится к концу 1919 – началу 1920-х гг. Следующая волна преобразований культурно-цивилизационного ландшафта пришлась на вторую половину 1920-х гг. и была инициирована, с одной стороны, активизацией социалистического строительства «сверху» (подготовка планов первой пятилетки и представления Центра о месте и роли в них Сибири). С другой стороны, стимулирующими факторами стали дискуссии о социалистическом быте и разработка проектов создания социалистических городов с их особым пространством. На 1930-е гг. приходится третья волна изменений в культурно-цивилизационном ландшафте городов СССР, связанная с утверждением «Большого стиля» новой эпохи, с внедрением в культурное пространство городов обязательных символов, материализовавших образ «счастливой и веселой жизни». Затем существенные корректировки вносят экстремальные условия Великой Отечественной войны. Культурное пространство крупных городов-центров Западной Сибири деформируется, планировочные символы «соцгородов» уступают место вынужденным вкраплениям поселков при предприятиях ВПК. В послевоенные годы и вплоть до середины 1950-х гг. на «Культуру Места» влияют идеологические символы, закрепляющие мифологию победившего социализма. Все обозначенное пока в виде гипотетического эскизного наброска требует поэтапного анализа в соответствии с выбранной стратегией и представлениями о двух основных уровнях междисциплинарного изучения символики пространства города, что и будет предпринято далее. Главным при этом остается обнаружение локальной специфики меняющихся смыслов пространства внутри истории культуры крупных городов-центров сибирского региона в условиях упрочения ценностей советской эпохи.

1.3. Советская массовая культура в ландшафте крупного города: дискуссионные вопросы

Включение такого фрагмента в первую часть предлагаемой книги вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, заявленная постановка темы содержит несколько своеобразных проблемных «ловушек». Это дискуссионное содержание, которое вкладывается в понятия «массовая культура» и «советская массовая культура». Затем следует потребность в выяснении понятия «ландшафт города» и в наполнении его соответствующим культурно-историческим смыслом. Кроме того, возникает еще ряд вопросов, требующих научной рефлексии. Их можно сформулировать таким образом: совпадают ли «массовая культура советской эпохи» и «советская массовая культура»? Можно ли отождествлять первое с понятием «культура масс», а второе с понятием «культура для масс», установки которой определяются властью? Наконец, какого рода массовую культуру содержит культурное пространство города советской эпохи и от кого зависит набор ее инфраструктуры?

Если же учитывать, что «пространство города – это ... хранилище различных кодов, знаков, возможностей реализованных и нереализованных, иллюзий, мифов»⁸¹, а в его культурном ландшафте могут закрепляться в материализованных формах как желаемые властью официальные идеалы, так и реально существующие массовые культурные ценности, то исследовательские задачи усложняются. Дистанция между реальными элементами городского пространства и содержанием политических технологий, используемых властью для его наполнения, зависит от специфики отдельных этапов общего периода советской истории. Поскольку все отмеченное принадлежит к малоизученным аспектам истории отечественной культуры XX века и к недавно определившемуся для авторов проблемному полю проекта «Культурное пространство западносибирского города в 1920–1950-х гг.», то в предлагаемом параграфе остановимся лишь на некоторых из перечисленных вопросов. Это выяснение исследовательских

---

⁸¹ Силкина Л.В. Пространство города как сосредоточение материальных и духовных ценностей цивилизации // Пространственность развития и метафизика Саратова... С.75.

возможностей для преодоления указанных проблемных «ловушек» и фиксации определенных результатов, полученных преимущественно на региональных материалах.

Начнем с новых признаков ситуации в профессиональной историографии, в которой прежде доминировал социальный подход к истории культуры. История советской культуры была представлена через историю культурного строительства, выполнение задач культурной революции, что в итоге должно было свидетельствовать об успехах проникновения культуры в массы. Подчеркнем, что даже после того, как с середины 1980-х гг. некоторые исследователи предложили рассматривать культуру системно, по трем блокам (образовательно-научный, художественно-эстетический, нравственно-этический), в основе их видения «массовой культуры» сохранялось социальное ядро. В этом отношении показательна точка зрения одного из ведущих историков советской культуры В.Л. Соскина, который считает, что пока не создана даже социальная история советской культуры⁸². Там же он подчеркивает, что для него «история массовой культуры имеет ключевое значение. Самим своим названием массовая культура выражает принадлежность к большей части населения и, следовательно, содержит наибольший человеческий потенциал». По его убеждению, задачу социальных историков можно определить не как познание механизма, устройства, форм и специфики выражения той или иной отрасли духовной культуры, а как изучение способа их социального существования, места и роли в общественной жизни»⁸³. Он связывает такую направленность историко-культурных исследований с поворотом к человеческому измерению социокультурных процессов, но не в личностном (единичном) варианте, а во внимании к культуре масс. Отсюда автор выводит свое представление о сущности массовой культуры как понятия «охватного», характеризуемого сточки зрения его распространенности⁸⁴. В.Л. Соскин ограничивает объект своего анализа той культурой, которая, по его мнению,

---

⁸² Соскин В.Л. Советская массовая культура: у истоков (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2001. С. 5.

⁸³ Там же. С. 9–10.

⁸⁴ Там же. С. 8.

в разнообразных формах функционировала в массовой среде, и в первую очередь была представлена культурой, инициированной государством⁸⁵.

В то же время он считает, что необходимо учитывать многослойность массовой культуры, требующую применения нестандартных методов исследования из других областей знания, хотя сам он так задачу не ставит. Таким образом, он по существу открывает дорогу поиску других исследовательских моделей. Однако сам он убежден, что для социальных историков несравненно важнее, чем для отраслевых культурологов, выяснение взаимосвязей культуры, идеологии и политики. И далее В.Л. Соскин утверждает, что в роли главной «ударной» силы «культурного фронта» всегда выступала массовая культура, нацеленная на «простого», рядового человека-представителя народного большинства⁸⁶.

Сознание и поведение такого человека, благодаря усвоенной и доведенной до уровня массовых стереотипов идеологии, определяли судьбу советского государства и глобальных замыслов его большевистского руководства. Этот постановочный тезис введения ученый обосновывает в основной части, состоящей из трех глав. В первой упор делается на основные тенденции дореволюционного внешкольного просвещения. Вторая посвящена раскрытию двух аспектов культурной политики советского государства – идеологии и организационной деятельности, включая разработку системы руководства культурой. Центральное место занимает третья глава «Советская массовая культура».

Такая точка зрения привлекает определенной новизной для современной отечественной историографии культуры. Вместе с тем она может иметь разные схемы реализации, что нам и демонстрируют некоторые публикации рубежа XX–XXI вв. Такова, например, книга Ш. Плаггенборга⁸⁷. Немецкий исследователь также пытается рассмотреть проблему «нового человека» в контексте «культурных проектов», идущих сверху. Интересно сравнить предлагаемые исследователями

---

⁸⁵ Соскин В.Л. Советская массовая культура... С.6.

⁸⁶ Там же. С. 10.

⁸⁷ Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.

ракурсы анализа культурной практики первого советского десятилетия. Ш. Плаггенборг обращается к ее многообразию (борьба с неграмотностью, радиовещание, кинематограф, музеи и экскурсии, монументальная пропаганда, послереволюционные праздники). В книге В.Л. Соскина четыре параграфа основной третьей главы посвящены ликбезу, культпросвету, средствам массовой информации и агитпропу. Таким образом, перед читателем в обоих случаях, хотя и в разном наборе, предстают основные звенья «новой культуры» для победивших трудящихся масс, конструируемые сверху.

Однако в наборе, предлагаемом Ш. Плаггенборгом, имеются те элементы инфраструктуры массовой культуры, специфика которых рождается в культурном пространстве городов и присуща не только «советской культуре». Следовательно, этот подход ближе к расширительному толкованию понятия «массовая культура», при котором на первый план выходит связь его содержания с особым типом культуры, появление которого вызвано техническими новшествами и своеобразием городов как центров инновационных процессов в культуре. Об истоках и этапах развития массовой культуры как такого принципиально важного нового явления, характеризующего прогресс человечества с конца XIX века, в том числе применительно к России первыми стали писать искусствоведы⁸⁸. Некоторые из их наблюдений следует иметь в виду социальным историкам культуры. Тем более они полезны исследователям, предлагающим другие модели изучения массовой культуры в советскую эпоху. В частности, К.Э. Разлогов указывает на «странные метаморфозы», которые происходят с массовой культурой в современной жизни. Их суть сводится к тому, что по форме массовая культура продолжает традиции реалистической просветительской культуры, но ее содержание подчиняется иным законам и иным механизмам развития современной культуры. Произведения искусства не только тиражируются, но и потребляются в соответствии с этими иными законами, не подчиняясь политическим решениям, выработанным на представлениях власти о том, какая культура нужна массам.

---

⁸⁸ См., например: Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910-х годов. М., 1976; Разлогов К. Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? М., 1992.

К признакам новизны в историографии отечественной культуры 1990-х гг. мы относим появление учебных пособий, а по сути, авторских и коллективных трудов, в которых заявлено свое понимание общего историко-культурного процесса и разные подходы к интересующему нас феномену «советской массовой культуры». Так, в книгах И.В. Кондакова⁸⁹, имеющих философско-культурологическое основание, массовая советская культура предстает как насаждаемая сверху идеолого-пропагандистская, тоталитарная часть культуры России в условиях советской эпохи, не устранявшая тем не менее потенциального культурного плюрализма, а лишь загонявшая его в культурный подтекст, в нравственное или политическое «подсознание» эпохи. В пособии, подготовленном преподавателями МГУ⁹⁰, сочетается традиционное линейное изложение с системным видением, подчеркивается особое влияние политики на культуру России в XX веке. В то же время отмечено нарастание многообразия социокультурных процессов за счет упрочения уже к началу XX в. новой культурной среды городов с таким важным признаком индустриальной урбанизированной культуры как технические средства и коммуникационные связи. Из содержания раздела IV, посвященного культуре XX века, становится очевидным, что, как и И.В. Кондаков, авторы рассматривают советскую культуру в качестве официальной составляющей культуры России в советскую эпоху. Что же касается признаков ее массовости, то они представлены теми же инфраструктурными элементами, развитие которых связано с техникой и городской средой, за исключением оставшихся без внимания применительно к культуре XX века архитектуры, монументальной скульптуры и градостроительства.

Третий – историко-культурологический подход отличает учебную книгу Л.Г. Березовой и Н.П. Берляковой⁹¹. В ней делается упор на раскрытие механизмов саморазвития культуры, дается толкование

---

⁸⁹См.: Кондаков И.В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 1999. С.244–269; Он же. Культурология: История культуры России. М., 2003. С.319–354, 375–404, 415–440.

⁹⁰История русской культуры IX–XX вв. / В.С. Шульгин, Л.В. Кошман, Е.К. Сысоева. М.Р. Зезина. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

⁹¹Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры. В 2 ч. М., 2002.

понятия «массовая культура», подчеркивается, что «массовая культура» возглавила список культурных характеристик XX века и является определенным типом культуры, который ориентирован на максимальное распространение стандартизированных и унифицированных продуктов материального и духовного потребления. Авторы добавляют еще два определения «массовой культуры». Одно связано с индустриальным производством культурного продукта и коммерческим его использованием, другое со свойством «массовой культуры» систематизировать, упрощать, «упаковывать» избыточную социокультурную информацию в легко усвояемые формы досуга. Феномен советской культуры в хронологии 1930-х – 1980-х гг. в этой книге предстает, во-первых, как средство и объект государственной (тоталитарной) политики и, во-вторых, одновременно как мифологизированная культура, в которой соединялись повседневность, коллективный досуг и массовые политические действия. Миф, сливавшийся с реальностью, создавал особое культурное пространство со своей символикой и семиотическим кодом. Массовая культура советской эпохи имела официальное и неофициальное поле.

Преимущества историко-культурологического подхода, предложенного в учебнике Л.Г. Березовой и Н.П. Берляковой, видятся нам в принципиальном акценте на основных факторах, способствовавших созданию среды массовой культуры в России (технизация, урбанизация и распространение грамотности), а также в употреблении авторами словосочетания «культурно-цивилизационная среда». Причем в случае с советской культурой, с ее массовыми проявлениями, с вопросом о сложной иерархии символов внутреннего пространства тоталитарной культуры уделяется некоторое внимание архитектуре, монументальному искусству и элементам градостроительной политики⁹².

Сопоставляя приведенные варианты представлений о советской массовой культуре, можно сделать вывод, что перспективный поворот к новому более широкому видению этого феномена наметился именно в изданиях, предназначенных для образовательной сферы. В

---

⁹² Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры. 4.2. С.320–321, 324–329.

исследовательской литературе конца XX – начала XXI вв. признаком несомненной новизны, на наш взгляд, следует считать, во-первых, изучение массовых советских революционных праздников⁹³ как способа подготовки к созданию единого исторического мифа о советском обществе и нового культурного пространства как массовой среды обитания советского человека. Вторым новым направлением становится внимание к советскому городу в контексте истории повседневности и включение в эту проблематику вопросов, связанных с изменениями семантики и семиотики пространства советского города⁹⁴. Таким образом, в пространстве, предназначенном «для культуры масс», исследуются не только идеологические ориентиры, утверждавшиеся через систему Агитпропа и являвшиеся опорами пространства тоталитарной культуры. О первых пишет В.Л. Соскин в указанной работе и подчеркивает, что именно это звено массовой культуры должно было внести в сознание советских людей идею диктатуры пролетариата как нравственной ценности. Роль искусства и архитектуры в политике тоталитарных режимов, стремившихся закрепить унифицированные ценности в массовом сознании, за последние 10–15 лет была представлена в многочисленных трудах искусствоведов, литературоведов и других «отраслевых культурологов»⁹⁵. В большинстве из них присутствуют историко-сравнительные характеристики ситуации в СССР и Германии. Вместе с тем анализируются преимущественно столичные приметы этой части советской массовой культуры,

---

⁹³См.: Рольф Мальте. Советский массовый праздник в Воронеже и Центрально-Черноземной области России (1927–1932). Воронеж. 2000; Малышева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 годов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. С.231–254.

⁹⁴См., например: Сальникова А.А. От казанских слобод к Казани социалистической: смена семантико-семиотического кода // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Материалы 3-й Всероссийской летней школы. Казань, 2002. С.111–118; Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре// Русская провинция: миф-текст-реальность... С.318–320; Лебедева Н.И., Рыженко В.Г. Омск. «Город на границе государства Российского...». Историческая мозаика. СПб., 2001. С.74–81, 85–87, 91–94.

⁹⁵Укажем на одну из малоизвестных российскому читателю публикаций: Иванов С.Г. Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ. Киев, 2001.

в которых явно прослеживается влияние устремлений и указаний главного зодчего страны.

В то же время огромное значение в культурном пространстве советской эпохи имела архитектура не в значении «застывшей идеологии», а создававшая повседневный культурный фон и соответствующие координаты для жизни в провинции. Изучение этого сегмента нового проблемного поля может оказаться весьма эффективным для понимания соотношения между культурой России в условиях советской эпохи и советской массовой культурой. Поскольку на местах «в советской глубинке» далеко не всегда реализовывались проекты доминантных ориентиров советского культурного пространства, которые должны были следовать столичному образцу. Наиболее показательны в этом отношении попытки создания в республиканских и областных центрах своих Дворцов Советов. Заметим, что некоторые из этих проектных вариантов, обнаруженные искусствоведами, как это произошло, например, в Омске⁹⁶, свидетельствуют, что в качестве подражания образцу могло выступать лишь символическое предназначение – быть главным сооружением на главной площади, но не копировать внешний облик столичного Дворца Советов. По данным И.В. Спириной омский проект, место для реализации которого было определено также с помощью сноса важнейшего культового символа «старого» Омска – Успенского кафедрального собора, имел первоначально шесть этажей, затем их количество сократилось до четырех. Вместе с тем это должно было быть монументальное сооружение, определявшее административный центр города и его главную площадь. Дальнейшие исследовательские шаги в изучении процесса наполнения городского пространства приметами советской массовой культуры, одной из которых, безусловно, является центральная площадь, предназначенная для тождественных парадов и манифестаций, предпринимаются нами из других перемен в историографической ситуации. При этом сама ситуация понимается уже шире отраслевого знания.

---

⁹⁶ Спирина И.В. К истории Дома Советов в Омске. Архивные источники // Сборник научных трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Омск, 1999. С. 71–74.

Еще раз обозначим наиболее существенные для нас характеристики этих перемен. В 1990-е гг. активизировалось внимание исследователей (историков и культурологов) к изучению динамики знаковых и символических признаков культуры определенного места (прежде всего, крупного и столичного города). Складывание междисциплинарного союза исторической науки, культурологии, урбанистики, регионоведения, отраслевых историй (градостроительства и искусства) открывают новые возможности при изучении истории культуры XX века, в том числе, при рассмотрении вклада в нее отдельных отрядов интеллигенции. При этом не игнорируются результаты, полученные в российской и региональной историографии культуры и интеллигенции в рамках социального подхода.

Напротив, необходимо учесть обширный эмпирический материал, который накопила проблемная советская историография. Например, такое ее направление как изучение памятников истории, культуры, архитектуры и градостроительства. В свое время историки активно участвовали в паспортизации памятников, среди которых согласно официальным концепциям советской истории приоритетными были архитектурные сооружения, мемориальные комплексы и монументы, посвященные ее героям, в том числе обязательные для любого города памятники вождям. Запечатленная «в камне и бронзе» история советской эпохи формировала соответствующие стереотипы массового сознания и второстепенное отношение масс к художественно-эстетической ценности этих сооружений.

Повторим, что в 1990-е гг. в число объектов междисциплинарного анализа входит город как социокультурный феномен. Одна из наших недавних работ была специально посвящена рассмотрению новейших подходов к изучению города, предлагающихся отечественными и зарубежными исследователями⁹⁷. Здесь же мы считаем необходимым включить размышления над некоторыми теоретическими аспектами историко-культурологического изучения российского города, связанными с проблематикой изучения массовой культуры. При

---

⁹⁷ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С.66–85.

этом город мы воспринимаем как особый вариант проявления и бытования культуры «Места», локальное своеобразие которого может проявиться и в наборе элементов инфраструктуры массовой культуры советской эпохи. В то же время мы попытаемся наметить некоторые конкретно-исторические линии, связанные с изучением особых символов – примет культурного пространства отдельных крупных городов-центров, используя материалы по Западной Сибири.

В российской историографии до сих пор существует определенное недоверие к локальным исследованиям, отождествляющимся, как правило, с эмпирическим краеведением. Поэтому выше было указано на появление иного взгляда на проблемы методологии местной истории и на разработку теоретико-методологических моделей изучения города как социокультурного явления и части мирового, регионального и локального культурного пространства. В этой связи была приведена позиция С.А. Гомаюнова и Т.И. Алексеевой-Бескиной.

Вернемся к вопросам теории и истории символики культурного пространства советского города (и/или «соцгорода» как отдельного поселения или особого района в крупном городе). Методологически важно исходить из того, что двойственность, а точнее, многослойность «текста» советского города (в разнообразных его вариантах) содержит динамически менявшиеся признаки вполне реального и одновременно символического городского пространства – «Места организации социалистического типа расселения». Здесь в проектном представлении предполагалось одно пространство, в итоге формировался другой мир, своя культура повседневности и социокультурные ориентиры горожан – его обитателей. Изучения в выбранном нами ракурсе заслуживает история планировки и застройки этого пространства в целом и его отдельных частей.

Важно при этом учитывать, что строжней организации социалистического быта в «соцгородах» была интернациональная линия. Это четко просматривается в подходах центральных органов, ведавших коммунальным хозяйством и строительством городов⁹⁸. То же можно обнаружить в планах и реалиях застройки сибирских городов, в определении местных архитектурных доминант.

---

⁹⁸ См.: ГАРФ. Ф.4041. Оп.2. Д.441. Л. 1–4.

Для историка культуры в этом отношении весьма показательна ситуация с Новосибирском. Так, если в 1925 г., когда решался вопрос о переименовании Ново-Николаевска, то все-таки высказывались предложения отразить в новом названии сибирской столицы ее значение для «сибирских туземцев»⁹⁹. А в 1929–1930 гг. в докладах по перепланировке города полностью отсутствует внимание к проблемам межнационального общения, в том числе и в вопросах культурной функции города¹⁰⁰.

Для материализованных признаков КЦЛ, прежде всего, общественных зданий крупных сибирских центров в 1930-е гг. не характерны национальные элементы, поскольку главным в архитектуре становится вначале функциональность, а затем – монументализм классического «Большого стиля» в полном соответствии с каноном социалистического реализма. Единственным исключением могла бы стать в Новосибирске реализация проекта 1930 г. об устройстве парка культуры и отдыха с «этно-ландшафтом» по аналогии со Скандинавией и Германией¹⁰¹. Отдел живого музея должен был раскрыть бытовую и экономический комплекс населения Сибири в его естественном окружении природой, в зональной последовательности. В документе подчеркивалось, что «в связи с бурно развивающимися после революции социалистическим содержанием и формами быта особый интерес будет представлять быт и экономика населения Сибири дореволюционного периода». Музеефикация прежнего культурного пространства – идея музея-парка, «где в виде манекенов будут представлены туземные народности, одетые соответственно, окруженные предметами быта, орудиями производства», по мнению разработчиков, будет иметь огромный просветительский и воспитательный эффект.

Вторая волна взаимопроникновения миграционных и местных культурных потоков связана со сложившейся массовой культурой «победившего социализма и дружбы народов». Одним из ее монументальных символов становится своеобразное «сакральное» для всех

---

⁹⁹ Сибирские огни. 1926. №3. С.235.

¹⁰⁰ ГАНО. Ф.531. Оп. 1. Д.27. Л. 1–18, с двух сторон; Ф. 1228. Оп. 1. Д.691. Л.

1.

¹⁰¹ ГАНО. Ф.217. Оп.1. Д.254. Л.4–6.

остальных городов СССР пространство ВСХВ – Всесоюзной сельскохозяйственной выставки с фонтаном «Дружбы народов».

Однако сближение межнациональных культурных потоков в этом варианте советской культуры реально обозначилось лишь в обстановке Великой Отечественной войны, когда первостепенную роль приобретала **общая** идея защиты **общего** Отечества и **общего** культурного наследия. (Выделено нами – В.Р., В.Н.). Причем формы его проявления, как и в 1930-е гг. не касались материальных частей городского культурного пространства, а относились к социальным и духовным элементам его инфраструктуры. Как уже отмечалось нами в 1997 г., эвакуированные в сибирские города высокопрофессиональные национальные творческие коллективы (музыкальные, театральные, художественные) приносили своей деятельностью в местные культурные ландшафты (даже на стадии адаптации) образы и традиции национальных культур. В то же время этот процесс отражал внедрение преимущественно тех образцов национальной социалистической культуры, которые сложились к концу 1930-х гг. в «столицах» союзных и автономных советских республик.

Тем не менее, межнациональные культурные потоки в городах Сибири в условиях этой экстремальной полосы отличались движением навстречу друг другу и взаимообогащением, включая освоение новых жанров, приемов творчества, углубления профессионального мастерства, подготовки кадров работников искусств. Все это можно оценивать как накопление потенциала для будущего развития толерантного культурного пространства в городах региона и создания предпосылок для становления в них поликультурных ядер культурно-цивилизационного ландшафта открытого общества. Однако локальные и региональные межкультурные процессы в условиях приоритетов «застывшей» советской культуры 1930-х – 1950-х гг. требуют дополнительного изучения.

Отдельный сюжет темы советской массовой культуры связан с практикой паркового строительства. В этом случае важно систематизировать информацию, обнаруженную искусствоведами применительно к отдельным городам Сибири и сопоставить замыслы создания местных парков со столичным образцом – Парком культуры и отдыха имени М. Горького, с его пространством и символическими

сооружениями. Некоторые проектные документы предварительного характера по поводу создания общегородского парка, относящиеся к 1930 г., имеются в фондах Новосибирского архива. Они примечательны идеями насытить парковое пространство полезными с просветительской точки зрения элементами. Таким оригинальным фрагментом должен был стать уже упомянутый выше отдел живого музея, расположенный в середине парка, соединяющий в себе зоопарк и музей по образцу Скандинавии, Германии и Москвы.

К концу 1930-х гг. менялись представления о роли парков и их центральных сооружениях. Главным в их пространстве становились спортивные площадки и зеленые театры. Образ Центрального парка страны описывался в изданиях, предназначенных для масс примерно в тех же выражениях, что и объект первой всесоюзной народной стройки – Дворец Советов. В календаре на 1940 год «Страна социализма» указывается, что в ЦПКиО больше спортивных площадок, чем их было 20 лет назад во всей Москве, среди расположенных в парке 6 театров выделяется крупнейший в стране зеленый театр с двадцатитысячной аудиторией, парк стал одним из центров художественной самодеятельности столицы, по вечерам на его аллеях возникают массовые хоры¹⁰². О менявшихся представлениях о том, каким должен быть соответствующий парк в крупном городе, свидетельствуют находки искусствоведов, относящиеся к нереализованным проектам. Из материалов омской исследовательницы С.В. Черноок раскрывается один из таких примечательных местных проектов – Зеленый театр архитектора В.А. Касаткина, выполненный в виде античного форума в духе опоры на классическое наследие, становившейся главной в эстетике «Большого стиля»¹⁰³. Однако, как считает С.В. Черноок, все-таки местные специалисты больше считались с практической целесообразностью, стремились вписать задуманные сооружения в окружающую природу для гармоничного общения человека с ней. Вместе с тем исследовательница определяет ансамбль

---

¹⁰² См.: Страна социализма. Календарь на 1940 год. М., 1940. С.597.

¹⁰³ Черноок С.В. Проект Зеленого театра в Омске (1938 год, архитектор В.А. Касаткин) // Сибирский сад – территория мечты. Сборник материалов регионального научно-художественного проекта Омск – Новокузнецк, 2002. Омск, 2004. С. 94–97.

Зеленого театра Парка культуры и отдыха, предстающий в графике В.А. Касаткина как «средокрестие массовой культуры и идеологии, в пространстве которого выковывался новый человек».

Реализованными итогами разнообразной проектной деятельности становились новые пространственные координаты в городском региональном культурно-цивилизационном ландшафте. Их описание даст возможность сравнить топонимику крупных центров региона и сопоставить выводы с оригинальными рассуждениями В. Паперного в его книге «Культура 2». Имеется своеобразие в наличии знаковых мемориальных мест в пространстве городов, их художественных достоинств и судьбы в постсоветскую эпоху. Частично об этом мы уже писали. Предполагается добавить к этому топографию памятников вождям и распределение гипсовых символов советской эпохи (пионеры, девушки-спортсменки, воины и т.д.) в культурном ландшафте города. Такое сравнение поможет и в решении вопроса о наполнении содержания понятий «советская массовая культура» и «массовая культура в советскую эпоху».

Все обозначенное требует поэтапного анализа в соответствии с выбранной стратегией и представлениями о двух основных уровнях междисциплинарного изучения символики пространства города, что и будет предпринято авторами в качестве следующих шагов. Главным при этом для нас остается обнаружение локальной специфики меняющихся смыслов пространства внутри истории культуры крупных городов-центров сибирского региона в условиях упрочения ценностей советской эпохи. Вместе с тем, в связи с затронутыми дискуссионными вопросами напомним о своем отношении к содержанию понятия «советская культура». Первоначально наша общая позиция была представлена на Всероссийской научной конференции в Новосибирске в 1998 г.¹⁰⁴ Попытки типологизировать советскую культуру могут расцениваться, на наш взгляд, как вариант типологизации ее образа, который конструировался «сверху» и распространялся

---

¹⁰⁴ См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Советская культура – особый мир или часть отечественного культурного наследия (региональные аспекты проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С.182–187.

в массах, в реальности этот образ трансформировался усилиями деятелей местных «культурных гнезд» и/или сосуществовал наряду с другими субкультурными напластованиями отечественной культуры.

В итоге советская массовая культура представляла результат общей, но разнонаправленной деятельности «верхов» и «низов» и оформилась как уникальный субкультурный сплав, в котором якобы взаимоисключающие друг друга элементы были органически скреплены под воздействием механизмов саморазвития массовой культуры индустриально-урбанизированной цивилизации. Этот рабочий вывод может быть скорректирован только путем тщательного анализа местной культуры, культурного пространства крупных городов и его трансформаций в обозначенный отрезок нашей истории

1.4. Проблема переходных состояний в культуре России XX века и советская культура

В 1998 г. соавторы предлагаемых ниже рассуждений подчеркивали, что отношение к разработке проблематики истории советского общества и его культуры, к ее деятелям и к культурному наследию, созданному в советскую эпоху, было подвержено особенно сильным «приливам» и «отливам» категорических и одновременно диаметрально противоположных оценок¹⁰⁵. После анализа наиболее значимых трудов тех лет (В.Л. Соскина, М.С. Кагана, Б.С. Ерасова, А.В. Лубского) определилась наша собственная позиция. В то время она сводилась к предложению видеть в советской социалистической культуре уникальный субкультурный сплав, один из реальных пластов культуры России и ее «местных» культурных гнезд. Попытки употреблять по отношению к советской культуре понятие «тип» представлялись нам необоснованными из-за невозможности применить при типологии глобальные критерии, в частности, такие как замена механизмов саморазвития культуры, изменения определяющего вектора реального культурного процесса. На наш взгляд, суждения философов, социальных культурологов и историков больше относились к проблеме типологизации конструируемых образов той или иной культуры, а не к их реальному воплощению, поскольку при этом происходит неизбежная трансформация намеченного под воздействием закономерностей развития индустриально-урбанизированного общества с соответствующей социокультурной доминантой.

За прошедший период в изучении феномена советской культуры в целом и его отдельных составляющих произошли значительные изменения. Одной из таких перемен является упрочение тенденции рассматривать советскую культуру в рамках общих историко-культурных процессов, начиная от рубежа XIX–XX вв. и вплоть до переживаемого нового рубежа XX–XXI вв. Это характерно, например, для совместных проектов 1990-х гг. зарубежных (немецких) и российских исследователей. Это представители Института русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана (Бохум, ФРГ), Центр междисциплинарных

---

¹⁰⁵ Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Советская культура – особый мир или часть отечественного культурного наследия (региональные аспекты проблемы)...

исследований (Билефельд, ФРГ) и Ассоциации исследователей российского общества XX века (Москва). Полученные результаты были отражены в ряде недавних публикаций. Из них выделяются сборники статей «Соцреалистический канон»¹⁰⁶, «Советское богатство: Статьи о культуре, литературе, кино»¹⁰⁷, а также материалы Форума немецких и российских исследователей¹⁰⁸. Кратко значение этих трудов в современной историографии можно определить таким образом: в них легитимизируется внутри историко-культурного процесса XX века советская культура с присущей ей соцреалистической «бесконфликтностью/конфликтностью», впервые предлагается видеть в социалистическом реализме уникальный историко-культурный феномен, а проблема «власть и культура» распространяется на субкультурные и контркультурные явления в культуре XX века.

Другая современная исследовательская линия связана с деятельностью Научного совета «История мировой культуры» РАН. Это постановка и начало разработки проблем исторических переходов и переходных процессов в меняющемся мире, включая их проявление в определенном социокультурном пространстве – пространстве города – ядра динамики культуры и цивилизации, а также соответствующих их внутреннему содержанию субкультурных пластов. Упомянем два новейших издания, наиболее близких нашим интересам и заявленной теме: «Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики» и «Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время»¹⁰⁹. Для анализа материальных и духовных координат культурного пространства западносибирского города в советскую эпоху

---

¹⁰⁶ Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000.

¹⁰⁷ Советское богатство: Статьи о культуре, литературе, кино. К 60-летию Ханса Гюнтера / Под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова, СПб., 2002.

¹⁰⁸ Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова и И. Грабовского. М., 2002.

¹⁰⁹ Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 2001; Переходные процессы в русской художественной культуре. Новое и Новейшее время / Отв. ред. Н.А. Хренов. М., 2003.

(1920-е – 1950-е гг.) представляется важным осмыслить предлагающиеся теоретические подходы к проблеме переходности в культуре. Особенно это касается понимания русской культуры как культуры инверсионного типа и одновременно дает основания поставить вопрос о том, чем является советская культура: культурой переходного состояния или культурой завершившихся переходов. Отсюда и проблема различных проявлений конфликтов субкультур в культуре России XX века может предстать под другим углом зрения, что будет способствовать ее конкретно-историческому изучению в более широком контексте.

Остановимся на статье Н.Я. Ястребовой из второго сборника¹¹⁰. Примечательно, что автор, отталкиваясь от анализа процессов в искусстве советского времени, указывает на внутреннюю сложность переходов, присущих именно русской культуре (культуре России) XX века с ее открытыми разрывами и существованием в советской культуре «Фасадного и Теневого», «зримости и незримости смыслов». По мнению исследовательницы, в советском искусстве «гнездились тайные, непроизносимые конфликты. Именно они перемещали его (искусство) в проблемное поле художественной культуры всего века в целом. Конфликты были под запретом. В "несуществовании". Такие непроизносимости объективно формировались в советском культурном пространстве и обладали своими особыми потенциалами». Выделенные Н.А. Ястребовой четыре периода в переходных процессах в истории и культуре России XX века и обозначенные итоговые разрывы стержневых программных принципов эстетического формирования сознания со скрытым присутствием фасада и подполья – это, на наш взгляд, смелая гипотеза, содержащая общий рисунок скачкообразного и непропорционального развития отечественного искусства за указанный период.

Заметим, что в предложенной периодизации наиболее специфичен отрезок времени с 1930-х по 1980-е гг. Для исследовательницы его своеобразие предстает, с одной стороны, во **внешней кажущейся стабильности**. (Причем организующим фактором этой стабильности

---

¹¹⁰ Ястребова Н.А. Искусство советского времени в проблемном поле европейского XX века // Переходные процессы в русской художественной культуре... С.459.

является эстетика мощной социалистической идеи и ее разветвленной идеологии. Выделено нами – В.Р., В.Н.). Одновременно Ястребова обозначает это время как «центральное» в культурной биографии российского XX века, когда превозносится стабилизация разрыва. **Принцип разрыва** заявлен ею в качестве **системообразующего** для советской социалистической культуры, несовместимой с «иным» разлагающимся (западным) искусством. Поэтому внутри этой «культурной мифологемы» она видит другую специфическую черту – существование теневой энергетики, создающейся реальной конфликтностью. Ястребова предлагает видеть в советском искусстве «общую формулу художественного сознания XX века: **на грани и через грань** (но под колпаком тоталитарности)»¹¹¹.

При таком исследовательском подходе, в большей степени, с точки зрения историков, пока предполагающем, чем доказывающем, тем не менее, возникает принципиально новое видение внутреннего содержания советской культуры и его соотношения с культурой России в условиях советской эпохи. Разведение этих историко-культурных феноменов для нас очевидно, особенно при обращении к городу как конкретному месту их бытования и развития, наполняющемуся в результате наслоениями реальных и символических признаков каждого из феноменов. Именно здесь, на наш взгляд, должно осуществляться наполнение жизни и искусства «непроизносимостями». Здесь сосредоточивается «тайный нерв культуры», о котором пишет Н.А. Ястребова, понимая под этим нервом «смутное ожидание публикой теневых смыслов, их вылавливание в массивах официально дозволенного».

Где и в каких деталях городского культурно-цивилизационного ландшафта может быть закреплён этот «тайный нерв» советской культуры и можно ли согласиться с определением российской советской культуры и ее материализованной повседневности в виде «активного зазеркалья», созданного самой действительностью, самой Властью? Или в каждом сооружении советской эпохи (от административных, клубных, общественных, образовательных, зрелищных зданий и прочих сооружений до откровенно идеологизированных мемориальных

---

¹¹¹ Ястребова Н.А. Искусство советского времени... С.460; выделено Н.Я. – В.Р.,В.Н.

комплексов и памятных мест) следует искать заявленное исследовательницей в качестве определяющего признака советской культуры «второе дно»? Не имеем ли мы дело с временным его наличием, то есть, со случаем своего рода «микрпереходного состояния», когда после материализации первоначальная идея постепенно забывается?

Так мы воспринимаем, например, столичные постройки 1930-х – 1950-х гг. как завершенный в своих художественно-эстетических признаках пласт российского культурного наследия и одновременно как профессиональный образец для местных архитекторов при формировании облика провинциальных городов, на который следовало равняться и который не мог в реалиях своего времени иметь «второго дна».

Эти вопросы остро встают при изучении архитектурных и градостроительных реалий городского пространства «сталинской эпохи». Соцреалистический канон как историко-культурный феномен (когда «оба дна» являются его реальными признаками – В.Р., В.Н.) характеризуется в первую очередь монументализмом и классицизмом (в смысле гармоничности и упорядоченности), присущими именно архитектуре и собственно монументальному искусству. Принимая во внимание тезис Ястребовой о существовании всего советского искусства, следовательно, и указанных выше областей (как внутри мифологемы, так и вне ее) как искусства, направленного на освоение «пороговости» жизни, перехода из **прежде** в **теперь**¹¹², следует иметь в виду, что городское культурное пространство отражает **уже состоявшийся переход** (выделено нами – В.Н., В.Р), закрепивший еще один субкультурный слой и ситуацию его видимых конфликтов с существующими элементами культурно-цивилизационного ландшафта.

Содержанием таких конфликтов могут быть эстетические и стилистические несоответствия в облике города и его образе, которые первоначально воспринимаются неоднозначно и обостренно вплоть до негативного отторжения, а затем по истечении времени их восприятие приглушается, в том числе и под воздействием вторжения в городскую среду новых продуктов деятельности очередных

---

¹¹² Ястребова Н.А. Искусство советского времени... С.463; выделено Н.Я. – В.Н., В.Р.

субкультур. Могут быть и конфликты другого вида, например, между Культурой 1 и Культурой 2 – между «горячей» культурой авангарда 1920-х гг. и «холодной» культурой сталинской эпохи. Так предлагает видеть историю советской архитектуры и всей советской действительности Владимир Паперный¹¹³. Двойственность, присущая сталинской образцовой архитектуре, о которой пишет Паперный, не соответствует упомянутой выше идее «второго дна». В книге Вл. Паперного речь идет о реальных и одновременно символических системообразующих признаках советской культуры 1930-х – 1950-х гг. Применительно к архитектуре это двойной масштаб (масштаб человека и масштаб универсалии Человека), двойное представление о социальной роли архитектора (он проектировщик и заказчик, причем в этой ипостаси он еще и государственный деятель). Архитектура, войдя в Культуру 2 в состав «высокого искусства», отделяется от реальностей жизни. В то же время в реализованных архитектурных сооружениях тех лет закрепляется классический (античный) художественный образ пространства «красивой и счастливой жизни», а в послевоенные годы важными деталями этого образа становятся мотивы триумфальных арок, букетов, вазонов с цветами и плодами. Они включаются в качестве обязательных элементов на фасадах в интерьерах общественных зданий, и жилых домов.

Однако конструирование такого пространства по образцу столицы лишь частично оказывалось возможным в провинции, особенно в тех крупных городах, где, почти в исторической застройке центральных частей, были размещены в годы Великой Отечественной войны эвакуированные предприятия. Провозглашавшийся курс на ансамблеводность городской планировки и строительство «города-ансамбля» вступал в противоречие с реалиями. Усилия по его реализации «сводились на нет», по мнению Ю.Л. Косенковой¹¹⁴, «поселковым» характером развития городов. Она же подчеркивает, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. нарастали кризисные явления в застройке городов, которые советские архитекторы пытались преодолеть на уровне композиционных средств, проектируя для застройки магистралей

---

¹¹³ Паперный Владимир. Культура «Два»...

¹¹⁴ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000. С. 191.

крупномасштабные, экспрессивные и многозначные здания-символы. Другая оценка той ситуации, данная Косенковой, имеет непосредственное отношение к вопросу о степени соответствия культурного пространства сибирских городов советской «культурной мифологеме». Исследовательница пришла к выводу о том, что в удаленных от центра восточных районах практически полностью отсутствовала реконструктивная деятельность, и обозначила это как эффект «гаснущей волны». Рассмотрение вопроса о специфике советской культуры в пространстве отдельных городов Западной Сибири позволит уточнить этот вывод.

Соответствующая официальному курсу застройка отдельных районов в крупных городах Западной Сибири в 1930-е гг. на создание новых главных площадей не всегда устраняла полностью исторически сложившиеся городские центры, а вписывалась в них, убирая лишь не отвечающие советской «культурной мифологеме» детали (например, те из культовых сооружений, которые являлись знаковыми доминантами). В то же время в некоторых инфраструктурных элементах культурного ландшафта городов (архивы, музеи, частные коллекции) сохранялась память об этих сооружениях и их роли в городском пространстве, что обеспечивало потенциальную преемственность. Это обстоятельство заставляет рассматривать советскую субкультуру как культуру **меняющихся переходных состояний**, не застывающую в своих «классических» образцах сталинского ампира, а прорастающую в последующий период. В качестве образцов в этом случае воспринимаются здания и сооружения, олицетворяющие советскую эстетическую систему и ее мифы. Например, силуэты высотных зданий советской столицы конца 1940-х – 1950-х гг. в пространстве провинциальных крупных городов (в нашем случае – сибирских) закрепляются в виде «домов со шпилями». Для историка-культуролога, изучающего динамику реалий и символов культурного пространства города советской эпохи, такая деталь как шпиль интересна еще и как показатель особой ритмики ликования и торжества в зените сталинской тоталитарной культуры и победного мироощущения времени, как предлагает ее истолковывать в своем философско-эстетическом анализе С.Г. Иванов¹¹⁵.

---

¹¹⁵ Иванов С.Г. Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ. Киев. 2001. С. 148–149.

В то же время подчеркнутое С.Г. Ивановым широкое распространение интерпретаций башенных зданий с характерными завершениями даже в зарубежной практике в крупных городах сибирского региона не приняло массовых форм. Возможно, в силу отмеченных Косенковой проблем в реальной строительной практике на местах. Сибирская послевоенная ситуация в градостроительстве показана в исследовании Б.И. Оглы весьма лаконично и заслуживает полного цитирования. «Архитектура сибирских городов этого периода отличалась сдержанным характером. Во многом это объяснялось ограниченными экономическими возможностями этих городов по сравнению с возможностями центров европейской части страны и городов-героев, восстанавливающихся из руин. Триумфальная помпезность и классическая регулярность, присущие послевоенному творческому направлению при восстановлении разрушенных городов, не нашли столь ортодоксального выражения в сибирском градостроительстве. Тем не менее, в основу разработки первых послевоенных генеральных планов городов, проектов центров и отдельных общественных ансамблей были положены классические композиционные принципы и приемы. Особенно большое значение придавалось внешнему решению улиц и площадей, силуэту городских панорам, а также выделению композиционных осей с широким использованием в архитектуре мотивов классики и барокко»¹¹⁶.

Причем это не означало, что профессиональные поиски сибирских архитекторов находились в стороне от официальной художественно-эстетической линии. Подтверждение находим в некоторых образцах местной «бумажной» архитектуры, созданных для сибирской столицы в первые послевоенные годы. В экспозиции Музея истории архитектуры и архитектурного образования Сибири при Новосибирской государственной архитектурно-художественной Академии (НГАХА) представлены примечательные дипломные проекты 1947–1950 гг. Так, проект здания музея-памятника Великой Отечественной войне (дипломник Г. Серебряков, научный руководитель А.Д. Крячков) демонстрирует классические силуэты античного фасада центральной части

---

¹¹⁶ Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты / Отв. ред. И.Б. Оглы. Новосибирск, 1999. С.70.

с двумя вытянутыми крыльями, завершающимися башнями без верха, а над центральной трехярусной частью располагается башня, завершающаяся шпилем с красной звездой (1947 г.). В другом проекте – музея русской культуры в Новосибирске (дипломник Ю. Тайченев, руководитель А.Д. Крячков) также сосуществуют античные колонны, купол и башня из одного яруса, увенчанная шпилем (1950 г.). Однако разрабатывались и варианты «горизонтального образа» для того же музея русской культуры. Например, в выполненном дипломном проекте Л. Смирнова (руководитель А.Д. Крячков, 1947 г.) здание музея вытянуто, имеет два фасадных завершения в стилистике, соответствующей сталинскому ампиру, с датами «1946» и «1950» и с надписью «История Руси» по центру между ними. Подробнее эти и другие варианты проектных работ сибирских архитекторов будут рассмотрены в третьем разделе нашей книги.

Добавим, что к моменту подготовки плана реконструкции главной площади Новосибирска (площади имени Сталина) ведущие сибирские архитекторы считали, что «визитной карточкой» города, символом его силуэта является здание оперного театра. (Оно было раскритиковано за огромный купол и ложно-классический силуэт в середине 1930-х гг. в период борьбы с формализмом¹¹⁷ – В.Р., В.Н.). Согласно послевоенным представлениям местных специалистов единственной вертикалью парадной площади, на которую театр выходит своим главным фасадом, должен был стать монумент великому Сталину¹¹⁸. Тем не менее, в 1950 г. был подготовлен проект реконструкции площади (архитекторы А.С. Михайлов, С.П. Скобликов, Г.Ф. Кравцов). Изображение воспроизводится в книге Б.И. Оглы и на нем можно видеть явное следование московскому образцу, хотя, казалось бы, любые высотные строения со шпилями на этой площади должны находиться в противоречии с ее центральным монументом.

По данным, приводимым Б.И. Оглы, в другой проект реконструкции центра Новосибирска, разрабатывавшийся в 1945–1950 гг. (архитекторы И.И. Соколов-Добрев, Р.М. Окунева), было заложено возведение трех высотных административных зданий как ориентиров,

---

¹¹⁷ ГАНО. Ф.1444. Оп.1. Д.4. Л.5–6.

¹¹⁸ ГАНО. Ф.2102. Оп. 1. Д.42. Л.22.

которые бы определили силуэт и границы городского центра, а также разбили бы монотонную панораму застройки города. Предполагалось сооружение еще двух вертикалей, одна из которых символизировала доминанту крупной зеленой зоны городского центра, другой шпиль предназначался для здания речного вокзала. Еще более примечательны нереализованные проекты высотных доминант, связанных с левобережной частью Новосибирска, которая по первоначальным замыслам в «культуре 1» (или на ее излете, в конце 1920-х гг.) должна была стать «соцгородом». (Его строительство было включено в правительственные постановления 1930 г.). В проекте 1950 г. (архитектор Г.Я. Гладштейн) предмостная площадь при въезде на проспект К. Маркса по центру имела здание, похожее на собирательный образ образцовых московских высотных сооружений, а обрамлявшие проспект крылья жилых домов завершались силуэтами башен без завершения их шпилями.

Как уже указано, проект остался в архиве «бумажной архитектуры». (Из сооружений сталинского ампира на территории, отводившейся под «соцгород», сохранилась застройка магистрали проспекта Станиславского – современное название, на плане Новосибирска 1955 г. это улица Вокзальная). Еще один примечательный момент связан со строительством здания Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. В этом проекте принимал участие старейший и авторитетнейший в регионе зодчий А.Д. Крячков. Историк градостроительства Сибири, ученик А.Д. Крячкова и исследователь его творчества С.Н. Баландин в одной из своих ранних работ указывал, что реконструкция бывшего типового здания школы, отданного филиалу, начатая в 1944 г., завершилась переделкой центрального выступа главного фасада «в коринфский портик с фронтоном, украшенным барельефом и завершенным ложным куполом красивой формы»¹¹⁹.

В другой книге, посвященной непосредственно А.Д. Крячкову, Баландин приводит две фотографии: построенного (реконструированного) здания Западно-Сибирского филиала АН СССР и нового проекта комплекса ансамбля зданий для филиала, датированного 1946 г.

---

¹¹⁹ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945. Новосибирск, 1978. С. 127.

Выясняются важные детали, в том числе то, что в качестве композиционного центра комплекса предлагалась 70-ти метровая башня – вертикальный ориентир, необходимый, как считал Крячков, не только для возглавления комплекса академических зданий, но и для всей северной части города, страдающей монотонностью силуэта и кризисом вертикальных ориентиров¹²⁰. Интересно, что С.Н. Баландин подчеркивал связь проектного замысла башни со шпилем не с Москвой, а с Ленинградом, с Адмиралтейством, и оценивал это как ретроспекцию русского петербургского классицизма. Причины нереализованного замысла следует искать в новом проблемном поле, соединяющем не только конкретно-исторические сложности послевоенного строительства, но и особенности противоречивых установок советской культуры в условиях зенита сталинской эпохи.

Таким образом, проблема переходных состояний в культуре России XX века включает в качестве важного смыслового ядра советскую культуру 1930-х – 1950-х гг., содержание которой еще не достаточно понято исследователями. Оно носит признаки переходных состояний как по отношению к другим субкультурным слоям, так и микропереходов внутри самой советской культуры. Однако пока не вполне доказано на конкретно-историческом материале, насколько советская субкультура, сложившаяся в эти годы, воплощала в себе переход от состояния горячей «культуры 1» к застывающей «культуре 2» и стал ли реальностью этот переход в культурном пространстве провинциальных городов России, в частности, в культурно-цивилизационном ландшафте городов Западной Сибири. Вполне возможен в качестве гипотезы вывод, что советская субкультура, воплощаясь в материализованных координатах этого ландшафта, переходила из официально желаемых идеологизированных образцов-мифологем в реалии повседневной городской культуры, развитие которых определяли не только прагматические потребности советской эпохи, но и объективные закономерности развития городов. Правомерность такого суждения покажет содержание двух следующих разделов нашей книги.

---

¹²⁰ Баландин С.Н. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. Новосибирск, 1991. С.152–153.

ЧАСТЬ 2. ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ И СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБЛИКА КРУПНОГО ЗАПАДНО СИБИРСКОГО ГОРОДА (1920-е – 1950-е ГГ.)

Любой город в качестве уникального «Места», независимо от административной функции, размеров и численности населения является центром сгущения социокультурных процессов и накопления инноваций. В нем возникает **свое символическое культурное пространство**, для советской эпохи обладающее некоторыми общими (типовыми) элементами, которые тоже могут расцениваться как определенные символы. Таковыми могут быть опорные звенья городской инфраструктуры, сама планировочная структура, определяющаяся официальными установками в области градостроительства, памятники и мемориалы (как реализованные, так и неосуществленные).

В этой части книги мы вновь обращаемся к подходам известного современного философа и культуролога М.С. Кагана и его представлению о культуре города как о специфическом проявлении национальной культуры. Ученый считает необходимым использование «разных масштабов» измерения культуры. От самого широкого – культуры человечества, до самого узкого – культуры личности, при этом между ними он выделяет целую серию «модусов культуры», куда попадает и культура города¹. М.С. Каган соединяет антропологическую парадигму с целостным представлением о культуре как взаимодействии духовной, художественной и материальной сторон в их историческом движении. Отсюда проистекает предлагаемое им трехмерное видение культуры города. «Одно ее измерение – духовно-человеческое, другое – процессуально-деятельностное, третье – предметное, а ее реальная жизнь есть постоянный переход одной модальности в другую: культурного потенциала людей в способы их деятельности и поведения, этого процесса – в предметно развернутый мир, создаваемый людьми, а предметно-рукотворного мира в результате его распредмечивания человеком – в его внутреннее духовное состояние»².

---

¹ Каган М.С. История культуры Петербурга. СПб., 2000. С. 12.

² Каган М.С. История культуры Петербурга... Там же.

Как и прежде, в случае с 1920-ми годами, применительно ко всей советской эпохе мы конкретизируем и переносим перечисленные выше координаты на осознанную деятельность представителей отдельных отрядов интеллигенции крупных городов по конструированию окружающего ее культурного пространства и определению доминант его культурно-цивилизационного ландшафта. Повторим также, что город и культура являются продуктом деятельности интеллигенции. Поэтому вполне уместно начинать вторую часть нашей книги с фрагмента, раскрывающего проектную деятельность интеллигенции по конструированию нового культурно-цивилизационного ландшафта главного города западносибирского региона – Новосибирска.

Поскольку культура XX в. и, особенно, советская культура 1930-х – первой половины 1950-х гг., испытала на себе сильное влияние «социального заказа» в его идеологизированных и политизированных формах (необходимость соответствовать «соцреалистическому канону»), то исследователям придется не раз возвращаться и к проблеме соотношения жесткого «соцзаказа» и внутренней логики творческого процесса. Архитектор и заказ «сверху»... Как это ощущалось местными специалистами, какие идеи из официальных установок воплощались в пространстве западносибирских городов в послевоенные годы – в период наивысшего внимания власти к социальному предназначению архитектуры и советского градостроительства?

Эти вопросы вышли на первый план для участников проекта и авторов предлагаемой книги после тщательного изучения существующих исследовательских практик, когда выяснилось отсутствие внимания в них к проблеме локального своеобразия городов и их культурно-цивилизационного ландшафта. Еще один вопрос поднимается в содержании второй части книги. Это вопрос о соотношении официальных приоритетов и образцов с реалиями местного градостроительства и культурой советской послевоенной повседневности. Вновь в этом случае была осознана необходимость обращения к новейшим исследованиям из других регионов и неизбежный выход на смежную проблематику. Таким образом, стратегически вторая часть нашей книги выполняет не только функцию обобщения сделанного в рамках проекта. Она фиксирует достижение определенного плацдарма для дальнейшего поиска дополнительных деталей в изменениях социокультурных

реалий и символического облика крупного западно-сибирского города советской эпохи, а также для выявления степени личного участия архитекторов и градостроителей в накоплении импульсов перемен.

2.1. Интеллигенция и проекты преобразования городского пространства «столицы» региона (1925–1930 гг.)

Проблема востребования интеллектуального потенциала интеллигенции в условиях российской истории XX века сохраняла свою остроту на всем его протяжении. Она продолжает быть актуальной до сих пор. Идеальные формы ее решения – это установление диалога между властью и интеллигенцией, при котором главным становится понимание важности интеллектуальной деятельности интеллигенции в ее профессиональной сфере для разработки стратегии развития страны, ее отдельных регионов и мест. Неслучайно в ряде крупных городов России, в том числе и в Сибири, создаются и действуют на общественных началах своеобразные группы поддержки из представителей научной и технической интеллигенции, занимающиеся разработкой проектов развития отдельных сфер жизнедеятельности городов, а также проблемами перспективного социально-экономического планирования. Возможно, обращение к опыту прошлого окажется полезным в современной ситуации, а историки тем самым внесут посильный вклад в накопление информационной базы для сегодняшних стратегов.

Начальный период реализации великого социального эксперимента – широкомасштабного строительства социалистического общества – связан с 1920-ми годами. Несмотря на отправленный из России в 1922 г. «философский пароход», представители оставшейся интеллигенции не прекратили свою проектно-инновационную деятельность во имя будущих преобразований. В существующей историографии, включая сюда труды советского периода, проблема «интеллигенция и власть» является одной из приоритетных. В ней доминирует интерес к идейно-политической стороне. Одновременно в новейших публикациях усилилось внимание к вопросу о роли интеллигенции во взаимоотношениях с властью (оппозиционная, корректирующая, партнерская и т.д.). Такое положение объясняется современными обстоятельствами, находящимися вне логики научного знания, и положением самой интеллигенции, выбирающей в настоящее время вариант воплощения своего социокультурного предназначения, соответствующего

уровню профессиональной компетенции и чувству собственного достоинства.

Наиболее распространена также до сих пор такая позиция историка-исследователя, когда профессиональный интерес заключен в рамки социальной истории и предусматривает изучение опыта прошлого как своеобразной «копилки» из положительных и отрицательных примеров. Однако для исследователя, занимающегося изучением деятельности интеллигенции в культурном пространстве города на стыке истории, культурологии, урбанистики, регионоведения, интеллектуальной истории, такой подход не только недостаточен, но и некорректен. Предложенный ракурс традиционного деятельностного подхода оказывается на пересечении проблемных полей современного интеллигентоведения, интеллектуальной истории и регионалистики в той ее ветви, которая тяготеет к культурологии и изучает процессы региональной социокультурной идентификации. Тем самым, «копилка» опыта обустройства городского культурного пространства 1920-х – 1950-х гг. оказывается наполненной по преимуществу овеществленными символами, инициированными официальными идейно-эстетическими установками советской эпохи. В то же время они не лишены регионального и локального своеобразия. Остается только найти способ расшифровки такого рода историко-культурологических фактов.

Из недавних работ, связанных с обозначенным проблемным полем, наибольший интерес для нас представляют уже называвшиеся исследования саратовских и екатеринбургских ученых. В имеющейся сибирской историографии, в том числе в отраслевых работах по истории архитектуры и градостроительства³, характеризовались проекты перепланировки «столицы» Сибири, относящиеся ко второй половине 1920-х гг., показывались результаты реализации планов строительства в Новосибирске промышленных предприятий, общественных сооружений и жилых домов. Однако в первом случае некоторые

---

³ См.: Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. Новосибирск, 1978; Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск, 1991; Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социальнокультурные аспекты / Отв ред. И.Б. Оглы. Новосибирск, 1999.

детали оставались в тени, в том числе вклад отдельных личностей, поскольку отраслевые специалисты оперировали преимущественно газетным материалом и ведомственной информацией. Что же касается не претворенных в жизнь проектных разработок сибирских инженеров, относящихся к 1929–1930 гг., то они пока не попали в сферу внимания наших предшественников.

Вместе с тем при изучении истории интеллигенции невоплощенные проекты могут рассматриваться и в связи с вопросом о поведенческих стратегиях интеллигенции в переломные эпохи. При этом мотивы проектной деятельности представителей местной инженерно-технической интеллигенции, становившиеся основой того или того замысла по преобразованию городского пространства сибирской «столицы», могли определяться как под влиянием «жесткого» социального заказа власти, так и из профессиональных соображений. Тем самым линия поведения интеллигенции в момент перехода к социалистической реконструкции народного хозяйства и к «великому перелому» по всем направлениям строительства советского общества получит более взвешенную оценку.

Ниже сосредоточимся не на выяснении, плохи или хороши были проекты перепланировки Новосибирска, разработанные каждый «в свое время» местными и приглашенными специалистами, а перенесем смысловые акценты на проблему соответствия этой проектной деятельности, во-первых, профессиональным критериям 1920-х гг., общепринятым в то время в среде советских архитекторов и инженеров. Кроме того, попытаемся увидеть в интересующих нас проектах совпадение (или отсутствие такового) с объективными потребностями для преобразований в определенном городе-центре (назовем это «вызовами времени и места») и с намерениями краевых и новосибирских руководящих органов. Что же касается вопроса о способности власти к диалогу с интеллигенцией, то ограничимся в данном случае той его частью, которая свидетельствует о стремлении региональных и городских руководителей вникнуть в предлагаемый проект.

Поскольку в качестве локального примера мы используем ситуацию с проектами по переустройству лишь одного из крупных сибирских городов, то следует пояснить нашу позицию. Во-первых, рассмотрение

части «местной» истории в качестве самостоятельного объекта в настоящее время уже не вызывает скептического отношения. Во-вторых, выбранная часть культурного пространства городов Западной Сибири весьма представительна. Речь идет о Новосибирске – крупнейшем современном центре Сибири. Поэтому, в-третьих, феномен локальности в данном случае имеет еще одно – символическое значение, но в региональном масштабе, поскольку речь идет о культурном пространстве города, роль которого уже к середине 1920-х гг. истолковывалась однозначно: Новосибирск – это столица именно **советской** Сибири.

Примечательно, что этот образ исподволь утверждался в сознании и ощущениях жителей города. Краевая газета «Советская Сибирь» помещала фотографии строящихся объектов и сопровождала их символическими подписями. Так, например, 26 июля 1927 г. была помещена заметка с фотоматериалом под названием «Уголок Сибстолицы», а в тексте сообщалось, что из 10 опрошенных только двое сказали, что изображение относится к Новосибирску, остальные были уверены, что это Москва (выделено нами – В.Р.). 30 июля 1927 г. заметка в той же газете о строительстве Дома Промбанка была названа «Сибирский небоскреб». Миф о городе-символе рождался совместными усилиями представителей разных отрядов местной интеллигенции. В этом участвовали как управленцы и технические специалисты, отличавшиеся прагматическим складом ума, так и литераторы и художники, мифопоэтическое восприятие окружающего дня которых было естественным. И те, и другие видели только один вариант образа будущего Новосибирска – столичный.

Любопытно, что такое восприятие города было присуще в конце 1920-х гг. и посланцу Центра А.В. Луначарскому. Если во время своего первого посещения Новониколаевска (1923 г.) он лишь констатировал новый статус этого, по его словам, странного и весьма непрезентабельного города как формальный⁴, то в 1928 г. он иначе оценивает Новосибирск – «оригинальный город, выросший в 200-тысячную столицу и неудержимо мчащийся вперед, как настоящий сибирский

---

⁴ Луначарский А. По Сибири и Уралу // Люди среди людей. Библиотека «Известий»: М., 1968. С.14.

Чикаго»⁵. Более того, нарком сравнивает облик города с Москвой по протяженности – «периферия не уступает московской». По качеству новой архитектуры он даже подчеркивает лучшее впечатление, так как здесь «не копируют тяжеловесную угрюмую немецкую моду, а очень вольно варьируют заокеанские архитектурные мотивы».

Вопрос о реальном соответствии города основным социально-экономическим и культурным параметрам столичного центра решался «вдогонку». Одним из элементов этого догоняющего процесса являлись проекты перепланировки города второй половины 1920-х гг. К вопросу об их разработке уже обращались отраслевые специалисты – сибирские историки градостроительства С.Н. Баландин (1978), Б.И. Оглы (1980,1991). Позже появились две публикации⁶, рассматривающие проекты планировки и строительства Новосибирска в рамках социальной истории и в значительной степени повторяющие друг друга. В упомянутых исследованиях была введена в научный оборот информация из газетной периодики и из некоторых архивных фондов ГАНО, на основе которой делался вывод о том, что оба проекта: местного инженера И.И. Загривко (1925 г.) и столичного профессора Б.А. Коршунова (1928–1929 гг.) оказались нежизненными. Причина – они не успевали за стремительно менявшейся стратегией и тактикой социалистического строительства. Во втором случае – за идеей социалистического переустройства города, которая «захватила умы советских и партийных руководителей и специалистов города» и напрямую связывалась с проблемами индустриализации, со строительством крупных промышленных предприятий преимущественно на левом берегу Оби, с созданием «социалистического города» в форме многоэтажных домов-коммун.

Среди материалов, обнаруженных нами в ГАНО в фондах Р–1980 (Новониколаевский окружной отдел местного хозяйства),

---

⁵ Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л., 1929. С.13.

⁶ См.: Тимошенко А.И. Проекты планировки и строительства Новосибирска в 20-е гг. // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития. Новосибирск, 1992. С.56–72; Букин С.С., Тимошенко А.И. Проекты строительства Новосибирска в 1920-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сб. науч. тр. Вып. I. Новосибирск, 2003. С.68–88.

Р-531 (Западно-Сибирское бюро инженеров и техников), Р-534 (Новосибирское отделение Всероссийской инженерной ассоциации), есть тексты выступлений авторов проектов и протоколы обсуждения их докладов, не привлекавшиеся для анализа ни социальными историками, ни авторами трудов по истории градостроительства в сибирских городах. Кроме того, найдено письмо академика архитектуры И.А. Фомина, направленное в Сиб крайисполком и датированное 10 мая 1926 г.⁷, под ним есть и вторая подпись – профессора архитектуры Л. Руднева. Впервые об этом упомянуто в монографии В.Г. Рыженко.

В письме от имени группы ленинградских архитекторов – «первоклассных специалистов» идет речь о предложении услуг «по составлению архитектурных проектов на здания: Исполкомов, Народных Домов, Дворцов Труда, банков, кооперативов, зданий трестов, здравниц, школ, жилых рабочих домов, всякого рода утилитарных сооружений (заводов, фабрик, складов), а также проектов художественного порядка памятников деятелям революции, внутренней отделки клубов, торжественных декораций и пр.»⁸. Кроме того, группа брала на себя составление проектов перепланировки городов и поселков. При этом оговаривалось, что будут предлагаться решения «жизненные, то есть, экономичные и согласные с местными условиями климата, быта и рынка строительных материалов». Любопытно, что в отношении архитектуры, указывая на следование настоящему революционному стилю, авторы одновременно уточняли: «без излишних увлечений футуристического порядка, дающих зачастую решения непригодные для осуществления как в постройке, так и в эксплуатации». Трудно судить, было ли это письмо уникальным по выбору адресата – руководства строящимся столичным городом или подобные тексты ленинградцы рассылали и в другие крупные центры. Другой вопрос – реакция сибирских властей. Казалось бы, основанием для положительного отклика являлся пункт резолюции, принятой после обсуждения проекта И.И. Загрявко 28 ноября 1925 г., о том, что «единственно правильным разрешением вопроса перепланировки города

---

⁷ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 1. Д. 180. Л. 31–31 об.

⁸ Там же. Л.31.

является организация конкурса»⁹. Однако никаких предложений в Ленинград не последовало. В чем же причина?

Извлеченные из архива материалы дают возможность поиска ответа и сопоставления двух концепций развития города: И.И. Загривко, предложенной на собрании представителей краевых и окружных организаций в Новониколаевском окружном отделе местного хозяйства¹⁰, и Б.А. Коршунова, представленной на общегородском собрании инженеров и техников 29 декабря 1926 г.¹¹ Заметим, что в имеющихся публикациях обсуждение проекта «Большого Новосибирска», подготовленного Б.А. Коршуновым, относят к 1928–1929 гг. Так, С.Н. Баландин, характеризуя высокий уровень квалификации Б.А. Коршунова и подчеркивая его участие в работе по составлению плана «Новой Москвы», пишет, что он вместе с инженером из Ленинграда Ю.К. Гринвальдом и архитектором Д.Е. Бабенковым в 1926 г. возглавил работы по составлению генерального плана Новосибирска¹²: «Проект из Москвы был привезен 18 января 1928 г., работа по составлению генерального плана была выполнена на высоком научно-профессиональном уровне».

Одно из первых сообщений в краевой газете «Советская Сибирь» о приезде профессора Коршунова и московского инженера Бабенкова и их выступлениях по пяти вариантам планировки Новосибирска, а также о предполагаемом вывешивании проектных схем в Доме Ленина, во Дворце Труда и других общественных местах было опубликовано 19 января 1928 г. В заметке от 21 января сообщалось о предстоящем докладе Коршунова и о том, что в обсуждении планировки сибирской столицы будут участвовать томские ученые. Тем самым еще раз подчеркивалось особое значение предстоящего события. Из томичей были приглашены известный сибирский архитектор, профессор А.Д. Крячков и инженер Н. Макеров.

По всей видимости, обнаруженный текст доклада профессора Б.А. Коршунова носил предварительный характер, а автор в декабре

---

⁹ ГАНО. Ф. Р–1980. Оп.1. Д. 64. Л. 5об.

¹⁰ Там же. Л. 2–5 (с двух сторон).

¹¹ ГАНО. Ф.Р–531. Оп. 1. Д.27. Л. 1–18 (с двух сторон).

¹² Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. Новосибирск, 1978. С. 87.

1926 г. преследовал цель ознакомить новосибирских коллег со своими представлениями о проблеме перепланировки городов и, отталкиваясь от этого, обозначить возможные перспективы развития Новосибирска. Довольно большой фрагмент в начале своего выступления Коршунов посвятил сравнению особенностей исторического развития и застройки городов России, Европы и Америки. Затем, обращаясь к задачам перепланировки, он отметил значение закона 1926 г. об обязательной планировке городов и завершения тщательной разработки инструкции к нему. Относительно Новосибирска сказано, что ему предстоит более застройка «по линии административной», вместе с тем необходимо собрать максимум сведений и материалов и изучить, что было, что будет с городом и что возможно предвидеть. Срок перспективного плана в докладе назван в 45 лет, хотя в связи с расчетами возможной численности населения Коршунов обратил внимание на уникальность местной ситуации, поскольку рост Новосибирска «несравнен с нашим типичным ростом» (даже если брать Москву) и «может сравниться только с американскими городами, которые находятся в исключительно-хозяйственных условиях»¹³.

Далее следовал неожиданный вывод: «Сибирь становится самостоятельной страной и развивает свое положение заново». Однако это не означало игнорирования решений, принимаемых в Центре. В то же время автор делал упор на необходимость установления, какие моменты больше всего влияют на данный город, и предлагал в первую очередь учитывать «ген» города. По его мнению, в современных условиях жизни больше всего на город влияет отношение к транспорту, на втором месте вопрос о промышленности. В Новосибирске транспорт играет первостепенную роль, «потому, что весь город фактически основан именно из-за транспортного момента» <.. > «Ж.д. узел и бассейн этой реки имели решающее значение для всего края. Ни где-нибудь в Томске или в Омске стал организовываться этот город, а именно здесь потому, что бассейн реки Оби больше, чем Иртыша. Например, Томск находится в условиях менее выгодных, он расположен даже не на ветке, не на магистрали, это тоже послужило убийством города»¹⁴.

---

¹³ ГАНО. Ф.Р-531. Оп.1. Д.27. Л. 3об.-5.

¹⁴ Там же. Л. 6.

Что касается второго важного фактора продолжения стремительного роста Новосибирска – промышленности, то в докладе со ссылкой на наброски материалов для Госплана СССР сообщалось, что Новосибирск получит до 65 предприятий, занятых переработкой различной продукции и давался их подробный перечень¹⁵. Примечательно, что состав планируемых предприятий учитывал преимущественно внутренние потребности региона и перспективы роста населения города. В качестве первой отрасли в докладе названа переработка сельскохозяйственной продукции (кожевенная, маслособойная промышленность, лакокрасочные предприятия, большое мыловаренное производство, деревянная промышленность с лесопильным и деревообделочным производством, мукомольная промышленность, являвшаяся в тот момент одной из первейших, предполагалось строительство большой хлебной фабрики, кондитерских и макаронных фабрик, мясоконсервных, колбасных заводов и беконной фабрики, пивоваренного, винокуренного водочно-ликерного и дрожжевого заводов). На втором месте, по мнению Коршунова, должны находиться отрасли, связанные с переработкой привозного сырья (в первую очередь, это 9 ткацких и 6 прядильных фабрик, трикотажная и льноткацкая фабрики, вопрос о которых обсуждается в Сибплане). Сюда же отнесены планируемые предприятия по переработке цинка, свинца, серно-кислотный завод и в завершении перечня названы завод по изготовлению сельскохозяйственных и дорожных машин, обозно-строительный и металлообрабатывающий заводы, сборочные мастерские. Вместе с учетом влияния торговли и небывалых по темпам изменений административного статуса города логику предварительной концепции Б.А. Коршунова вполне можно определять как линию органического развития Новосибирска по пути крупного многофункционального города-центра, исходя из его исторического своеобразия и природно-географического положения.

Следует указать на возможные, на наш взгляд, причины игнорирования предложений ленинградской группы. В их числе – отклонение научно-техническим советом при Комхозплане Главного Управления Коммунального Хозяйства (ГУКХ) НКВД на заседании 11

---

¹⁵ ГАНО. Ф.Р-531. Оп. 1. Д.27. Л.8об.-9.

декабря 1925 г. предложения о немедленном объявлении конкурса на перепланировку Новониколаевска как невозможного «вследствие недостаточной подготовки материала, необходимости предварительных обследований» и отсутствия «на месте достаточного числа опытных в этом деле специалистов», отсюда вывод – «конкурс по приглашению предпочтительнее»¹⁶.

Несмотря на то, что право выбора приглашаемого ответственного лица «надлежащей квалификации» согласно принятой в Москве резолюции предоставлялось окружному отделу местного хозяйства (ОМХ), одновременно в основу работ по предварительному собиранию и разработке материалов для перепланирования и развития г. Новониколаевска должна была быть положена «Программа обследований при разработке проектов перепланировки и расширения городов», подготовленная главным инженером отдела благоустройства Главного управления Коммунального хозяйства НКВД Л.И. Органовым¹⁷. Таким образом, для местных властей обращение к московским специалистам было продиктовано, с одной стороны, логикой административной вертикали, с другой, здесь просматривается и уже упомянутое выше стремление создавать целенаправленно столичный образ Новосибирска, безусловно отличный от других и уж если опираться на авторитетное мнение, то оно должно принадлежать представителю той архитектурно-градостроительной школы, которая причастна к составлению планов развития Москвы. Следует заметить, что свое суждение о возможном конкурсе докладывал на заседании Научно-технического Совета известный теоретик и практик профессор В.Н. Семенов. В материалах ГУКХ, связанных с разработкой Л. Органовым проекта организации специальных курсов для коммунальных инженеров по планировке населенных мест¹⁸, есть ссылка на обсуждение программы курсов в МВТУ и в НТС ГУКХ НКВД. Поэтому приглашение группы москвичей, а не ленинградцев, на наш взгляд, было предопределено.

В фонде Западно-Сибирской краевой плановой комиссии имеются материалы, связанные с перспективами развития Новосибирска

---

¹⁶ ГАНО. Ф. Р–1980. Оп.1. Д.64. Л.23–24.

¹⁷ Там же. Л. 17–21 (с двух сторон).

¹⁸ ГА РФ. Ф.Р–4041. Оп.2. Д.293. Л.6.

как крупного промышленного и культурного центра. В качестве одного из таких перспективных направлений намечалось строительство нескольких вузов и научно-исследовательских учреждений, что создавало возможности для реального превращения города в многофункциональный центр, в котором культура и образование становятся важным градообразующим фактором. До 1928 г. Новосибирск, несмотря на свой административный статус главного города Сибирского края, находился далеко позади Томска, Иркутска и Омска по количеству научных учреждений, а также по спектру научных интересов, важных как для сибирского региона, так и для развития конкретного города. По данным Бюро по изучению производительных сил при Крайплане и ОИС на 1 января 1928 г. в Новосибирске не было ни одного вуза, из научно-исследовательских учреждений упоминались три: Отделение НИИ экономики и сельского хозяйства Академии имени К. Тимирязева, Центральная Сибирская областная сельскохозяйственная опытная станция и Краевая станция защиты растений от вредителей¹⁹. Следует иметь в виду и то, что в 1920-е гг. из четырех крупных городов-центров региона два (Томск и Иркутск) все еще сохраняли неофициальное наименование «Сибирские Афины». Это должно было подчеркивать важность научно-образовательного комплекса в их перспективном развитии, несмотря на то, что региональные управленческие органы в соответствии с новыми социально-политическими ориентирами уже видели специфику градообразующих факторов исключительно в особенностях народнохозяйственного районирования для каждого из указанных центров²⁰.

В советских градостроительных планах перспективы Новосибирска, начиная с середины 1920-х гг., связывались с железной дорогой и промышленностью. Однако в уже упоминавшемся проекте «Большого Новосибирска» профессора Б. Коршунова помимо намеченных для размещения 65 предприятий подчеркивалось, что для перспектив города значительную роль «играет вопрос о высшей школе, об институтах, музеях, библиотеках»²¹. Он считал, что высшая

---

¹⁹ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.1. Д.451. Л. 136.

²⁰ См.: Юрцовский Н.С. Современная Сибирь. Новосибирск, 1928.

²¹ ГАНО. Ф.Р-531. Оп.1. Д.27. Л.9об.

школа должна создаваться по всем трем градообразующим линиям (техника, сельское хозяйство, экономика). Проектировщик специально отметил, что создание вузов и других культурных учреждений в Новосибирске не может восприниматься как конкуренция другим сибирским центрам (Томску или Омску) потому, что «Сибирь имеет недостаточно высших школ и поэтому всякий лишний новый центр культурного просвещения будет только плюсом и пополнит тот пробел, который существует в Сибири»²². Таким образом, вопрос о скорейшем размещении в Новосибирске высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений не вызывал сомнений, что должно было в итоге изменить и культурно-цивилизационный ландшафт сибирской столицы за счет появления соответствующих зданий и целых комплексов.

В июне 1929 г. Сибирский краевой совет народного хозяйства дал задание инженеру Г. Малкину на проектирование специального дома для промышленно-исследовательского института и обратился к Горкомхозу с просьбой выделить участок территории города, вблизи уже существующего Института народного хозяйства, с рядом кафедр которого новый институт будет связан²³. Важно, что предполагалось компактное размещение институтов, что можно даже обозначить как прообраз «вузовско-научного городка» внутри пространства Новосибирска. Такой вывод подкрепляется информацией из других документов. Так, в докладе инженера Г.В. Малкина, представителя СибкрайСНХ, посвященном вопросу об отделениях промышленных НИИ в Сибирском крае (текст датирован 13 октября 1929 г.), предлагалось создать в регионе в 1929/30 г. «ассоциацию из филиалов следующих институтов: угля, кожевенного, древесины, химико-фармацевтического в Новосибирске и Института стройматериалов, института прикладной минералогии и цветной металлургии, и института металлов в Томске»²⁴.

Помимо этого докладчик, отдав должное заслугам Томска как центра, где концентрировались почти полностью научно-технические силы края, поставил вопрос о создании в Новосибирске Сибирского

---

²² ГАНО. Ф.Р-531. Оп. 1. Д.27. Л. 10.

²³ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.70. Л.71,

²⁴ Там же. Л.32-37.

краевого промышленного института. Он подчеркнул, что эта идея поддержана в ВСНХ, а указанная организация двух групп филиалов центральных НИИ – это переход к созданию такого краевого института, который по зарубежным примерам будет работать в тесной увязке с промышленными предприятиями. Мотивация от потребностей нового промышленного производства наиболее четко была выражена относительно необходимости создания в сибирской «столице» «объединенного института механизации сельского хозяйства и сельскохозяйственной механики»²⁵. Это объяснялось постройкой в Новосибирске «гиганта-завода по выработке сложных сельскохозяйственных машин». Примечательно, что речь шла о только намеченном строительстве завода, который должен был стать градообразующей основой для особой части «столицы» – Левобережного «соцгорода». Институты не рассматривались в таком качестве в проекте «социалистического города» и в его будущем культурном пространстве. Это становится очевидным из резолюции Новосибирской городской планировочной комиссии после повторного обсуждения проекта «соцгорода», подготовленного группой под руководством инженера Бабенкова (ноябрь 1930 г.). В ней подчеркивалось, что вопрос «о правильности расположения ВТУЗов и техникумов, вследствие неясности сущности этих учебных заведений, признать целесообразным выяснить в центральных органах, какие ВТУЗы и техникумы будут организованы в Левобережном Новосибирске и в зависимости от этого разместить их»²⁶.

Замыслы инженеров и архитекторов, их проектные предложения, датированные октябрем-ноябрем 1929 г. и связанные с приданием Новосибирску признаков краевого вузовского центра или объединенного центра отраслевых исследований прикладного характера, относились к «старой» части городского пространства. Отметим, что один из предложенных местными специалистами проектов (автор – инженер В.А. Иогансон) содержал общие задания для сооружения Дома ассоциации филиалов Научно-исследовательских институтов²⁷.

---

²⁵ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.70. Л.40.

²⁶ ГА РФ. Ф. 4041. Оп.9. Д.69. Л.65–66.

²⁷ ГАНО. Ф.Р-12. Оп.2. Д.70. Л.50–52 (с двух сторон), 59.

В одном здании предполагалось разместить 8 филиалов НИИ (Института древесины, Теплотехнического, Химико-фармацевтического, Сибирского пищевого бродильного институтов, филиал Стройсооружений, Института сельскохозяйственной механики, Электротехнического института, Сибирскую краевую химическую лабораторию), библиотеку, обслуживающую все филиалы, мастерские с различными станками. Вопрос о выделении территории для размещения Дома ассоциации на Октябрьской площади был согласован, исходя из плана «Большого Новосибирска», разработанного Б. Коршуновым.

Однако уже в январе 1930 г. выяснилось, что по скорректированному варианту городской планировки это место предназначено под постройку зданий Сибкрайисполкома и других правительственных организаций. Последовал запрос Сибкрай СНХ в городской отдел коммунального хозяйства о срочном предоставлении другой площадки – усадебного места «в Ельцовском районе города, по левую сторону Красного проспекта <...> площадью до 20 га по возможности правильной конфигурации», достаточной для размещения основного здания с 8-ю филиалами, с вспомогательными и полужаводскими установками и опытными площадками, а также дающей возможность для развертывания в перспективе здесь же других научных учреждений²⁸. Это потребовало консультаций с Б. Коршуновым относительно качеств предполагаемого нового участка²⁹. После того, как власти отказались от проекта Коршунова и основное внимание сосредоточили на проектировании «соцгорода», идея создания общего «Дома отраслевой науки» осталась не реализованной.

Это не означало отказа от намерений придать Новосибирску черты вузовского и научного центра края. При предварительном определении перспектив развития города на 1930–1935 гг. в связи с обсуждением пятилетнего плана помимо постройки на левом берегу Оби нового города (что уже было закреплено правительственным постановлением) указывалось, что на основании плана Сибирского отдела народного образования в Новосибирске будет открыто 6 вузов³⁰. Среди них Горная академия, Строительный институт, Транспортная

---

²⁸ ГАНО. Ф.Р–12. Оп.2. Д.70. Л.78–78об.

²⁹ Там же. Л.85.

³⁰ Там же. Оп.1. Д.1981. Л.3.

академия, Зоотехнический институт, Педагогическая академия, Медицинский институт и медицинский техникум. В документе подчеркивалось, что и в зоне нового города появятся еще два вуза (Институт индустриального земледелия и Текстильный институт). Отсюда делался вывод: «Данная программа культурного строительства делает столицу Сибири культурным центром республиканского значения».

Что же касается общего плана развития Новосибирска, то уже в 1929 г. представителями краевых органов власти был сделан окончательный выбор, в основе которого лежали не научные, а иные мотивы. Об этом наглядно свидетельствует стенограмма совещания при Окрисполкоме 23 декабря 1929 г. по вопросу «О типе городов»³¹. Одной из основных мыслей работников Сибкрайплана стала идея, уже прорабатывавшаяся в Москве о городе Магнитогорске. Ее и предлагалось «перенести прагматически сюда к нам, но не просто как идею, а как уже проработанное решение через Центральные Московские органы», а также «иметь докладную записку об организации трех типовых городов в Сибирском крае по типу Магнитогорска и войти с ней в Совнарком, добиваясь там утверждения этого проекта»³². Весьма показательно выступление на совещании т. Богуславского (Сибкрайплан), который заявил, что вопросы, как построить социалистический город, какие должны быть дома, устроен быт и прочее, интересны для всех тех, кого это касается: врачей, библиотекарей, клубных работников, кооператоров, архитекторов, строителей и всех других, а собравшихся должно волновать другое. Нужно суметь «доказать правительству, что новое строительство на левом берегу Оби – это другой город Новосибирск, исключительно промышленный и рабочий город, где будет исключительно рабочее население»³³. Участники совещания предложили «на разработках Коршунова и прочей работе поставить крест, оставить это в качестве методологического материала». Несмотря на то, что конкретный проект Магнитогорска не был знаком собравшимся, они сочли, что нужно остановиться на

---

³¹ ГАНО. Ф.1228. Оп.1. Д.691. Л. 1–37.

³² Там же. Л.2.

³³ Там же. Л.5–6.

нем, даже если в нем есть недостатки. Главное – в докладной записке для Москвы четко прописать количество планируемых на левом берегу предприятий и рабочих на них, а отсюда необходимое число школ, больниц, политико-просветительных организаций, отдыха, зрелищ, предприятий физкультуры, насаждения парков³⁴. Положительное решение могло обеспечить всяческую поддержку Центра, включая финансирование.

Таким образом, проекты, над которыми работали местные технические силы, на рубеже 1929–1930 гг. оказались в большей степени ориентированными на отраслевые интересы центральных ведомств, а также на утвердившиеся приоритеты строительства типовых «соцгородов». Они могли в случае реализации привести к появлению в культурном пространстве «старого» Новосибирска обособленной «научно-производственной зоны» с соответствующей общественно-культурной средой и местом концентрации технической интеллигенции, занятой профессиональными прикладными задачами, ориентированными на укрепление приоритета промышленного образа сибирской «столицы». На левом берегу мог быть воплощен вариант самостоятельного в будущем социалистического города с особой планировочной («не хаотической», как неоднократно подчеркивалось на совещании) структурой.

Последовавшие очередные изменения и переход к стратегии форсированного социалистического строительства привели к появлению других приоритетов. Перспективное планирование окончательно перешло к центральным ведомствам. В 1935 г. Президиум Западно-Сибирского Краевого Исполнительного Комитета, ознакомившись с генеральным проектом планировки г. Новосибирска, разработанным Гипрогором, сделал вывод, что «проект в общем и целом соответствует указаниям центральных организаций» и указаниям, сделанным Комитетом по планировке городов при президиуме Крайисполкома при рассмотрении эскизного проекта в декабре 1933 г.³⁵ Примечательно, что тексте заключения уже не упоминался левобережный «соцгород».

---

³⁶ ГАНО. Ф.1228. Оп.1. Д.691. Л.35–36.

³⁵ ГАНО. Ф.Р–12. Оп.3. Д.903. Л.1.

2.2. Динамика социально-культурных характеристик крупного западносибирского города в 1930-е гг. (на материалах г. Омска)

Рост исторически сложившихся «старых» административно-хозяйственных и культурных центров Сибири – Омска, Барнаула, Иркутска, Читы – проходил в 1930-е гг. более сдержанно, чем в начале XX в. Тем не менее, в годы первых пятилеток значительно возрос их промышленный потенциал, а численность населения с 1917 по 1939 гг. увеличилась в 2–3 раза. Из «старых» городских центров Западной Сибири в эти годы Омск занимал 1-е место по темпам роста численности населения, с 1929 по 1939 гг. оно увеличилось в 1,6 раза (Новосибирска – почти в 3 раза, Новокузнецка – в 13 раз)³⁶.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. Омск временно утрачивает многие административные функции. Однако, постепенно с этого времени начинает возрастать его значение не только в качестве транспортно-распределительного узла, но и крупного промышленного и культурного центра. В 1934 г. Омск вновь становится областным центром и опорным пунктом развития обширного региона, возвращая себе административные функции, что так же способствовало его относительно быстрому развитию в предвоенные годы. Повышение административного статуса города привело к резкому росту численности городского населения начиная с середины 1930-х гг. Так, если с 1932 по 1935 гг. среднегодовой прирост населения Омска составлял 12–20 тыс. чел., то с 1935 по 1936 гг. число его жителей выросло сразу на 45 тыс. чел.³⁷

На протяжении 1930-х гг. более широкое развитие в городе получили машиностроение и металлообработка. Именно в эти годы Омск из города полукустарной промышленности превратился в один из индустриальных центров России. В 1937 г. в Омске находилось 107 государственных и кооперативных фабрик и заводов. Основные фонды

---

³⁶ Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980. С.95,101; Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С.145–146.

³⁷ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.218. Л.2.

оценивались в 79 млн. руб., из них 29% приходилось на долю машиностроения.³⁸

Ускоренная индустриализация Западной Сибири в эти годы привела не только к демографическому «взрыву», но и к изменению структуры занятости городского населения. В результате этих процессов произошло увеличение удельного веса населения занятого в промышленном производстве. Согласно переписи населения 1939 г. 32 % жителей Омска было занято в этой сфере (в 1923 г. –15%)³⁹. Развитие промышленности Омска сопровождалось ростом численности рабочего класса. Только за годы второй пятилетки число рабочих увеличилось с 17537 до 20640 человек⁴⁰. Наиболее крупными предприятиями были: Сибсельмаш (среднегодовая численность рабочих 1791 чел.), Сибзавод (1319), паровозоремонтный завод им. Рудзутака (3817), суконная (406) и обувная (423) фабрики, овчинно-шубный (352) и лесопильный (482) заводы, мясокомбинат (417)⁴¹.

Основная сложившаяся еще до революции 1917г. часть города Омска представляла сравнительно небольшой компактный массив, вытянутый на 14 км по правому берегу р. Иртыш. В конце XIX в. вокруг города возникают пристанционные (Атаманский хутор, Селиверстовский поселок, ст. Омск и Куломзино) и рабочие поселки (Порт-Артур, Черный городок) В 1920-е гг. они сформировались и обособились в г. Ленинск-Омский и Ново-Омск. В начале 1930-х гг. эти поселки вошли в состав города в виде самостоятельных административных районов. В результате этого планировочная структура Омска из децентрализованной превратилась в линейную, включающую три административных городских района. Новое промышленное строительство в 1930-е гг. велось главным образом в Ленинском районе Омска, где кроме того создаются небольшие жилые комплексы. В старом Омске на выборочных участках возводятся отдельные жилые

---

³⁸ Касьян А.К. Омская промышленность в годы социалистической реконструкции (1926–1937 гг.) // Омская область за 50 лет. Омск, 1968. С. 154,156.

³⁹ Сигутов П.Т. О формировании населения города Омска (1917–1939 гг.) // Межвузовская науч. конф. Матлы географ, секции. Омск, 1967. С. 104.

⁴⁰ Касьян А.К. Омская промышленность в годы социалистической реконструкции (1926–1937гг.) // Омская область за 50 лет. С. 154,156.

⁴¹ ГАОО. Ф.2122. Оп.1. Д.816. Л.35.

лые дома и начинают проводиться более значительные по сравнению с другими городами Сибири работы по благоустройству и озеленению центра⁴².

Высокие темпы индустриализации и урбанизации Сибири, распространение с конца 1920-х гг. принципа директивного планирования на все народное хозяйство страны привело к резкой активизации работ в области планирования дальнейшего развития городов Сибири. В связи с этим период 1930-х гг. характеризуется разработкой проектно-планировочных материалов, предусматривающих реконструкцию и дальнейшее развитие сложившихся городов на новой градообразующей и социальной основе. В связи с этим Новосибирским филиалом института Горстройпроект в 1935 г. были составлены четыре варианта схем расширения территории Омска. В 1935–1937 гг. разрабатывается генеральный план Омска. Генпланом предусматривалось значительное уплотнение правобережной застройки⁴³.

Несмотря на относительно высокие темпы роста численности населения Омска, строительство жилья велось крайне вяло. Так, общая жилая площадь с 1932 по 1937 г. выросла всего в 1,1 раза: с 847,9 тыс. кв.м до 918,4 тыс. кв.м. В результате в эти годы в Омске происходит последовательное снижение жилой площади приходящейся на одного горожанина с 4,5 кв.м. (1929 г.) до 3,6 кв.м. (1935 г.) и 3,04 кв.м. в 1936 г. В других сибирских городах положение было не лучше, а зачастую и хуже⁴⁴. Недостаточность жилой площади заставила Горсовет принять ряд решительных мер, смягчающих остроту жилищного кризиса: запретить использование жилплощади не по прямому назначению, «уплотнить» частных граждан и в принудительном порядке вынудить их сдавать пустующие жилые помещения «в наем» и т.п.⁴⁵

---

⁴² Оглы Б.И. Строительство городов Сибири ... С. 100.

⁴³ Там же. С.88,90.

⁴⁴ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.433. Л.4об, Д.218. Л.5.

⁴⁵ Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Новосибирск, 1932.С. 109; Ручинский П. Коммунальное строительство в 1935 г. // Народное хозяйство Омской области. Омск, 1953. № 2. С.85; ГАОО. Ф. 2122. Оп.4. Д.218. Л.5.

В конце 1930-х гг. Омск оставался деревянным и одноэтажным. В 1937 г. лишь 2,5% зданий были каменными⁴⁶. Даже государственный и кооперативный жилой фонд имели невысокую степень благоустройства. Так, в 1934 г. только 295 домов имело водопровод. Остальная вода поступала в водоразборные колонки. Теплофикация находилась в эти годы на стадии эксперимента и только два дома (комвуз и хирургическая больница) были подсоединены к теплоцентрали в начале 1930-х гг. (в 1934 г. число домовых присоединений выросло до 4-х). Поэтому город как и прежде в студеные зимы отапливался дровами и отчасти углем. Канализации не было. Все удобства были во дворе. Там же находился дровяной сарай⁴⁷.

Основную часть жилого фонда города составлял частный сектор. Несмотря на постепенно возрастающее государственное и кооперативное строительство жилья снижение удельного веса частного сектора в составе общей жилой площади происходило крайне медленно. В 1932 г. жилая площадь частного сектора составляла 76%, в 1934 г. – 74%, в 1937 г. – 59% от всей жилой площади города⁴⁸. В результате этого, несмотря на интенсивное становление урбанистических форм жизни, в Омске, как и в прежние годы, сохранялись многие черты сельского быта. Так, в середине 1930-х гг. в городе находилось более 5 тыс. лошадей, 10 тыс. голов крупного рогатого скота, 16 тыс. свиней, около 3 тыс. коз и овец⁴⁹. Значительная часть городских земель была занята огородами, выгонами, сенокосами. В городе в 1934 г. имелось 14710 индивидуальных огородных участка общей площадью почти в 2000 га⁵⁰

В первой половине 1930-х гг. городское хозяйство испытывает значительные нагрузки и плохо справляется с поставленными задачами. В эти годы современники отмечали, что «Омск по своему значению выделяется как один из промышленных и культурных центров Западно-Сибирского края», но, несмотря на это, наблюдается «разрыв между развитием промышленности и обслуживанием рабочих

---

⁴⁶ Щербакова Н. Взгляд из далека // НЭП. Омск, 1991. №5. С.5.

⁴⁷ Юрасова М.К. Омск. Очерки истории города. Омск, 1983. С. 164.

⁴⁸ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.433. Л.боб, 8.

⁴⁹ Там же. Д.433. Л.4 об.; Д.218. Л.5.

⁵⁰ Районы Омской области. Омск, 1936. С.80.

коммунальным хозяйством города». Более того, по мнению некоторых, Омская область «в отношении коммунального хозяйства» являлась «одной из наиболее отсталых в Союзе»⁵¹.

Наиболее слабыми местами городского хозяйства в это время были следующие. Низкий удельный вес замощенных улиц и площадей (в 1934 г. – 1,8%). Хотя в Омске протяженность тротуаров доходила до 400 км, (1932 г.), но они сплошь были деревянные. Каменные составляли всего 1 км, асфальтовые – 0,5 км⁵². В «Сводном годовом отчете Омского городского коммунального отдела за 1936 год» было отмечено, что «низкий процент мощения отражается на экономической и культурной жизни города, в частности является препятствием продуктивному развитию городского коммунальному автотранспорту в освоении автолиний, связывающих окраины города с центром»⁵³.

Городской водопровод был перегружен на 30%. Общегородской канализации просто не было. Вывоз нечистот осуществлялся главным образом ассенизационным обозом, который состоял в 1932 г. из 152 лошадей и 146 бочек. Наиболее отсталым участком была очистка города. Места для свалок отводились, но ввиду малочисленности обоза и слабого контроля город был завален мусором⁵⁴. Улицы и площади города были слабо озеленены. На 1.01.1935 г. в Омске на 1 жителя приходилось всего 2,2 кв.м. зеленой площади, в то время как в Новосибирске – 21, Москве – 19, Ленинграде – 8,3, Тюмени 6 кв.м⁵⁵. Парковое хозяйство по оценке омского горисполкома было развито «более чем слабо». В городе имелось несколько маленьких садиков, из которых самый большой «Профинтерн» занимал площадь всего 3,1 га, остальные сады были значительно меньше. Единственный мост через р. Омь создавал серьезные транспортные проблемы⁵⁶.

В 1930-е гг. начинают вполне определенно вырисовываться и первые экологические последствия непродуманных решений. Так, в

---

⁵¹ Станкин И. За социалистические темпы народного хозяйства. Омск, 1931. С.39; Ручинский П. Коммунальное строительство в 1935 г.... С.85.

⁵² ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.433. Л. 10об.

⁵³ Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края... С. 108.

⁵⁴ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.218. Л.10.

⁵⁵ Станкин И.С. За социалистические темпы... С.39,41; Из истории советского Омска... С.212,213.

⁵⁶ Ручинский П. Указ. соч. С.86.

Омске места забора воды водопроводом были выбраны крайне неудачно. Очистка сточных вод желала оставлять лучшего. В это время 90% сточных вод сбрасывалось в Иртыш без какой-либо очистки. Прием стоков временной канализацией в 1936 г. составил всего 6,5 тыс. куб. метров в сутки, в то время как потребности города были неизмеримо больше⁵⁷.

И все же в эти годы в благоустройстве города происходят серьезные качественные изменения. Протяженность замощенных улиц и поездов увеличилась в 1,4 раза: с 22,4 (5,1%) в 1932 г. до 32 км (или 7% от общей протяженности городских улиц) в 1937 г. В первой половине этого десятилетия (в 1932–33 гг.) резко увеличивается протяженность улиц и площадей имеющих электрическое освещение (с 12,7 до 55,5%)⁵⁸.

В середине 1930-х гг. город имел 3 моста через р. Омь. Продолжал служить старый железный мост постройки 1900 г. (степень износа составляла 60–70%). Кроме того, были сооружены 2 новых деревянных моста. Первый – в 1932–33 гг. в створе ул. Баррикадной и Омской (изношен к 1936 г. на 40%), второй был выстроен специально для пропуска трамвая и пешеходного сообщения в 1936 г. Железный мост в 1935 г. был временно закрыт для массового грузового движения и был открыт только для автобусов (с пониженной скоростью), легковых автомобилей и пешеходов. Основной грузопоток шел через деревянный мост постройки 1932–33 гг.⁵⁹ Сообщение с левым берегом (Кировском) через р. Иртыш намного улучшилось с введением в строй в 1937 г. понтонного моста в районе пос. им. Куйбышева Ленинского района. Кроме того, летом два берега связывали пассажирские суда. В 1934 г. их насчитывалось 9, в том числе 5 принадлежало (505 пассажирских мест) принадлежало городу⁶⁰.

---

⁵⁷ Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 гг.). Сборник документов и материалов. Омск, 1975. С.211.

⁵⁸ Щербакова Н. Указ.соч. С.5, Коммунальное хозяйство Союза СССР к концу первой пятилетки,– М.,1935. С.81, Коммунальное хозяйство РСФСР к началу 1937 года,– М.,1938. С.30.

⁵⁹ Коммунальное хозяйство Союза СССР к концу первой пятилетки. С. 81, Щербакова Н. Указ. соч. С.5.

⁶⁰ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.218. Л. 10.

Более чем в 2 раз увеличилась площадь зеленых насаждений общественного пользования – парков, садов, скверов, бульваров: с 26 (1933 г.) до 53,5 га (1935 г.). В сентябре 1937 г. была создана специальная Садово-парковая контора. В ее распоряжении находилось 3 участка земли, где выращивались зеленые насаждения для озеленения города. Первый располагался в конце ул. Учебной (17,7 га), второй на левом берегу р. Оми (68,4 га), третий в поселке Порт-Артур (39,3 га)⁶¹.

Во второй половине 1930-х гг. мощность городского водопровода увеличилась вдвое: с 6 тыс. куб.м. воды (1934 г.) до 12 тыс. куб. м. (1940 г.) в сутки⁶². В декабре 1934 г. началось строительство общегородской канализации. Работы начались у городского театра. Коллектор общегородской канализации был сдан в эксплуатацию в 1936 г., а в 1939 г. было завершено строительство первой очереди⁶³.

Первая линия омского трамвая, от центра города до вокзала протяженностью 8,2 км была сдана в эксплуатацию 8 ноября 1936 г. В 1937 г. были проложены трамвайные пути до городка Водников, а затем до Парка культуры и отдыха и Ремесленных улиц. В конце 1939 г. протяженность путей омского трамвая достигла 23,1 км, трамвайный парк – 37 вагонов. Для сравнения, в 1935 г. в Новосибирске общая длина трамвайных путей составляла 17,3 км⁶⁴. Омский трамвай стал лучшим коммунальным предприятием в Омской области и в соревновании на лучший трамвай из 37 городов РСФСР занял второе место.

Кроме того, в городе ходил и автобус. В 1934 г. протяженность автобусных маршрутов составляла всего 6,3 км, весь автобусный парк насчитывал 10 грузовых машин приспособленных для пассажирских перевозок. Только в самом конце 1934 г. в городе появились настоящие крытые автобусы Горьковского автозавода. Было получено 2

---

⁶¹ ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.433.Л.7; Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 гг.). С.43, Ручинский П. Указ. соч. С.86.

⁶² ГАОО. Ф.2122. Оп. 1. Д.822. Л. 177.

⁶³ Щербакова Н. Указ. соч. С.5.

⁶⁴ 1000 знаменательных событий из истории Омска. 1716–1996. Омск, 1996. С. 165; Журавлев М.П. Омск вчера, сегодня, завтра. Омск, 1993. С.69; Кондриков Б.В. Город Омск. Омск, 1954. С.37; Омская правда. 1939. 8 декабря.

автобуса на 16 пассажиров каждый. Они вышли на маршрут «Гортеатр – вокзал» с 21 декабря 1934 г. К 1937 г. парк машин увеличился до 40 (838 посадочных мест), а протяженность автобусных маршрутов до 28 км. Основными автобусами стали АМО-4, ЗИС-8, ЗИС-16, Я-6⁶⁵.

В 1930-е гг. усложняется городское хозяйство и способы его организации. На начало второй пятилетки в системе Омского городского коммунального хозяйства находились следующие хозрасчетные предприятия: 1. Центральная электрическая станция, 2. Городской водопровод, 3. Омсантрест (объединивший бани, парикмахерские, похоронное бюро и гробовую мастерскую), 4. Омкоммунтранс (в который входили автотранспорт, гужевой транспорт, паромные переправы), 5. Ассенизационный обоз, 6. Лесопосадочный питомник, 7. Горломбард, 8. Омдортрест, 9. Ремонтно-строительная контора⁶⁶. К концу второй пятилетки в ведении Омского городского коммунального отдела находились следующие коммунальные предприятия: Коммунтранс, Трест по очистке города, Сантрест, Лесосадовый питомник, Теплоэлектроцентраль, Водоканалтрест, Трамвайтрест, Горсгройтрест, Домтрест с гостиницами. Причем, согласно постановлению Горсовета от 27 августа 1936 г. за № 1030 Горстройтрест, Водоканалтрест, ТЭЦ, Коммунтранс и Трамвайтрест были изъяты из ведения Горкомхоза и подчинены непосредственно Городскому совету⁶⁷.

Пополнение городского населения шло ускоренными темпами главным образом за счет вынужденной массовой миграции сельского населения, которое, вторгаясь в городскую среду, во многом нарушало историко-культурные традиции города как системы, зачастую превращая его в «большую деревню»⁶⁸.

В этих условиях в сибирских городах, в том числе и Омске, все большее распространение получает гибридная культура. Согласно

---

⁶⁵Западно-Сибирский край в цифрах. Краткий статистический справочник. Новосибирск, 1936. С.94.

⁶⁶ГАОО. Ф.2122. Оп.4. Д.433. Л1.7; Омская правда. 1934.22 декабря; Журавлев М.П. Указ. соч. С.63.

⁶⁷Щербакова Н. Указ. соч. С.5.

⁶⁸Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С.95; Вишневский А.Г. На полпути к городскому обществу // Человек. М., 1992. №1. С. 12–24.

современным научным представлениям, гибридная (квазиурбанистическая, или квазигородская) культура возникает в составе культуры города как результат неполной и искаженной адаптации традиционной сельской культуры к «новым» условиям урбанизации под воздействием разного рода причин. Наиболее интересными в этом плане являются выводы В.Л. Глазычева о формировании в советских условиях особого типа культуры, возникающей на базе промежуточных типов поселений, главным образом поселков городского типа и рабочих окраин больших городов, которые автор характеризует удачным термином «слобода». В культуре «слободы», по мнению В.Л. Глазычева, были «представлены элементы патриархальной культуры, роднящие ее с деревней», и элементы «фабричной» культуры и мещанского фольклора, в которых чисто внешне присутствовали ценности культуры крупных городов и их центров в первую очередь⁶⁹.

Типичными образцами «слободской» (или гибридной) культуры являлись рабочие окраины Омска, например, такие, как Порт-Артур. Здесь царили нравы, уходящие своими корнями к сельскому быту и отягощенные «новыми» городскими привычками.

Борьба за превращение городов в «социалистические» привела в 1930-е гг. к серьезным издержкам в культурной политике. Именно в эти годы закрываются и впоследствии разрушаются многие православные (и не только православные) храмы, которые на протяжении предшествующих столетий были системообразующими элементами городской социокультурной среды. Так, в середине 1930-х гг. в Омске были разрушены Ильинская церковь и Успенский кафедральный собор. В 1935 г. началось строительство Омского управления НКВД, в результате которого здания Архиерейского дома и Духовной консистории были перестроены (надстроены еще два этажа) и объединены в единый комплекс. В 1936 г. постановлением Президиума Омского облисполкома была закрыта Крестовоздвиженская церковь. В 1938 г. закрываются Знаменская и Св. Михаила Клопского (Галкинская) церкви. В 1939 г. закрыли Всехсвятскую и Праскевиевскую

---

⁶⁹ Глазычев В.Л. От сельской культуры к урбанизации // Культура в советском обществе. М., 1988. С.42.

церкви. В 1940 г. – Никольскую церковь в Ленинске⁷⁰. Еще ранее были закрыты Никольский казачий собор (в 1930 г.) и костел (в 1932 г.).

Приток сельского населения в города вызвал потребность в создании широкой сети особого типа культурных учреждений приспособленных к интересам и уровню образования «новых» горожан. На протяжении второй половины 1930-х гг. наблюдается значительный рост численности «новых» очагов культуры, таких как клубы и учреждения клубного типа. С 1934 по 1939 гг. их число в Омске увеличилось более чем в 2 раза. В 1939 г. в городе действовало 31 клубное учреждение. Клубы располагали 20 киноустановками, 19 радиоустановками, 22 библиотеками, в которых находилось более 97 тыс. экз. книг. Об их большом значении говорит тот факт, что в течение зимы 1938–39 гг. клубы посетило около 1 млн. чел.⁷¹

Большую роль в просвещении и адаптации «новых горожан» в эти годы играли библиотеки. Число массовых библиотек увеличилось с 9 (1932) до 39 (1940). В библиотеках Омска в 1930 г. среди читателей рабочих было 32%, служащих – 31, учащихся вузов и техникумов – 28%⁷².

Немаловажное значение в этом отношении имел и кинематограф. Во всех городах Западной Сибири в эти годы растет число киноустановок. В Омске с 1932 по 1940 г. число киноустановок выросло с 18 до 26. 10 сентября 1932 г. в кинотеатре «Художественный» был показан первый звуковой фильм «Для вас найдется работа». В 1930-е гг. на экраны города выходят десятки отечественных фильмов, многие из которых стали впоследствии отечественной и мировой классикой. В 1934 г. в Омске был показан знаменитый фильм «Чапаев». Первые просмотры были исключительно коллективные. За первую неделю демонстрации фильма его посмотрело более 23 тыс. человек, т.е.

---

⁷⁰Лебедева Н.И. Омские храмы // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1993. №2. С. 103.

⁷¹Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 гг.). С. 214, 278; Омская правда. 1939. 22 ноября.

⁷²Из истории советского Омска... С.214, Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. Новосибирск, 1988. С. 150.

почти 10% населения города⁷³.

В начале 1930-х гг. драматический театр назывался Сибирский театр актерского мастерства (СТАМ). Это название он получил в 1929 г. на совещании руководителей театров сибирских городов, состоявшемся в г. Новосибирске. В театре работали широко известные актеры: Л.Н. Колобов, А.А. Дружинина, М.Г. Колесов, Б.А. Терентьева, С.Д. Иловайский, А.Ф. Теплов, С.М. Комисаров, С.С. Прусская, А.В. Магницкий и др. Лучшими спектаклями театрального сезона 1930–31 гг. были признаны «Первая конная» (Вс. Вишневского), «Хлеб» (В. Киршона), «Наша молодость» (по роману В. Кина «По ту сторону»), «На всякого мудреца довольно простоты» и «Без вины виноватые» (А. Островского). С 1931 по 1937 г. директором и художественным руководителем театра был заслуженный артист РСФСР В.Ф. Торский. Он привез в Омск коллектив единомышленников и попытался на омской сцене реализовать замысел «синтетического театра», который должен был объединить драматическое искусство с музыкой, песней и танцем. Омский театр стал именоваться Западно-Сибирским синтетическим театром. Но так как пьес, специально рассчитанных на подобный театр не было, В.Ф. Торский обратился к оперетте. Каждые два месяца выпускались на сцену один музыкальный спектакль и два драматических. В эти годы были поставлены: «Крещение Руси» (вариант «Богатырей» Д. Бедного), «Прекрасная Елена», «Фиалка Монмартра», «Мадемуазель Нитуш», «Корневильские колокола», опера «Сорочинская ярмарка». В драматических постановках театр обратился к современности, темам революции, гражданской войны, ставил лучшие произведения классики: «Страх» (Афиногенова), «Интервенция» (Славина), «Поэма о топоре» (Погодина), «Оптимистическая трагедия» (Вишневского), «Гибель эскадры» (Корнейчука), «Егор Булычев и другие» и «Последние» (Горького), «Волки и овцы» (Островского) и др.⁷⁴

Но в конце 1930-х гг. Омский синтетический театр подвергся обвинениям в формализме. К формалистическим спектаклям отнесли «Принцессу Турандот», поставленную в духе известной постановки Е.Б. Вахтангова, «Патетическую сонату» (М. Кулиша) и некоторые другие. Формалистическим был признан и сам метод работы

---

⁷³ Из истории советского Омска... С.214; 1000 знаменательных событий. 1716–1996. С. 163; Омская правда. 1934. 21 декабря.

⁷⁴ Яневская С.В. Омский драматический. Омск, 1975. С.41–49.

театрального коллектива. Специальное совещание при Главном управлении Всесоюзного комитета по делам искусств в Москве приняло решение о преобразовании Омского синтетического театра в областной драматический. Вслед за этим 12 декабря 1936 г. на производственном совещании работников театра было принято решение перейти к постановке только драматических произведений. На этом совещании говорилось об оперетте «как буржуазном жанре». В.Ф. Торский уехал из Омска, а вслед за ним многие из актеров. Театр в течение целого сезона находился в состоянии «беспорядка и растерянности». Только с сезона 1938–39 гг. и с приходом нового художественного руководителя начинается новый подъем театра. К 21-й годовщине Великого Октября ставится «Человек с ружьем» (Погодина) и на омскую сцену выходит актер Н.Н. Колесников в роли В.И. Ленина⁷⁵.

В 1930-е гг. в Омске открываются еще два театра. Премьерой спектакля «Каштанка» начал свой первый театральный-сезон Омский театр кукол. Премьерой пьесы «Продолжение следует» (А.Я. Бруштейн) 15 мая 1937 г. ознаменовал свое рождение театр юного зрителя. Кроме того, 1 августа 1937 г. в переоборудованном здании костела постановкой украинской труппы музыкальной драмы «Ой, не ходи, Грицю» открылся городской летний театр⁷⁶.

В 1930-е годы происходило расширение социально-культурных функций города и городской среды. Об этом свидетельствует изменение структуры занятого населения. В просвещении, науке, искусстве и т.п. численность занятых, по данным демографических переписей населения 1920 и 1939 гг., выросла в 5,5 раза, а их удельный вес среди занятого населения с 5,1 до 9,7%. Омск становится одним из крупнейших культурных центров Сибири⁷⁷.

---

⁷⁵ Яневская С.В. Указ. соч. С.50, Горюшкина И. А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI–XX веках: экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С.273.

⁷⁶ 1000 знаменательных событий из истории Омска... С. 168,170.

⁷⁷ Алисов Д.А. Изменение численности населения городов Омского Прииртышья. 1917 – начало 1990-х годов (По материалам переписей населения и статистического учета) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 168–170.

К концу 1930-х гг. Омск значительно расширяет свою сеть высших учебных заведений: с 3 до 6 и становится крупнейшей кузницей кадров в регионе. К сельскохозяйственному, ветеринарному, и медицинскому прибавились Сибирский автомобильно-дорожный (СИБАДИ), Сибирский институт инженеров железнодорожного транспорта и Омский государственный педагогический институт.

30 ноября 1930 г. состоялось торжественное открытие Сибирского автомобильно-дорожного института. В 1933 г. институт имел автомобильный факультет, готовивший инженеров-автомобилистов, эксплуатационников, и дорожный факультет, выпускавший инженеров дорожного хозяйства. Институт находился в ведении ЦУ Дортранса при СНК. Срок обучения составлял 4 года. Число студентов за 4 года выросло почти в 2,4 раза: с 299 до 717 чел. При институте организовали рабфак с филиалами в различных городах и заочно-курсовой сектор по подготовке и переподготовке младшего технического персонала (дорожных мастеров, техников). Здесь обучалось до 300 чел.⁷⁸ В декабре 1931 г. в Омске был открыт институт инженеров транспорта (ОИИТ) в составе двух факультетов: строительного и электромеханического. На 1 января 1933 г. здесь обучался 521 чел. Однако в связи со специализацией дневной строительный факультет был переведен из Омска в Томск. Некоторое время в Омске оставался только один факультет, но вскоре ОИИТ превратился в многофакультетный вуз в составе следующих специальностей: паровозоремонтные заводы, тяговое хозяйство, электротяговые подстанции, строительство зданий и эксплуатация железной дороги. В 1933 г. институт был преобразован в заочное отделение Томского электромеханического института, которое было закрыто в 1938 г.⁷⁹

10 октября 1932 г. в составе трех факультетов (литературного, физико-математического и биологического) был открыт Омский государственный педагогический институт. В 1938 г. дополнительно были открыты еще два факультета: исторический и географический⁸⁰. Кроме

---

¹ Рабочий путь. 1930. 3 декабря; Сибирская советская энциклопедия, Нью-Йорк, 1992, – Т.IV. Обдорск – съезды. Стб., 162.

¹Твм же. Стб.165.

¹ Рабочий путь. 1932. 9 мая; Парфенов Г.С., Бударин М.Е. Омский педагогический институт имени А.М. Горького. Омск ,1962.С.3, 5, 7.

того, в начале 1930-х гг. были открыты в качестве высших учебных заведений Сибирский астрономо-геодезический институт и Вторая Западно-Сибирская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. Сибирский астрономо-геодезический институт был создан в 1932 г. и готовил специалистов высшей квалификации (срок обучения 4 года) для технических и научно-исследовательских работ в области практической астрономии и геодезии, имел 3 отделения: астрономогеодезическое, фотогеодезическое со специальностью аэрофотосъемки и картографогеодезическое. В 1933 г. институт имел только первый курс, на котором по всем 3 отделениям обучалось 120 студентов⁸¹.

Вторая Западно-Сибирская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа была образована в ноябре 1932 г. в результате реорганизации Второго Западно-Сибирского коммунистического университета (Первый сибирский коммунистический университет был открыт в Омске в 1920 г. и просуществовал до 1923 г.). Второй Западно-Сибирский коммунистический университет был создан 1 октября 1931 г. Университет вел подготовку партийно-пропагандистских кадров и кадров советского строительства. На основе постановления ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 г. коммунистический университет был реорганизован в высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу с двумя отделениями. Первое, с двухгодичным сроком обучения, готовило руководящих работников для МТС, совхозов и колхозов (по зерну, животноводству, хлопку, свекле, льну и чаю). Второе, с трехгодичным сроком обучения, осуществляло подготовку руководящих работников для районных партийных и советских организаций. На обоих отделениях обучалось 633 чел., в том числе 597 членов и кандидатов ВКП(б)⁸².

Таким образом, к концу 1930-х гг. Омск окончательно закрепил свое значение в качестве одного из крупнейших вузовских центров за Уралом. В 1938 г. на каждую тысячу жителей города здесь приходилось 35 студентов, в то время как в 1923 г. – только 3. Рост составил более чем в 10 раз⁸³.

---

⁸¹ Сибирская советская энциклопедия. Т. IV. Обдорск – съезды. Стб. 163.

⁸² Там же.

⁸³ Алисов Д. А. Изменение численности населения городов... С. 168–170.

Омск в 1930-е гг. превратился в крупный научный центр, где получили наибольшее развитие сельскохозяйственные, медицинские и биологические науки. В 1928 г. здесь было открыто Сибирское отделение Государственного почвенного института, в 1930 г. организована зональная станция молочного хозяйства. Появлялись и другие научно-исследовательские учреждения. В годы первой пятилетки в Омске работало 15 научных учреждений, в которых вели исследования около 250 научных работников. Во второй пятилетке значение Омска как научного центра возрастает. Преобразование Западно-Сибирской опытной станции, согласно постановлению ВАСХНИЛ в 1931 г., в крупнейший в стране научно-исследовательский институт зернового хозяйства (Сибниизхоз) значительно укрепило омскую науку. В 1939 г. в 16 лабораториях и на опытных полях института трудилось 224 научных работника. За предвоенные годы институт вывел свыше 120 новых сортов сельскохозяйственных культур, внедренных на поля совхозов и колхозов страны. В 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил молодой институт орденом Трудового Красного Знамени, а Главвыставком ВСХВ присудил ему диплом первой степени⁸⁴.

Большая научная работа проводилась также омскими вузами, где трудились крупные ученые. Имена многих из них были известны не только в стране, но и за ее пределами. В 1939 г. в вузах Омска работало 37 профессоров, 138 доцентов, 68 старших научных работников. Только работники Омского сельскохозяйственного института за 20 лет опубликовали около 2 тыс., медицинского института около 1,5 тыс., ветеринарного – около 500 научных работ. В довоенные годы Омск был единственным научным центром за Уралом, высшим учебным заведениям которого было предоставлено право приема к защите кандидатских и докторских диссертаций по ряду отраслей научных знаний⁸⁵.

В конце 1930-х гг. омские ученые попытались объединиться вокруг Дома ученых. 24 апреля 1938 г. в городе открылся Омский

---

⁸⁴Касьян А.К. Советский Омск (1917 – июнь 1941 гг.) // Из истории советского Омска (1917 – июнь 1941 гг.). Омск, 1975. С. 41.

⁸⁵Касьян А.К. Советский Омск (1917 – июнь 1941 гг.)... С. 41; Журавлев М.П. Указ. соч. С.76.

дом ученых союза высшей школы и научных учреждений. Первый вечер был посвящен творчеству П.И.Чайковского. С докладом о его жизни и творчестве выступила профессор Л.Л. Розенбер, после чего был исполнен ряд произведений П.И. Чайковского⁸⁶.

Однако, следует отметить, что научные и профессорско-преподавательские кадры вузов Омска, как и в других городах страны, начиная с конца 1920-х – начала 1930-х гг. все чаще подвергались необоснованным политическим репрессиям, что отразилось, наряду с прочими факторами, на качестве подготовки будущих специалистов⁸⁷.

Жесткое давление политической конъюнктуры сказывалось в эти годы самым непосредственным образом на творчестве работников искусства. Омские художники были вынуждены зачастую творить стандартные произведения на «заданные» темы. Вот названия некоторых художественных полотен этого периода: «Сталин и Дзержинский на Восточном фронте» (В. Федорович), «Товарищ Ворошилов среди бойцов-пулеметчиков» (П. Плахотных) и т.п.⁸⁸

Начальник областного отдела по делам искусств А. Родионов сделал вывод о том, что «по уровню музыкальной культуры г. Омск и Омская область стоят на одном из последних мест среди других краев и областей СССР». «У нас нет ни одного музыкального театра, нет руководящего центра музыкальной жизни – филармонии, ни одного профессионального творческого музыкального коллектива», – писал он в своей статье, опубликованной в «Омской правде» 17 декабря 1939 г. Единственной возможностью омицей познакомиться с профессиональным музыкальным творчеством были организуемые концертно-эстрадным бюро областного отдела по делам искусств редкие гастроли музыкальных коллективов и солистов концертных организаций Москвы и других городов, где музыкальное искусство было на более высоком уровне. Среди наиболее известных музыкальных коллективов,

---

⁸⁶Омская правда. 1938.27 апреля.

⁸⁷Загорский Н. Классовая борьба в сибирских ВУЗах. Новосибирск, 1929. – С.54–56. Шепелева В.Б. Из культурной жизни Омска XIX – первой четверти XX вв. // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX вв. Омск, 1994. С. 151–153.

⁸⁸Омская область сегодня. Омск, 1940. С. 138–139.

побывавших в нашем городе в 1930-е гг. были Государственный духовой оркестр СССР, хор им. Пятницкого, театры музыкальной комедии Ленинграда, Челябинска и некоторые другие⁸⁹.

В связи с этим в самом конце 1930-х гг. в Омске предпринимаются энергичные усилия по созданию профессиональных музыкальных коллективов и филармонии: решается вопрос об организации к началу 1940 г. филармонии и нескольких профессиональных творческих коллективов при ней. В первую очередь создается Омский симфонический оркестр. Большинство музыкантов удалось найти в Омске и лишь на некоторые инструменты пришлось приглашать исполнителей из других городов. Дирижером оркестра был приглашен Г.Д. Фрейлих. В декабре 1939 г. в Омске была проведена декада советской музыки. Началась она 10 декабря камерным концертом в зале сельскохозяйственного техникума. Первый симфонический концерт советской музыки состоялся 19 декабря в здании областного театра. 21 декабря в рабочем клубе прошел концерт, посвященный 60-летию со дня рождения И.В. Сталина⁹⁰.

Отсутствие профессиональных музыкальных коллективов долгие годы частично компенсировалось развитием любительской самодеятельности, которые в ряде случаев достигали высокого вокального и музыкального мастерства. Среди подобных коллективов можно отметить самодеятельный хор завода «Автотрактородеталь», Большого сводного симфонического оркестра и др. В городе действовал театр детской самодеятельности⁹¹.

Все большее место в жизни омичей в 1930-е гг. занимали физическая культура и спорт. К концу 1930-х гг. особое значение приобрели военно-технические и прикладные виды спорта. Большой популярностью среди населения при соответствующей государственной поддержке пользовался авиаспорт. В Омске действовал аэроклуб, где без отрыва от производства можно было обучиться на пилота. Аэроклуб на крупнейших предприятиях и стройках открыл курсы пилотов. На заводе им. Рудзутака на 20 чел., в сельскохозяйственном

---

⁸⁹ Омская правда. 1939. 17 декабря.

⁹⁰ Омская правда. 1939. 17 и 18 декабря.

⁹¹ Омская правда. 1936. 22 мая; 1937. 10 января; 1939. 17 декабря.

институте на 16 чел. и т.д. Широкою работу развернул и планерный кружок аэроклуба (в нем занималось 30 чел.). Он создал планерные кружки на заводе «Коминтерн», мясохлагокомбинате, заводе «Красный Пахарь»⁹².

Активное участие в военно-спортивных мероприятиях принимал комсомол Омска. В 1934 г. была развернута работа по сдаче военотехнического экзамена. Учебой были охвачены практически все комсомольские организации города. Так, на заводе «Коминтерн» регулярно действовали кружки по изучению автомобильного дела, санитарный, стрелковый. 100 комсомольцев медицинского техникума сдали нормы по комплексу «Готов к санитарной обороне»⁹³.

Последствия форсированной индустриализации для социально-культурного развития городов Западной Сибири, в том числе и Омска, были крайне противоречивы. С одной стороны, ускоренное развитие промышленности позволило внести ряд позитивных элементов в развитие городской среды, таких, как трамвай, электрическое освещение, канализация. С другой стороны, ускоренные темпы урбанизации и индустриального развития привели к тому, что в Омске, как и во всех сибирских городах, обозначился серьезный разрыв в уровнях развития промышленности и социально-культурной инфраструктуры города.

Таким образом, ускоренное развитие индустрии и города в 1930-е годы привело к формированию серьезных противоречий в развитии городской среды обитания. С одной стороны, в городскую жизнь активно внедрялись разного рода технические, организационные и культурные новации, с другой, ускоренные темпы урбанизации привели к перенапряжению городской среды и городского хозяйства. Набережные рек в эти годы оставались неблагоустроенными. Замощенность улиц, хотя несколько и возросла, по-прежнему оставалась низкой. Несмотря на интенсивное становление урбанистических форм жизни в 1930-е гг., в Омске в составе жилого фонда преобладали частный сектор и индивидуальное жилищное строительство.

---

⁹²Омская правда. 1934. 21 декабря.

⁹³Омская правда. 1934. 22 декабря.

2.3. Образ сибирского города в предвоенные годы и в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

При изучении культурного пространства сибирского города XX века следует выделять влияние экстремальных ситуаций, в том числе условий военного времени. Период 1941–1945 гг. – это признанный и в постсоветской историографии особый отрезок советской истории и истории отечественной культуры. На формирование облика провинциального города в эти годы, тем более, городов в восточных районах СССР, непосредственно в Западной Сибири, воздействовали общемодернизационные процессы, принципиальные демографические сдвиги, политические и идеологические установки власти, собственные закономерности развития культуры.

В ряде предыдущих публикаций нами был осуществлен анализ современных подходов и исследовательских практик изучения советского города⁹⁴. Было заявлено о правомерности изучения города с использованием наработок смежных областей научного знания, в частности, урбанистики (в виде «градоведения»), регионоведения, отраслевых историй, искусствознания, то есть, конструируя междисциплинарную модель, которая может быть названа историко-культурологической. В этом случае предполагается воспринимать российский город как особый вариант проявления и бытования культуры «Места» в его локальном своеобразии. Для дополнительного «объемного» видения города как «носителя динамических потоков социальной эволюции, смыслов, тенденций и сущностных особенностей организации жизнедеятельности общества»⁹⁵ нами используется термин

---

⁹⁴См.: Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке)...; Они же. Символика культурного пространства советского города 1920–1930-х гг.: вопросы теории и историографии // Социокультурное пространство сибирского города: история и современность. Сб. науч. ст. Вып. 1. Ханты-Мансийск-Омск, 2003. С. 52–72; Они же. Приметы советской массовой культуры в ландшафте крупного города: дискуссионные вопросы и современная исследовательская практика // Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность. Сб. ст. / Отв. ред. А.П. Логунов. М., 2004. С.264–277.

⁹⁵См.: Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С. 3.

«культурно-цивилизационный ландшафт», что позволяет акцентировать внимание на ведущей роли целеустремленной деятельности людей в преобразовании территориальных образований. И хотя в советском городе основные трансформации культурного пространства осуществлялись под давлением государственных политических и экономических интересов и социально-политических установок, созидательная деятельность творческой интеллигенции, ее новационные идеи и идеалы в немалой степени участвовали в формировании органического городского ландшафта. Отсюда определяется наш интерес к проектным разработкам архитекторов, дизайнеров, художников, скульпторов, результаты которых закреплялись в материализованных элементах городского пейзажа: в зданиях, ансамблях, архитектурных комплексах, памятниках. Особенно важны те проекты и сооружения, которые становились знаковыми для общего «Духа Места», включая его советскую специфику. (Отдельным актуальным направлением будущих исследований должно стать изучение судеб их авторов и отношения к оставленному наследию со стороны потомков. Пока же мы не будем касаться этого о малоизученного историками вопроса).

Представляется плодотворным сочетать при изучении города XX века анализ его материальных компонентов, ставших соответствующими знаками городского пространства, с опознанием «Места» через его мифы и символы, на основе которых происходит идентификация города пришлыми временными жителями и самоидентификация его постоянных обитателей. Философское осмысление города как бытия и подчеркивание важности изучения эмоционального восприятия городской действительности через образы, мифы, легенды, ритуалы и профессиональные действия по изменению облика города предлагалось еще в 1993 г. томскими учеными⁹⁶. Уже указывалось на подобного рода исследования в Саратове⁹⁷. Формирование городской мифологии и символики во многом есть результат эмоционального восприятия и переживаний связанных с городом рефлексированных

---

⁹⁶ Антошук Л.К., Безменова Т.В. Культурологический подход к описанию городской культуры // Дефиниции культуры. Сб. ст. / Под ред. Э.В. Бушмакина и А.К. Сухотина. Томск, 1993. С. 189–198.

⁹⁷ Пространственность развития и метафизика Саратова. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.П. Фокина, Саратов, 2001.

личностей. Поэтому ценным источником для изучения советского города, в том числе, в экстремальных условиях военного времени становятся наряду с традиционными письменными источниками личного происхождения (письма, дневники, мемуары, заметки и пр.) визуальные источники (от фотографий до рисунков и живописных полотен). Они принадлежат не только местным (сибирским) «аборигенам», для которых образ города складывался под влиянием официальных установок из Центра, собственных утопических устремлений или критически-негативных позиций и оценок, включая чувства регионального патриотизма, но и «пришлым» представителям столичных и крупных городов Европейской части СССР, оказавшимся в Сибири не по собственному желанию. Их взгляд «со стороны» на свое временное прибежище следует назвать неангажированным. С учетом субъективизма подобных характеристик, избирательности восприятия и памяти можно путем сопоставления почувствовать истоки процесса идентификации города, своеобразие его «внутреннего наполнения» для отдельных центров.

Принимая во внимание все вышеназванные теоретико-методологические и источниковедческие посылки, подчеркнем, что период Великой Отечественной войны был для культурно-цивилизационного ландшафта сибирских городов весьма насыщен изменениями, противоречивыми по характеру и результатам, давшими толчок многим последующим трансформациям культурного пространства, особенно в отдельных крупных центрах региона. Однако, поскольку многие реальные черты нового образа городских центров региона начали складываться в 1930-е гг. и достаточно отчетливо проявились уже в конце 1930-х гг., целесообразно объединить два, на первый взгляд, разных этапа в трансформациях культурного пространства сибирского города.

К началу 40-х гг. XX в. крупные сибирские города Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Тюмень в своем облике в разной степени сохраняли традиционные черты провинциальных центров с их принципами застройки, планировки и благоустройства, с преобладанием деревянных зданий и немощеных улиц. Одновременно в их облике уже присутствовали приметы урбанистических новаций и индустриальные символы. Тем не менее, следует указать и на то, что процессы

социалистической реконструкции городов, инициированные известными постановлениями ЦК ВКП(б) 1931–1932 гг., еще не были заметны в культурном пространстве указанных городов региона, за исключением Новосибирска. Его левобережная часть с 1930 г. в соответствии с правительственным решением должна была превратиться в отдельный «социалистический город», наряду с городами Кузбасса и Магнитогорском⁹⁸.

Считается, что Новосибирск, самый молодой из крупных сибирских городов, «обреченный» решениями региональных властей на роль «столицы советской Сибири», не имел давних традиций и сложившегося уклада. Но, как кажется, можно принять позицию новосибирского литератора А.В. Никулькова, утверждающего, что существовал некий генетический код наследственности в историческом характере города – возникновение его на острие технического прогресса своего времени – на стыке железной дороги и моста через Обь⁹⁹. Поэтому в реальном и символическом пространстве города именно железнодорожный вокзал в его преобразованном варианте («самый большой за Уралом») стал в конце 1930-х гг. уникальным знаком-символом.

Запрограммированная «столичность» Новосибирска требовала соответствующей планировки, современной застройки (в данном случае образец социалистической реконструкции Москвы имел двойное значение), набора общественных зданий и сооружений, включая местные варианты столичного Дворца Советов, зданий-мемориалов, обязательных городских монументов. Скорректированный в предвоенные годы план реконструкции Новосибирска предполагал в перспективе превращение уже всего города в образцовый «соцгород». С этой целью начала реконструироваться центральная магистраль – Красный проспект. Строился Дом Ленина (позже в нем будет располагаться Новосибирский ТЮЗ и работы по приспособлению здания к новой функции осуществлялись именно в военные годы), ДНК (Дом

---

⁹⁸См.: ГАНО. Ф.1228. Оп.1. Д.691. Л. 1–37; Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты / Отв. ред. И.Б. Оглы. Новосибирск, 1999. С.47–68.

⁹⁹Никульков А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский современник из прошлого. Новосибирск, 1989. С.35.

науки и культуры, строительство которого велось с 1930 г., но уже в 1936 г. было переориентировано на сооружение Оперного театра¹⁰⁰), создавались рабочие поселки при строящихся промышленных предприятиях. Примечательны оценки облика города в момент происходившего строительства, данные отраслевыми специалистами. Достаточно нелицеприятную картину рисует сибирский историк градостроительства Б.И. Оглы: «Это был город бурного начала и больших надежд, город с чертами провинциального Новониколаевска и столичного сибирского центра. В нем еще не было цельности градостроительной среды и законченности ансамблей. Лишь Красный проспект, относительно сложившийся многоэтажными и общественными зданиями и старой капитальной основой как композиционный стержень центра, мощным гребнем выделялся в силуэте города. Среди распластавшейся массы индивидуальной застройки, как вехи возвышались в лесах одиночные объемы производственных и общественных зданий, силуэты труб и градирен промышленных гигантов. По ним угадывались контуры будущего индустриального города. Открытые пространства доминировали и пронизывали очаги новой застройки, а мощная система железнодорожных суперлиний сочеталась с зачатками первых внутригородских транспортных связей»¹⁰¹. Суждения профессионала дополняют воспоминания доктора биологических наук Г. Крылова: «Он (город – В.Н., В.Р.) был преимущественно деревянным, возле каждого дома – приусадебные участки <...> Подсобных хозяйств не было только на Красном проспекте. Из приусадебных построек выделялись особенно конюшни, которых было очень много, как сейчас гаражей <... > Продуманного озеленения не существовало, лишь на Красном проспекте росли и мели белым пухом посаженные в 1910 г. тополя <...> Однако деревьев и кустарников было явно недостаточно, исключение составляла только территория бывшего кладбища (потом – парка Сталина) и сохранившиеся островки соснового бора в Октябрьском районе»¹⁰².

---

¹⁰⁰ Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтелеи К.Е. Осипове... С. 7,13.

¹⁰¹ Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск, 1991. С. 52.

¹⁰² Крылов Г. В Ельцовке было полно ельцов // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / Сост. Т. Иванова. Новосибирск, 1999. С. 17–18.

Совсем недавно эти словесные характеристики получили визуальное воплощение в содержании фотоальбома, подготовленного к 110-летию Новосибирска Научно-производственным Центром по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области совместно с Новосибирским государственным краеведческим музеем¹⁰³. На большинстве помещенных в альбоме снимков, относящихся к предвоенному десятилетию, зеленые насаждения практически незаметны. Упомянутые невысокие тополя, вытянутые в две тонкие линии, не меняют общей картины. Отметим редкую фотографию второй половины 1930-х гг. с фрагментами образцово-показательных посадок и благоустройства городского квартала на переднем плане: ряд небольших сосенок в окружении цветов и кустарника (на снимке запечатлен дом-комбинат НКВД, построенный в 1934–1936 гг. по проекту архитекторов Б.А. Гордеева, С.П. Тургенева, ИТ. Воронова)¹⁰⁴. На карте Новосибирска 1935 г. в центральной части «столицы Советской Сибири» (по административному делению города тех лет – это Кагановичский район) видны зеленые вкрапления: Первомайский сквер (завершение его оформления относится к 1932 г. и связывается с именем архитектора В.М. Тейтеля) и Сад имени Сталина (о нем упоминает Г. Крылов), открытый в 1931 г. на территории бывшего кладбища (в 1944 г. на базе сада создан Парк культуры и отдыха имени Сталина)¹⁰⁵. На той же карте видны еще два сада: «Свобода» и «Сосновка» (они сохранились с дореволюционного времени) и на территории строящегося Левобережного «соцгорода» в 1930-е гг. был заложен сад имени Кирова. Фотография жилых домов Сибкомбайна (главного градостроительного ядра будущего «соцгорода»), датированная составителями альбома серединой 1930-х гг., поражает полным отсутствием признаков озеленения вокруг возведенных в два ряда четырехэтажных корпусов кварталов «жилого комбината»¹⁰⁶.

---

¹⁰³ См.: Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков / Сост. Е.А. Кузнецова. Новосибирск, 2003. 76–90,92–95,97–103,105–109,111–123,125,127– 143, 145–147.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 130.

¹⁰⁵ См.: Новосибирск. Историко-географический атлас. М., 1993. С.22–23; Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков... С. 126.

¹⁰⁶ Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков... С. 127.

Типовыми проектами застройки «соцгорода» предполагалось, что между этими рядами домов позже возникнут хорошо озелененные аллеи-улицы.

Заметим, что вопрос о парках и зеленом благоустройстве культурного пространства советского сибирского города требует отдельного рассмотрения. Несмотря на то, что официальные установки и научно-практические рекомендации в области зеленого строительства и скульптурного оформления парков, садов и скверов появились уже во второй половине 1930-х гг.¹⁰⁷, повсеместные и широкомасштабные работы по их реализации связаны преимущественно с послевоенным периодом и новыми градостроительными идеями монументальных городских ансамблей. В культурно-цивилизационном ландшафте и реальном облике крупных городов Сибири эти признаки были малозаметны и в начале 1940-х гг., хотя планировка центральных площадей и проспектов уже включала официальные символические сооружения и монументы, а также элементы их садово-паркового обрамления.

Примечательны впечатления об облике сибирской «столицы» одного из известных советских архитекторов, ленинградского архитектора А.И. Гегелло, находившегося во время Великой Отечественной войны в Новосибирске и выступившего 5 ноября 1943 г. в местном отделении Союза советских архитекторов с докладом «Архитектурное лицо Новосибирска». (Стенограмма его обсуждения обнаружена нами в личном фонде сибирского архитектора и историка народного деревянного зодчества в Сибири Е. А. Ащепкова¹⁰⁸). Признавая беглость и некоторую поверхностность своих наблюдений, А.И. Гегелло одновременно подчеркивал, что его взгляд – это свежий взгляд не туриста, а архитектора, пробывшего в городе 2 года, что «впечатление от Новосибирска – это впечатление о большом провинциальном городе, который начал быстро расти и застраиваться, и как-то так и остался, и ничего законченного и целого он не оставляет»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁷ См.: Проблемы садово-парковой архитектуры. Сб. ст. М., 1936: Коржев М.П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР. М, 1940.

¹⁰⁸ ГАНУ. Ф.2102. Оп. 1. Д.60. Л. 1–5 (с двух сторон).

¹⁰⁹ Там же. Л.1.

Но маститый архитектор все же отметил рад зданий на Красном проспекте (центральной магистрали, «которая производит хорошее впечатление благодаря своему озеленению, благодаря бульвару, тянущемуся во всю длину»), вокзал («по своим размерам грандиозен»), комплекс площади Сталина, Дом Ленина («который производит впечатление чрезмерное,.. здание скорее мавзолейного порядка и недаром некоторые сравнивают его с Мавзолеем Ленина в Москве»), здания Облисполкома и Облпотребсоюза, но одновременно он увидел эклектичность архитектурных решений, бесплановость и хаотичность застройки многих районов¹¹⁰. Вполне вероятно, что на этих профессиональных оценках сказывались особенности атмосферы идеологических дискуссий второй половины 1930-х гг., которые затронули и советских архитекторов. Об этом свидетельствует, например, характер материалов диспута, проходившего в Новосибирском отделении Союза советских архитекторов в марте 1936 г. по вопросу об опасностях эклектики и формализма в архитектуре Новосибирска¹¹¹.

Такой вывод подтверждается и совершенно иной оценкой ситуации в Новосибирске из документа, хранящегося в фонде Е.А. Ащепкова и относящегося к первым послевоенным годам, он носит название «Архитектура Новосибирска и перспективы ее развития (Материалы к вопросу архитектурно-художественных проблем и планировки города)»¹¹². В документе сказано: «Четкая, единая архитектурная композиция города, широкие магистрали, проспекты, тянущиеся на многие километры, просторные площади, массивы зелени парков и скверов показывают большой размах нового социалистического города, не имеющего окраин в прямом смысле этого слова»¹¹³. Сопоставляя столь противоречивые суждения, следует более тщательно разделять реалии и мифы, присутствовавшие в официальных планах.

«Столица» Алтайского края г. Барнаул имел более насыщенную историю градостроительства, в которой до конца XIX века существенную

---

¹¹⁰ ГАНО. Ф.2102. Оп. 1. Д.60. Л.3–6.

¹¹¹ ГАНО. Ф.1444. Оп.1. ДАЛ. 1–9.

¹¹² ГАНО.Ф. 2102. Оп.1.Д.50. Л. 1–22.

¹¹³ Там же. Л.2.

роль играло диктуемое государственными интересами стремление обеспечить в его облике сочетание официальных черт горнопромышленного и административно-чиновничьего центра. К некоторым сохранившимся зданиям, исполненным с чертами классического стиля, в начале XX века прибавился ряд зданий, решенных в стиле модерн и эклектики. Несмотря на то, что в целом город оставался деревянным и провинциальным, его исторический центр обладал уникальным культурно-цивилизационным ландшафтом, отвечавшим его статусу главного города-центра горнозаводской промышленности в сибирском регионе. Наиболее примечательные здания, составившие его приметы в этом качестве, запечатлены в буклете «Барнаул. Архитектурные образы начала XX века»¹¹⁴.

К признакам особого статуса Барнаула в указанном качестве можно отнести ряд архитектурно-топонимических объектов (например, ансамбль Демидовской площади), обелиск в честь столетия горного производства на Алтае с барельефным профилем А.Н. Демидова, установленный в середине XIX века.

Знаком-символом новой советской эпохи стал Монумент павшим борцам за Советскую власть (инженер А.А. Дубровский), установленный в 1927 г. Волевым решением правительства о превращении Барнаула в центр текстильной промышленности на Востоке привело в начале 1930-х гг. к созданию на окраине города своего рода «соцгорода» при Меланжевом комбинате – жилого поселка из новых многоэтажных домов с благоустроенными квартирами на месте «жалких домишек», как пишут алтайские историки архитектуры¹¹⁵. В соответствии с генпланом реконструкции Барнаула по проекту архитектора В.К. Александрова началась реконструкция Ленинского проспекта как главной композиционной оси города. К 1940 г. было построено здание Крайкома ВКП(б) в уже типичных для официальных зданий периода развернутого строительства коммунизма, выполненных в имперских традициях классического канона соцреализма в архитектуре

---

¹¹⁴ См.: Барнаул. Архитектурные образы начала XX века / Сост. Т.М. Степанская, К.Н. Метельницкий, А.Ф. Деринг. Барнаул, 1994–1995.

¹¹⁵ Долнаков А. П., Долнакова Е. А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. С. 10–11.

(архитекторы А.В. Баранский и А.П. Бобров). К ним в 1941 г. прибавился двухзальный кинотеатр «Родина», построенный по проекту московского архитектора Г.Х. Френка. Все это были явные приметы официального стиля новой эпохи, хотя еще не способные принципиально изменить лицо этого среднего провинциального центра Юга сибирского региона.

Омск среди сибирских городов исторически имел статус административного центра и своеобразного военного и пограничного форпоста. И этот образ города-крепости достаточно прочно утвердился в сознании его жителей и летописцев. Он был закреплен в книге омского и впоследствии известного советского поэта Л.Н. Мартынова «Крепость на Омн», опубликованной в 1940 г. Характер городского пространства изменился с постройкой транссибирской магистрали. Облик его исторической части, материализованной в административных зданиях генерал-губернаторского дома, дома судебных установлений, в ансамбле второй омской крепости, в застройке торговой артерии – Чернавинского (Любинского) проспекта, общественных и учебных заведений запечатлен в почтовой открытке и фотографиях. Уже в начале XX века Омск стал крупным транспортным узлом, торгово-распределительным центром, в его пейзаже появились промышленные предприятия, начали формироваться новые жилые районы.

Советский Омск пережил волну «топонимической революции» начала 1920-х гг. В ее результате, как и в ряде других городов, улицы города получили имена связанных (и не связанных) с Омском и Сибирью революционеров и вождей (улицы Красный путь, Партизанская, Интернациональная, Гусарова, Ленина, Республики, К. Либкнехта, Герцена и т.д.). Вместе с тем в этих мотивациях была некоторая омская специфика, например, доказывалась практическая, а не идеологическая необходимость нумерации второстепенных улиц¹¹⁶ (на современной карте города их около 300¹¹⁷). Тогда же начинает формироваться символика культурного пространства советского Омска.

---

¹¹⁶ См. подробнее: Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города 1920-х гг. ... С.260–264.

¹¹⁷ Лебедева Н.И., Рыженко В.Г. Омск. «Город на границе государства Российского...» Историческая мозаика. СПб., 2001. С.74.

Главным знаковым местом становится площадь напротив бывшего Дворца генерал-губернатора Степного края, переименованного в Дом Республики, и мемориальный сквер «Памяти Борцов революции». В символику городского ландшафта Омска новой эпохи вписываются, как и в других городах, памятники Ленину, первый из которых встречал приезжающих на площади у железнодорожного вокзала, в 1930-е гг. был заложен парк имени Сталина на территории, ныне занимаемой городком Водников. (В фондах Омского народного музея речников, по данным Е.Г. Морозовой, имеются фотоматериалы, зафиксировавшие фрагменты парка).

Предвоенные годы – время превращения города в центр области «с разносторонне развитой промышленностью». Было начато строительство новых заводов на окраинах Омска (автосборочного, шинного, кордного), создание новых рабочих поселков, в том числе первого в Омске показательного рабочего поселка – городка Водников для работников Нижнее-Иртышского речного пароходства. Эти приметы не изменили в целом образа города, который Л.Н. Мартынов называл: «плоский, купающийся в соленой пыли пшеничный город-блин»¹¹⁸. Но город пытался противостоять ветрам и степной пыли. Недаром уже в 1920-е гг. здесь были популярны идеи города-сада и осуществлялись первые работы по озеленению. В 1940 г. по сравнению с 1934 г. площадь зеленых насаждений в городе увеличилась в 3 раза. (Особой самостоятельной частью будущего «Большого Омска» стала сформировавшаяся за вторую половину 1920-х и в 1930-е гг. территория Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, позже Омского сельскохозяйственного института и своеобразного Агрогородка). Изменения в его облике можно увидеть в фотоматериалах альбома, подготовленного к 80-летию Омского аграрного университета¹¹⁹.

Среди городов региона отличался, как известно, Томск – «Сибирские Афины», город с давними культурными традициями, высокой долей в населении студенчества и интеллигенции. Его внешний облик привлекал деревянными домами с удивительной резьбой, получившей

---

¹¹⁸ Цит. по: Лебедева Н.И., Рыженко В.Г. Омск... С.80.

¹¹⁹ См.: Как строился и рос университетский городок // Вестник ОмГАУ. 1997. Приложение.

название «томских кружев», своеобразным неспешным темпом жизни и естественным центром города – Университетом и парковым массивом при нем. Вновь следует указать на наличие ценного визуального материала, содержащегося в альбоме «Прогулки по старому Томску», для сравнительной характеристики последующих трансформаций культурно-цивилизационного ландшафта советского Томска¹²⁰. Еще в 1920-е гг. в печати и свидетельствах современников появлялась и другая образная характеристика города – «Сибирский Оксфорд».

В 1930-е гг. советская эпоха и в этом культурном пространстве обозначила свои приоритеты установкой официальных памятников и монументов из обязательного набора. Томская журналистка С. Привалихина, работая над книгой о своей «малой родине», выявила интересный архивный документ под названием «Характеристика монументальной скульптуры Томска» (приложение к решению горисполкома от 22 августа 1941 г.)¹²¹. В нем описывается состояние имеющихся на тот момент в городе 20 статуй, скульптурных групп и бюстов. 7 из них связаны с именем Сталина; 5 – с именем Ленина, одна группа – «Ленин и Сталин в Горках», работы украинских скульпторов Г. Пивоварова, Ю. Фридмана и Ю. Белостоцкого, находилась в парке томского мединститута и, как отмечалось, выбор места был удачен – «на площадке парка, где учащаяся молодежь работает и проводит свой отдых». Это, по-видимому, самый ранний случай включения в культурный ландшафт сибирских городов монумента, отмеченного на выставке в Москве в 1938 г. и ставшего образцовым для обозначения координат советского культурного пространства 1940-х – 1950-х гг.

Помимо указанного количества монументов главным вождям в томском перечне присутствуют два памятника Кирову, конная статуя Ворошилова, бюст Чапаева. Примечательно, что по сравнению с другими сибирскими городами и прежде всего, с Омском и Новосибирском, в Томске гораздо позже установили обелиск на братской могиле революционеров, похороненных в 1919 г. Как пишет С. Привалихина,

---

¹²⁰ См.: Прогулка по старому Томску / Сост. Э. Майданюк. Томск, 1992.

¹²¹ Привалихина С. Мой Томск. Изд. 2-е. исправл. и доп. Томск, 2000. С. 94–98.

это произошло «через 20 лет»¹²². Приведена фотография достаточно скромного обелиска «на Ново-Соборной площади» (то есть, современное фото, сделанное уже после возвращения площади прежнего имени). Сравнение его внешнего вида с мемориалами Борцам революции в Омске и Новониколаевске, в том числе и с проектами, присланными на конкурс в 1920 г. в Новониколаевск¹²³, заставляет задуматься о специфике монументальной пропаганды конца 1930-х гг. и об отсутствии в условиях сталинской эпохи возможностей возвести уникальное местное мемориальное сооружение, которое бы отличалось индивидуальностью, либо о нежелании представителей местных художественных сил участвовать в заказном юбилейном действии. Поскольку эти вопросы до сих пор в исследовательской литературе не вставали, то понадобятся дополнительные разыскания.

С началом Великой Отечественной войны во внутренней структуре, внешнем облике, символике и образе сибирских городов произошли принципиальные изменения. Они были связаны с перемещением в Сибирь огромных материальных и людских ресурсов, прежде всего заводов и фабрик из Европейской России, а также немалых культурных ценностей. Всем им для нормального функционирования должны были быть предоставлены территории, помещения, решены транспортные проблемы, обеспечена система соцкультбыта. Для этого пришлось помещения действующих и строящихся предприятий, занять здания учебных заведений, контор и ряда других непрофильных объектов, создать новые рабочие поселки, переместить в другие города некоторые объекты. Меняется топография городов, происходят изменения в топонимике, в культурно-цивилизационном пространстве появляются новые доминанты, несмотря на трудности военного времени, продолжается созидательно-преобразующая деятельность архитекторов, художников, строителей.

В исторической и краеведческой литературе уже достаточно подробно учтены прибывшие в эвакуацию в сибирские центры заводы, учреждения искусства, музеи. Нас в данном случае больше интересует их размещение, которое меняло лицо города. Так, в Новосибирск

---

¹²² Привалихина С. Мой Томск ... С.86–87.

¹²³ См., подробнее: Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города 1920-х гг. С.266–279.

с июня по ноябрь 1941 г. прибыло 50 эвакуированных заводов, из них сразу несколько были размещены на территории строящегося «Сибметаллстроя» (потом – «Сибсельмаш»), заводы из Ленинграда – на строительстве «Сибстройпути», другим отводились территории на окраинах, но некоторые платформы со станками и оборудованием разгружались на пустырях в центре города. Интересны воспоминания молодого тогда новосибирца В. Блиновского о том, как по одной из центральных улиц – улице Дуси Ковальчук – морозным утром 1941 г. по трамвайному пути шел маневровый паровоз с гружеными, накрытыми брезентом платформами, которые разгружались здесь по-столичному одетыми людьми почти исключительно вручную¹²⁴. По воспоминаниям ветеранов, даже в строящемся здании ДНК рядом с размещенными там фондами Государственной Третьяковской галереи и эвакуированных ленинградских музеев, работали минометный цех и прожекторный завод¹²⁵.

Эвакуация в Сибирь большого числа специалистов потребовала от архитекторов и строителей в кратчайшие сроки обеспечить их жильем. Основные усилия местных и прибывших из западных районов страны проектировщиков и инженеров были сосредоточены на строительстве жилья. В Новосибирске над этим работали сотрудники Московского и Ленинградского инженерно-строительных институтов, Новосибирского инженерно-строительного института и сибирской группы Академии архитектуры. Различным по длительности, но плодотворным было пребывание в Новосибирске академиков архитектуры А.Г. Мордвинова и С.Е. Чернышева, членов-корреспондентов Академии архитектуры В.Л. Гофмана, А.И. Гегелло, В.А. Веймана и др.¹²⁶ Перевод в Новосибирск крупных проектных и строительных организаций из центра создавал немало проблем для местных разработчиков. Некоторые организации приобретали характер кустарных и полукустарных, что не могло не сказаться на качестве работ, но проблемы строительства массового жилья были решены успешно. Об этом доложили в сентябре 1942 г. на Урало-Сибирском

---

¹²⁴ Мой Новосибирск ... С. 181 –182.

¹²⁵ Там же. С.40.

¹²⁶ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.27. Л.4об.

совещании, организованном Всесоюзным правлением Союза советских архитекторов, представители Новосибирска А.И. Гегелло и один из самых известных сибирских архитекторов А.Д. Крячков. На основе их докладов об особенностях конструирования и планирования массового жилищного строительства в условиях Сибири военного времени были приняты рекомендации о новых планировочных и строительных нормах, об экономии материалов и замене их имеющимися на месте¹²⁷.

Параллельно в Новосибирске шла работа по переделке, применительно к новой ситуации, генерального плана развития города. В 1942–1943 гг. бригада «Гипрогора» под руководством архитектора А.И. Синявера внесла изменения в проект, предложенный в 1941 г. профессором В. А. Витманом. В нем увеличивался процент малоэтажной застройки, сложившееся в результате эвакуации размещение промышленных предприятий и отведение территорий для перспективного строительства заводов определили и новые зоны для жилищно-коммунального строительства¹²⁸. Работа шла, но окончательный вариант генплана был готов только к 1952 г. Одновременно шло строительство и реконструкция зданий, которые по завершении стали символами города: здания ДНК, ставшего Новосибирским театром оперы и балета и открывшегося оперой «Иван Сусанин» в первые послевоенные дни, и здания ТюЗа, реконструированного по проекту архитектора В.М. Тейтеля в 1944 г. на основе Дома Ленина. В соответствии с новым назначением последнее сооружение сменило образную символику, ему был придан своего рода «ампирный» характер, оно приобрело необходимую художественную целостность (выше упоминались критические оценки А.И. Гегелло), хотя, как считает С.Н. Баландин, «утратило временную выразительность и образ здания-памятника»¹²⁹. Что же касается здания театра, то любопытно, что в своем докладе А.И. Гегелло, заявив, что оно должно играть первенствующую роль, поскольку видно из разных точек города, отметил, что его силуэт во многих точках зрения воспринимается невыгодно,

---

¹²⁷ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. Новосибирск, 1978. С.122.

¹²⁸ Там же. С. 125.

¹²⁹ Там же. С. 126.

производит впечатление, что здание село в землю, обработка фасада «чрезмерно грузна, грубовата»¹³⁰. Однако суждения местных профессионалов, как уже указывалось, были иными: «Это величественное здание – гордость Новосибирска, призвано в дальнейшем композиционно подчинить себе весь архитектурный ансамбль площади. Внешний облик театра – расположенного главным фасадом на площадь им. Сталина и как бы замыкающего проспект Сталина – отличается строгостью и простотой»¹³¹.

Новыми признаками культурного ландшафта сибирского города военных лет становятся элементы агитационно-пропагандистской направленности. Идеологическая составляющая городской среды была представлена многочисленными плакатами, лозунгами, «Окнами ТАСС», которые размещались на площадях и наиболее видных местах, рупорами репродукторов. Вносились изменения в интерьеры большинства общественных зданий. В здании вокзала, например, был установлен бюст Сталина, а стены были украшены панно и мозаикой на темы Великой Отечественной войны, было принято решение об установке рельефных портретов знатных машинистов Томской железной дороги Лунина и Шолкина и героев-сибиряков¹³². Апофеозом стала установка на площади имени Сталина бронзового бюста дважды Героя Советского Союза (впоследствии – трижды Героя) летчика А.И. Покрышкина. Автором скульптуры стал известный московский скульптор, представитель «официального» направления в советском искусстве М. Манизер.

Такова была реальная «столица Сибири» в военные годы, таковым город воспринимало местное население, видевшее все вышеназванные процессы как бы «изнутри». Вновь прибывавшая сюда публика обращала внимание, в первую очередь, на внешние признаки своеобразия города, связанные, в основном, с природно-климатическими условиями, либо, наоборот, формировала для себя образ города через некие его доминанты. Интересно сравнить воспоминания актрисы Ленинградского Академического театра им. Пушкина Н. Черкасовой и прибывшего с фронта недавнего ленинградца Б. Рясенцева,

---

¹³⁰ ГАНО. Ф.2102. Оп. 1. Д.60. Л.2об.–3.

¹³¹ Там же. Д. 50. Л. 10.

¹³² ГАНО. Ф.1743. Оп.1. Д.7. Л.2.

ставшего долгожителем Новосибирска. В книге «Рядом с Черкасовым» актриса пишет: «Зимой было очень холодно: температура опускалась до 40 градусов. Театр находился примерно в двух с половиной километрах от дома. Транспорта, конечно, не было, и часто приходилось преодолевать этот путь четыре раза в день. Ветер буквально валил с ног, однажды у дома, стоящего напротив, снесло крышу. Мы покупали на рынке мороженое молоко на килограммы и промерзали до позвоночника»¹³³. Борис Рясенцев по военной привычке по прибытии в город пытался «запомнить ориентиры» и отмечал стенды со свежими газетами, огромное здание строящегося театра оперы и балета, «увенчанное не гладким, как обычно, а ребристым или, пожалуй, чешуйчатым черным куполом», но особое внимание привлекла афишная тумба – «Ленинградский Академический театр им. Пушкина. В помещении театра «Красный факел». «Суворов», «Фландрия», «Петр Крымов», «Накануне». Ленинградская Академическая филармония. В помещении клуба им. Сталина. Шостакович. Седьмая симфония. Вступительное слово – И.И. Соллертинский. И еще анонс: «Скоро открывает сезон Ленинградский Новый ТЮЗ». И все они не на гастролях. Столица Сибири стала их стационарной «творческой площадкой». И, завершает автор: «Образно говоря, в те годы Нева вливалась в Обь» и приводит слова секретаря Новосибирского горисполкома А.Т. Маликова: «Наш город стал вроде бы... сибирскими Афинами античных времен»¹³⁴.

Для Барнаула военных лет характерны те же социокультурные и градостроительные перемены, но проявлявшиеся не столь заметно и выразительно. Крупные строительные проекты были приостановлены, специалисты решали, по преимуществу, прикладные задачи, хотя и в этом городе оказались серьезные кадры архитекторов, включая главного архитектора города Н.А. Быкову, представительницу московской архитектурной школы, получившую в 1939 г. на Парижской выставке «Гран-при» за проектирование станций московского метрополитена. В Барнауле находились также немалые художественные силы – Московский Камерный театр под руководством А.Я. Таирова,

---

¹³³ Черкасова Н. Рядом с Черкасовым. Л., 1978. С.66.

¹³⁴ Рясенцев Б. Первый вечер и тридцать лет // Сибирские огни. 1976. №9. С.137,143.

Днепропетровский драматический театр (правда, Краевой драмтеатр припшось перевести в Бийск), художники из столичных центров, архивисты, музейные работники. Многие из них оставили воспоминания, в которых зафиксированы непривычный холод, бытовые трудности («жуткий холод и промозглая сырость»), теснота и скученность расселения, постоянное чувство голода, болезни). Наиболее интересны их впечатления о самом городе, о его доминантах и символах, весьма иногда отличные от сухих описаний специалистов. Актриса Камерного театра А.Г. Коонен в своих записках замечает, что Барнаул «во многом сохранял еще черты старого русского города. На отдаленных улицах под ногами скрипели дощатые тротуары, в городском саду красовалась традиционная деревянная «раковина» для оркестра, по тихим улочкам летними вечерами прогуливались в обнимку девушки с длинными косами, поверяя друг другу свои девичьи секреты, Достопримечательностью города был большой парк. При входе в парк посетителей встречал медвежонок, привязанный цепью к большому столбу». Но вслед за этими первыми впечатлениями идет признание, что больше всего в памяти запечатлелся как символ города «на краю площади огромный черный рупор громкоговорителя, врезающийся чуть ли не в самое небо», передающий последние вести с фронта и военные песни»¹³⁵. Близки по избирательности восприятия воспоминания московского художника С.А. Лучишкина, возглавлявшего в годы войны отделение Союза художников: «Барнаул в ту пору – городок почти сплошь деревянный, как большая деревня с палисадниками, пыльными улочками, имел, однако, благоустроенный театр, музей и даже «небоскреб», как местные жители называли единственный четырехэтажный каменный дом»¹³⁶.

Военный Омск стал крупным тыловым центром с мощным военно-экономическим потенциалом. Из 110 предприятий, прибывших в Омскую область, 80 были размещены в городе. В их числе были авиационный (в его работе принимали участие конструкторы А.Н. Туполев и С.П. Королев), радио- и электромеханические заводы, предприятия

---

¹³⁵ Коонен А. Страницы жизни. М., 2003. С. 513,521,

¹³⁶ Лучишкин С.А. Я очень люблю жизнь. Страницы воспоминаний. М., 1988. С. 165.

легкой промышленности. В городе осуществлялось интенсивное строительство: были построены шинный завод, кордная фабрика, кислородный и сажевый заводы, чугунолитейные цехи в паровозном депо, обувные и швейные фабрики, в 1943 г. вступила в строй ТЭЦ-2. На огромном заросшем пустыре на восточной окраине города вырос новый индустриальный район – Молотовский (позже Октябрьский). Заводы размещались не только на окраинах, но и в самом центре города, для чего строились подъездные пути. Заводские здания, трубы и другие производственные объекты стали определять лицо города, жилые поселки размещались вокруг предприятной. Шли работы по благоустройству города – вместо однопутных трамвайных линий в нескольких направлениях в центре города с 1942 г. начали прокладывать вторые пути; в июне 1943 г. открылся для посетителей центральный городской сад и на эстрадной площадке содружеством всех артистических сил города (в том числе и московских артистов) была исполнена впервые оратория «Сибирь боевая»¹³⁷. Большой пустырь в центре города, являвшийся источником пыли и лишь изредко использовавшийся для городских митингов, был освоен под строительство большого сквера (впоследствии сквер им. Дзержинского)¹³⁸. Над этим работала большая группа архитекторов, в том числе из Москвы и Ленинграда (омское отделение Союза советских архитекторов в 1944 г. насчитывало вместе с приезжими 71 специалиста, причем из них омичами были только пять)¹³⁹.

Однако прибывавшие в Омск люди замечали, как и в уже описанных выше случае все-таки в первую очередь другое. Историк Е.В. Гутнова увидела Омск как «Степной город», с одноэтажными домиками с рано закрывающимися ставнями, которые выглядели как крепости: «Город был мало где замощен – только две-три центральных улицы. В сухую погоду над остальным пространством парила пыль, взметаемая постоянными ветрами. Если же проливался дождь, даже самый небольшой, то проезжая часть покрывалась жирной черноземной грязью, липшей пудами к обуви и превращавшей хождение по

---

¹³⁷ Омская правда, 1943, 2 июня.

¹³⁸ ГАОО. Ф. 1212. Оп. 1. Д.66. Л.4.

¹³⁹ Текущий архив Омского отделения Союза архитекторов России. Личная папка Д.С. Бутырина.

домам в каторгу». Субъективное ощущение Гутновой от города было не совсем благоприятным: «... город казался неухоженным, неприветливым, точно ошестившимся против врагов и пришельцев... Омичи, как правило, были люди холодные и неласковые, с речью по преимуществу грубоватой»¹⁴⁰.

Разный город запомнился и москвичам – артистам театра им. Вахтангова. И тот, в котором жили приметы старого Омска, – деревянные тротуарчики, экзотически одетые казахи, верблюды. И другой Омск – с бараками, растаскиваемыми на дрова тротуарами, выставленными в окна трубами железных печурок, с жуткой «толкучкой», где обменивались последние вещи на продукты. Но ощущения теплоты и приветливости, прежде всего, со стороны коллег-артистов, дружеское участие и готовность помочь в решении бытовых вопросов сблизили москвичей и жителей Омска настолько, что в обиходе появилось слово «Омсква», а впоследствии эти теплые взаимоотношения укрепились взаимными гастролями, фиксированием событий военных лет памятными досками, личными контактами.

Певец же и летописец Омска поэт Л. Мартынов в холодном ноябре 1942 г. писал об Омске как городе «постепенно сбрасывающем со своих крепнущих плеч обветшавшее рубище изб, саманное рубище землянок и хижин». Он верил, что Омск грядущей победы будет «волшебным северным городом-садом, стоящим на скрещении Великого Трансевразийского железнодорожного пути с великим водным путем от Китая к берегам Ледовитого и Атлантического океанов!»¹⁴¹.

Законы памяти сложны и противоречивы. Та же Е.В. Гутнова, столь нелицеприятно отозвавшаяся об Омске в книге, изданной в 2001 г., с совершенно иными чувствами вспоминает военный Томск: «Томск того времени представлял собой приятный, небольшой уютный городок с богатыми культурными традициями, и жить в нем, при всех трудностях было приятнее, чем в Омске: две-три настоящих асфальтированных улицы с большими каменными домами, торговыми помещениями и амбарами, красиво застроенный в полуампирном стиле университетский уголок с большим зданием университета в обширном

---

¹⁴⁰ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 203–204.

¹⁴¹ Омская правда, 1942, 7 ноября.

парке и дополняемый прекрасным зданием университетской библиотеки. Большинство улиц были с деревянными тротуарами и одно- двухэтажными домами, но часто очень красивыми, украшенными причудливой деревянной резьбой. Обилие зелени, скверов, парков, лужаек, придомовых садиков (весной город утопал в сирени и черемухе) делало прогулки по его улицам очень приятным, в отличие от пыльного и грязного Омска. Да и жители были много приятнее, мягче, приветливее. Сказывалось длительное существование Томска как культурного центра..»¹⁴². А при этом Томск принял несколько оборонных заводов, разместив их на территории военного городка на северной окраине, на пустыре близ железнодорожной станции Томск-1, в зданиях университета и медицинского института, политехникума, Дома науки им. Макушина. Бывший университетский и вузовский центр региона стал еще и современным промышленным городом, с активной культурной жизнью: 1-й Белорусский национальный театр, Украинский театр им. Шевченко, художники – участники выставок и создатели «Окон ТАСС», наполнили традиционную культурную среду города новыми элементами.

Таким образом, реальные и символические образы крупных сибирских городов весьма отличаются, но дополняют друг друга, придавая им необходимую объемность и фиксируя не только объективную картину жизни города предвоенных и военных лет, но и отношение к нему, дают представление и о его людях.

---

¹⁴² Гутнова Е.В. Пережитое... С. 214.

2.4. Признаки культуры сталинской эпохи и их региональная специфика (1940-е – первая половина 1950-х гг.)

Уже с середины 1990-х гг. представители различных областей знания, в том числе гуманитарных наук, начали использовать (как было подчеркнута выше, в большинстве случаев независимо друг от друга) термины «место», «культурное пространство», «культурный ландшафт». Применительно к задачам этого параграфа второй части книги напомним еще раз об оригинальном подходе В.Л. Каганского, разработанном в рамках теоретической географии. Речь должна идти, по его мнению, о «географическом пространствоведении» – активном «чтении» ландшафта, ориентированном на концептуальное освоение его разнообразия) и содержащем среди прочего концепцию ландшафта советского пространства¹⁴³.

Кратко определяя ландшафт как живую среду мест, пронизанных смыслом живущих в них людей, автор предлагает видеть в советском пространстве воплощенную в материале вещей, знаков, людей и пространства **схему, не территорию СССР, а качественно и структурно особый тип пространства и состояния культурного ландшафта** (Выделено мною – В.Р.). В.Л. Каганский исходит из существования семи основных культурных практик-подходов к постижению культурного ландшафта¹⁴⁴. В ряде из них он находит близость к семиотике, к интерпретациям всего как текста, что дает основания показать концептуальные образы ландшафта, взращенные в конкретных местах. Подходом, ориентированным на многоаспектное и полимасштабное включение в ландшафт, для автора является «геоморфизм – познавательно ориентированная рефлексия бытия ландшафта», реализуемый с помощью «путешествования»¹⁴⁵. Поэтому в основе оценочных суждений и концептуальных построений автора лежат его наблюдения и впечатления от посещения многих городов России. Подобная методика своеобразных натуральных «обследований» близка наследию культурологической школы 1920-х гг. и может

---

¹⁴³ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство... С.135–154.

¹⁴⁴ Там же. С.44–59.

¹⁴⁵ Там же. С.47.

эффективно использоваться при рассмотрении вопроса о трансформациях знаковых символов городского культурного пространства советской эпохи, их современного положения и смысла. Причем ее следует внедрять активнее, поскольку подавляющая часть сооружений советской эпохи не воспринимается даже специалистами в качестве памятников истории и культуры. В условиях аренды и продажи муниципальной собственности это приведет к полному исчезновению советского пласта культурно-цивилизационного ландшафта в современных городах.

Совместно с В.Ш. Назимовой автору уже приходилось отмечать, что совсем недавно помимо рассмотренных выше теоретико-методологических работ общего характера появились публикации, относящиеся к теории и истории культурного пространства отдельных нестоличных городов Европейской России. Среди такого рода изданий явно выделяется упоминавшийся выше сборник научных статей, изданный Поволжской академией государственной службы (Саратов) и представляющий результаты нескольких научных проектов¹⁴⁶. Из материалов сборника можно сделать вывод, что современные исследования в Саратове отличаются преимущественно ориентацией на научно-практический анализ пространства. Здесь действует Комиссия по пространственному развитию Поволжского Федерального округа, в рамках работы которой была организована специальная конференция «Проблема пространственной организации крупнейших и крупных городов». Другой круг вопросов, в разработке которых принимают участие философы и социологи, относится к теме «Мифы и символы региональной идентичности», обсуждавшейся в апреле 2001 г. Один из научных проектов сотрудников Поволжской академии государственной службы непосредственно ориентирован на анализ культурного пространства Саратова как отражение социокультурных процессов в истории России.

Вновь подчеркнем очевидность приоритетов историко-культурной, культурологической и философской проблематики для осознания региональной идентичности и самосознания. Современные исследователи соединяют также эту актуальную проблематику либо с изучением

---

¹⁴⁶ См.: Пространственность развития и метафизика Саратова ...

локальных «текстов», в качестве которых выступают отдельные города (В.В. Абашев¹⁴⁷), а также пространство крупных регионов (И.Я. Мурзина¹⁴⁸), либо с анализом культуры советской повседневности провинциальных городов (А.А. Сальникова, С.Ю. Малышева¹⁴⁹). Еще одно направление в новейших исследовательских подходах следует учитывать в нашем проекте. Это внимание к советскому искусству одновременно с позиций культурно–исторической антропологии и в контексте повседневной жизни советского человека (Т.А. Круглова¹⁵⁰), повседневных форм художественной жизни в провинциальном советском городе, когда предлагается взгляд на саму советскую культуру как на особый тип повседневности художественной жизни (Г.А. Янковская¹⁵¹). Осмысление новизны перечисленных исследовательских практик, носящих междисциплинарный характер и большую или меньшую степень близости к разработанной нами историко-культурологической модели¹⁵², убеждает, что советская культура сталинской эпохи является органической частью и сложным субкультурным слоем культуры России (ядра культуры СССР) и культуры XX века в целом. Ее влияние на формирование поколений советских людей, их духовных ценностей еще не изучено,

---

¹⁴⁷ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. ...

¹⁴⁸ Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003; Она же. Региональная культура как предмет философско-культурологического исследования // Известия УрГУ. Серия: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15.2004. С.86–96.

¹⁴⁹ Сальникова А.А. От казанских слобод к Казани социалистической: смена семантико-семиотического кода //Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2002. С. 111 –118; Малышева С.Ю. Советский провинциальный город: время отдыха (досуг жителей Казани в довоенное время) // Там же. С. 119–130.

¹⁵⁰ Круглова Т.А. Культурно-антропологический подход к анализу советского искусства // Известия УрГУ. Серия: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 15. 2004. С.75–86.

¹⁵¹ Янковская Г.А. Повседневность художественной жизни провинциального города в годы сталинизма // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. Казань, 2002. С.226–237.

¹⁵² Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург-Омск, 2003.

в том числе не выявлена степень влияния на закрепление официальных установок советской культуры вещественных координат городского пространства, в котором протекала повседневная жизнь человека того времени.

Следует прислушаться к мнению В.В. Абашева относительно того, что «осваивая место, избранное для жизни, человек не только преобразует его утилитарно. Исходя из духа и норм своего языка и культуры, он организует новое место символически и тем самым, вырывая его из доселе немого ландшафта, приобщает к порядку культуры. ... Культура идеально переустраивает физическое пространство, сообщает ему структуру и смысл. В результате рождается новая реальность места»¹⁵³. Следовательно, общие действия власти и интеллигенции (архитекторов, градостроителей, скульпторов), независимо от несовпадения конкретных мотивов и пелей, формировали пространство реальной повседневной жизни. В нем особо значимыми становились отдельные координаты культурно-цивилизационного ландшафта советской эпохи (парки культуры и отдыха, клубы и дворцы культуры, мемориальные сооружения, связанные с ритуалом советских праздников). Послевоенные годы в этом процессе обладали изначально заданными высшими для советских людей ценностями – ценностью Победы в тяжелейшей войне и ценностью возвращения к мирной человеческой жизни. Восприятие нового строительства в городах, проектов всесоюзного масштаба (высотные здания Москвы) и их образцового значения для пространства нестоличных городов, сооружения памятников героям Великой Отечественной войны, закладки мемориальных комплексов, несомненно, задавалось этими главными ценностями, а уже затем корректировалось на личностном уровне. Поэтому, признавая правомерными суждения Г.А. Янковской о дистанцировании художников от чаемого соцреалистического идеала, о незначительности влияния идеологических доктрин на простого советского человека, заметим, что, вряд ли можно принять другое утверждение исследовательницы по поводу значения личного опыта художников. По словам Янковской, «их личный опыт оказался сильнее

---

¹⁵³ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. ...С.5.

идеологических догм и реалий советской действительности»¹⁵⁴. Следует иметь в виду, что жили деятели культуры в том же менявшемся культурном пространстве городов, которое их же творчеством наполнялось символическими координатами с разными смыслами.

На перспективу более продуктивно, на наш взгляд, предложение А.А. Сальниковой учитывать горизонтальную и вертикальную организацию городского пространства, соответствующую складывавшейся структуре советского общества, а также лингвистическое освоение городского локуса, включавшее принципиальные изменения в топонимике¹⁵⁵. В этом направлении предстоит немалая работа, в том числе по сбору «устной» истории – воспоминаний, закрепивших народные названия тех или иных фрагментов городского ландшафта советской эпохи, включая все ее периоды. К примеру, в Омске в районе бывшей второй крепости и восстановленных Тарских ворот имеется жилой особняк постройки первой половины 1950-х гг., где обитали представители высшей областной и партийной номенклатуры. В народной молве его до сих пор называют «дом Манякина», по имени бывшего первого секретаря Омского обкома КПСС С.И. Манякина.

Исходя из учета отмеченных особенностей современной исследовательской ситуации, строилась наша работа над проектом историко-культурологического изучения культурного пространства городов советской эпохи (1920-х – 1950-х гг.). Что же касается данного параграфа второй части книги, то его основной задачей является обобщение информации, вкрапленной в отраслевые региональные исследования, в краеведческие публикации, и вновь выявленной в местных архивохранилищах (ГАНУ и ГАОО). Нас будут интересовать два параметра/критерия, передающие сочетание унифицированных признаков и своеобразие их преломления в послевоенном культурном ландшафте крупных центров региона. Один из параметров – это зеленое строительство как особая примета советской культуры, упрочившейся в 1940-х – 1950-х гг. В качестве второго критерия берется проектная деятельность специалистов по разработке и реализации новых архитектурно-градостроительных доминант городского пространства.

---

¹⁵⁴ Янковская Г.А. Повседневность художественной жизни провинциального города в годы сталинизма... С. 237.

¹⁵⁵ Сальникова А.А. От казанских слобод к Казани социалистической ... С. 118.

Территориальный охват по-прежнему ограничивается преимущественно крупными городами Западной Сибири в указанный период. Для воссоздания общероссийского контекста используются издания, ставшие библиографической редкостью (они подготовлены в конце 1930-х – первой половине 1950-х гг. Академией Архитектуры СССР). Отдельного упоминания заслуживает информация из журнала «Архитектура и строительство», выходившего с 1946 по 1950 гг. и являвшегося органом Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. Представление о региональной и локальной ситуации дают статьи сибирских архитекторов А.Д. Крячкова и Е.А. Ащепкова, опубликованные в 1950–1952 гг.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к осмыслению собранной информации, касающейся избранного региона, следует обратить внимание на еще одну примечательную черту современной историографической ситуации. Авторы целого ряда современных публикаций, посвященных советской эпохе и ее культуре фиксируют ее общие (официальные) черты для демонстрации и подтверждения тезиса о тотальности воздействия Центра на все стороны жизни страны. Таким образом, возникает впечатление о полной унификации культурных процессов, об отсутствии локальной специфики «Культуры Места» и, соответственно, о невозможности продуктивных исследований по локальной и региональной истории, посвященных выявлению своеобразия культуры отдельных регионов, городов и прочих локусов в советский период.

Как представляется, применение историко-культурологической модели может внести существенные коррективы в подобную прямолинейную трактовку, а также будет способствовать выяснению деталей продвижения на периферию «столичных» (московских) образцов и символов сталинской эпохи. Такое исследование необходимо и для дополнения имеющейся истории советской интеллигенции за счет анализа деятельности такого ее подотряда как архитекторы и инженеры-градостроители, ранее интересовавшей только отраслевых специалистов в области градостроительства и архитектуры. Важность последнего обстоятельства повышается в связи с тем, что архитектуре и градостроительству «сверху» была предопределена особая роль

в формировании человека «новой эпохи». В новейших концепциях «соц-реалистического канона» как историко-культурного феномена этому обстоятельству уделяется самое пристальное внимание в связи с таким признаком тоталитарной эстетики как монументализм и с приматом архитектуры в государственном синтезе искусств: «Ни одно искусство не способно так выразить мощь и величие, так подавлять все индивидуальное, как монументальная архитектура»¹⁵⁶.

Вернемся к исследованию Ю.Л. Косенковой. Поскольку основная цель этой примечательной книги – показ представлений о городе будущего, городе после Победы, реальное культурное пространство советского города, удаленного от столицы, остается за ее рамками. Однако при этом автор стремится показать градостроительство послевоенного времени как драму «постоянного балансирования между результатом желаемым, в равной мере порожденным как общественным идеалом эпохи, так и официальной идеологией, и результатом действительным, скорректированным, часто до прямой противоположности, реальной жизнью»¹⁵⁷, что следует учитывать и при историко-культурологическом анализе. Столь же полезны для изучения культурного пространства сибирского города некоторые общие выводы Ю.Л. Косенковой. Например, фиксация того, что в послевоенные годы происходит поворот от сложившейся в градостроительстве 1930-х гг. модели человека, обладавшего безграничными идейнодуховными потребностями и лишённого какого-либо прагматизма, к ценностям индивидуальной человеческой жизни, ее общения с природой, к самой возможности наслаждения безмятежностью бытия¹⁵⁸. Одновременно она отмечает, что это не означало обращения к нуждам реальных людей 1940-х гг. Поэтому проекты восстановления и развития советских городов она называет «мечтами о грядущем счастье». Тем более, что внешние факторы в виде ужесточения идеологического

---

¹⁵⁶ Гюнтер Ханс. Тоталитарное государство как синтез искусств // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. Спб.: Академический проект, 2000. С. 11.

¹⁵⁷ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. С.7.

¹⁵⁸ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. С.79.

воздействия в 1947–1948 гг. на архитекторов и градостроителей привели к очередной смене градостроительного идеала, к постепенной утрате, как и во второй половине 1930-х гг., соотнесенности масштабов «города-ансамбля» с человеком.

Выделенная Косенковой особенность послевоенного градостроительства в виде замены задачи преобразования городов проектированием доминантных зданий-символов представляется чрезвычайно ценным наблюдением для методики историко-культурологического анализа городского пространства. То же относится к оценке ею подходов к концепциям новых генпланов как ориентированных в значительной мере на ритуальность поведения людей в городе. Это наиболее наглядно прослеживается как раз в особо символической роли садово-парковых элементов городской застройки, складывающейся, начиная со второй половины 1930-х гг. Отдельное значение имеют приведенные в книге Ю.Л. Косенковой приложения, содержащие документы из Российского государственного архива экономики РФ (РГАЭ), в том числе и информацию по западносибирскому региону.

Региональные отраслевые и краеведческие публикации примечательны для заявленной темы преимущественно в качестве источников информации, поиск которой для историка затруднен ведомственными интересами. Так, например, документы о деятельности такой проектировочной организации как «Омскгражданпроект» за 1937–1962 гг., отложившиеся в Государственном архиве Омской области (Ф. 1104. Оп.2), представляют в основном краткие пояснительные записки к тем или иным проектам надстройки зданий, перепланировки и реконструкции отдельных участков улиц, проектов скверов и т.д., выполненные в виде чертежей на кальке. Плохая сохранность затрудняет работу исследователя. Что же касается сведений персонального характера, как и материалов обсуждений конкретных проектов, то они находятся на ведомственном хранении в организации «Омскгражданпроект».

В отличие от Государственного архива Новосибирской области в ГАОО нет отдельного фонда омского отделения Союза советских архитекторов. Практически отсутствуют среди официальных документов фотографии и изображения проектировавшихся памятников и зданий-символов, зато они воспроизведены в специальной

литературе. Поэтому использование сибирских исследований по истории градостроительства и формирования центров крупных городов Сибири в целом и по отдельным городам (главным образом трудов Б.И. Оглы и С.Н. Баландина) представляется необходимым и вполне оправданным. Следует также подчеркнуть, что поскольку у авторов были свои задачи, то в этих публикациях не выделялись специфические черты советского города и/или сибирского города в советскую эпоху, а деятельность соответствующих специалистов рассматривалась как вполне достаточная для придания прогрессивного импульса развитию той или иной части городского пространства и городу в целом.

Необходимо напомнить, что еще с середины 1930-х гг. нарастает третья волна значительных изменений в культурно-цивилизационном ландшафте городов СССР, связанная с утверждением «Большого стиля» новой эпохи, с внедрением в культурное пространство городов обязательных символов, материализовавшихся – образ «счастливой и веселой жизни».

Одним из таких символов становится «зеленое строительство». Руководящая установка в этом направлении и истолкование содержания «зеленого строительства» прозвучали на пленуме Моссовета 16 июля 1936 г. Главный идеолог социалистической реконструкции Москвы и других городов СССР Л.М. Каганович указывал в своем выступлении со ссылкой на авторитетное мнение И.В. Сталина: «Тов. Сталин направляет наше внимание на зеленое строительство, причем под зеленым строительством понимает не мелкие газончики, которыми иногда увлекаются наши работники, а крупные парковые массивы, которые мы должны всемерно развивать в Москве и ее ближайших окрестностях. Нужно создавать лесные парковые массивы и широкие бульвары»¹⁵⁹. Затем эта цитата воспроизводилась в качестве одного из обязательных эпиграфов к специальным тематическим сборникам научных трудов Всесоюзной Академии Архитектуры.

---

¹⁵⁹ См.: Проблемы садово-парковой архитектуры. Сборник статей / Под общей ред. Комиссии в составе: М.П. Коржева (преде.), Л.Б. Лунц, А.Я. Карра и М.И. Прохоровой. М., 1936. С.5.

Темпы и географический размах реализации рекомендованного зеленого строительства видны и по официальной информации. Так, например, в календаре-справочнике на 1940 г. «Страна социализма» сообщалось, что «в СССР за десять лет организовано свыше 600 парков культуры и отдыха»¹⁶⁰. Несмотря на несовпадения приводившихся в разных изданиях количественных показателей и начавшую формироваться «лукавую» советскую статистику, парковое строительство уже в предвоенные годы широко внедрялось в крупных городах страны, переживавшей социалистическую реконструкцию всех сфер. Советский парк в то время рассматривался как важный элемент, упорядочивающий в условиях социалистической культуры обслуживание нового контингента посетителей с новой идеологией, иными, чем до революции вкусами и стремлениями; а его строительство к концу 1930-х гг. отвергало всякую случайность и организовывало территорию в единый архитектурный ансамбль, образцом которого служили Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького и планировка Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве¹⁶¹. В соответствии с оценкой советской культуры и искусства, данной И.В. Сталиным на XVIII съезде ВКП(б), наряду с социалистическими (унифицированными) признаками новый еще только складывающийся стиль советского парка должен был учитывать различие природных и национальных особенностей «каждого района, округа, республики, где создается парк»¹⁶².

Одним из первых подобных парков нового типа в Омске, как это указано в обзоре состояния и истории зеленого строительства, подготовленном в конце 1950-х гг. Шкуловым, в 1932 г. на базе сада кафедрального собора был построен Сад пионеров¹⁶³. Интересно, что среди иллюстраций в упоминавшейся выше книге Коржева и Прохоровой среди лучших образцов садово-парковой скульптуры была приведена фотография одной из скульптур в омском Парке пионеров и

---

¹⁶⁰ Страна социализма. Календарь на 1940 г. ... С.597.

¹⁶¹ См.: Коржев М.П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР. М., 1940. С. 4–7, 12; Страна социализма. Календарь на 1940 г. С. 597–598.

¹⁶² Коржев М.П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР... С. 8–9.

¹⁶³ ГАОО. Ф. 1212. Оп. 1. Д.66. Л. 3.

школьников – скульптура «Игра в мяч»¹⁶⁴. (См. в третьей части илл. №25). Кроме того, в основном тексте этого центрального научно-практического издания среди примеров удачного включения в границы Парка культуры и отдыха «новых исторических памятников нашей революции» отмечен новосибирский комплекс «памятников погибшим в борьбе с Колчаком в сквере и парке у Дома Ленина»¹⁶⁵. Фотография 1930-х гг. позволяет увидеть упорядоченное пространство сквера с клумбами и декоративным кустарником вокруг центрального монумента комплекса и небольшую парковую зону с летней эстрадой¹⁶⁶. По всей видимости, это один из результатов освоения рекомендаций секции планировки городов Союза советских архитекторов, обобщенных в сборнике 1936 г., где в частности, критиковалось подражание в устройстве «цветочной» живописи по примеру московского Центрального парка (портреты вождей мирового пролетариата и великих людей нашей страны)¹⁶⁷. На указанной фотографии видно, что цветочные посадки на покрытии из ковровых растений имеют строгие ромбовидные формы и чередование светлых и темных цветов (См. в третьей части илл. № 3)

Справочник о Новосибирске (1935 г.) в характеристике имеющихся в городе зеленых насаждений умалчивает о Парках культуры и отдыха. Среди созданных скверов в нем были названы: «Первомайский, у здания «ТЮЗ», у центральной гостиницы, у госбанка, у городского театра, у Дворца труда, у клуба им. Дзержинского, в начале Советской ул. <... > Распланированы и подготовлены к закладке скверы по бывшему Михайловскому логу и по улице Мичурина»¹⁶⁸. Там же подчеркивалось, что в некоторых скверах расположены памятники (Ленину у Дворца труда, памятник жертвам революции и вождю сибирских партизан Щетинкину около театра «ТЮЗ»), а в других – фонтаны (в Первомайском сквере фонтан работы архитектора-художника Тейтеля – см. в третьей части книги илл. №29).

---

¹⁶⁴ См: Коржев М.П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР... Илл. №104.

¹⁶⁵ Там же. С. 16.

¹⁶⁶ См.: Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков: Альбом / Сост. Е.А. Кузнецова. С. 106.

¹⁶⁷ Проблемы садово-парковой архитектуры... С. 272–273.

¹⁶⁸ Новосибирск. Справочник по городу и району. Новосибирск, 1935. С.3 67.

В справочнике упоминались и мелкие фонтаны в садах, указывались природные зеленые массивы, сохраненные в черте города (сосновые боры и рощи, березовые рощи). В качестве основы будущего парка культуры и отдыха был назван Ельцовский парк («летом в выходные дни – одно из излюбленных мест отдыха новосибирцев»); всего в разделе «сады, скверы, бульвары, парки» охарактеризовано 18 объектов¹⁶⁹. Судя по фотографии из частного архива, помещенной заслуженным архитектором РФ В.М. Пивкиным в книге очерков об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтеле и К.Е. Осипове, Заельцовский парк был открыт уже в конце 1930-х гг.¹⁷⁰ Это подтверждается информацией из архивных документов. Так, в Заключении Президиума Западно-Сибирского Краевого Исполнительного Комитета по генеральному проекту планировки Новосибирска, разработанного в Центре, среди замечаний «в отношении зеленых насаждений» имеется отдельный пункт, относящийся к территории «Ельцовского парка культуры и отдыха»¹⁷¹. Эти замечания очень показательны, так как демонстрируют корректировку функций городского парка в советском городе, а также представлений о них у региональной власти, соединяющихся с вопросами обеспечения наименьших затрат на городское благоустройство. Протицируем документ: «В северной части Ельцовского парка культуры и отдыха в общем комплексе мероприятий и сооружений парка разместить также городские учреждения ОСОавиахима (так именовались общественные организации, входящие в Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства – ОСОАВИАХИМ СССР, и существовавшие с 1927 по 1948 гг.) не занимающие больших площадей и не требующие никаких ограждений, изолирующих территорию ОСО от всего парка». Предложения, связанные с отведением территорий для лагерей и аэродромов Обществ содействия Обороне – характерный штрих образа реального городского предвоенного ландшафта. Помимо этого указывалось на необходимость «дополнить схему внутригородских зеленых

---

¹⁶⁹ Новосибирск. Справочник по городу... С. 289–291.

¹⁷⁰ Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах Т.Я. Бардте, В.М. Тейтеле и К.Е. Осипове. Новосибирск, 2001 (нумерованные листы-вклейки с фотографиями между С. 64–65).

¹⁷¹ ГАНО. Ф.12. Оп. 3. Д.903. Л.2.

насаждений парками, скверами, бульварами, намеченными городской планировочной комиссией»¹⁷².

Из описаний садов, приведенных в справочнике Новосибирска (1935 г.), примечательны те сады, которые, казалось бы, уже должны действовать как советские парки, обслуживая «новый контингент посетителей». Сад имени Сталина, например, площадью в 8 га, к территории которого отнесена сохраненная березовая роща, находящийся в ведении Управления театрално-зрелищными предприятиями, имел летнюю сцену, площадку для ганцев, читальню, ресторан, буфет, ряд киосков, различные аттракционы, открытое кино, цветники, фонтан, душ; сообщалось, что в летнее время в нем устраиваются гуляния. (Примерно тот же набор инфраструктуры обслуживания советских трудящихся, включая цветники и фонтан, имелся в садах «Свобода» и «Сосновка»).

Любопытно сравнить этот «провинциальный» (и одновременно для Сибири «столичный») вариант сада, названного именем вождя, с предвоенным состоянием московского Измайловского парка имени Сталина. Московский парк начал функционировать в 1931 г., но к 1936 г. он не отличался четкой планировкой; немногие выстроенные парковые сооружения не представляли архитектурной ценности и рассматривались как временные, поскольку шла подготовка проекта монументальной планировки парка¹⁷³. М.П. Коржев и М.И. Прохорова, которые выполняли упомянутый проект, в своей книге 1940 г. об архитектуре парков в СССР подтверждали, что парк имени Сталина, являющийся лучшим зеленым массивом Москвы, имеет еще много временных построек, но в будущем будет решен как громадный прогулочный парк, сохраняющий свой естественный облик¹⁷⁴.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, сад имени Сталина в Новосибирске был устроен на месте закрытого в конце 1920-х гг. городского кладбища. (Подобная практика типична для крупных городов, но из-за ее совпадения в годы социалистического строительства с аширелигиозной деятельностью советского государства советский вариант трактуется в части современных публикаций исключительно в

---

¹⁷² ГАНО. Ф. 12. Оп.3. Д.903. Л.3.

¹⁷³ Карра А.Я., Лунц Л.Б. Проблемы садово-парковой архитектуры ... С.60–63.

¹⁷⁴ Коржев М.П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР... С.13.

политизированных оценках). В 1944 г. на базе именно этого сада, а не упоминавшегося Заельцовского Парка культуры и отдыха был организован городской Центральный парк культуры и отдыха.

Приведенные описания садово-паркового «ассортимента по обслуживанию» нового советского человека (в данном случае, жителя сибирского «столичного» центра) подтверждают вывод, что реалии городского ландшафта в 1930-е гг. лишь частично встраивались в желаемую идеологическую схему. Посещение общественных садов и парков продолжало сохранять традиции просветительно-развлекательных форм проведения досуга, преимущественно летнего, сложившиеся еще в начале XX века в русле развития городских форм массовой культуры.

На это обращает внимание и А.А. Сальникова применительно к казанской ситуации. Она добавляет, что на ежедневных танцах в Ленинском саду-парке в предвоенные годы танцевали даже «уродливые порождения буржуазной культуры Запада» – танго, фокстрот, бостон, чарльстон¹⁷⁵. Весьма интересен и показателен для фиксации признаков разных субкультур и направленности трансформаций в культурном пространстве западносибирских городов в предвоенные и послевоенные годы тюменский материал о городском «Дунькином саде» на берегу реки Туры. Он приведен в книге местного краеведа А.С. Иваненко¹⁷⁶ на основании информации, полученной от старожилов, утверждавших, что в 1930-е гг. и в начале 1940-х гг. этот сад именовался по имени дворника тети Дуни, заботившейся о порядке в саду, и был «любимым местом отдыха народа». Он имел три аллеи из яблонь, лип, кленов и тополей; на центральной аллее была танцевальная площадка, буфет и раковина для духового оркестра, хотя танцы были также и под гармонь или баян, в саду дежурила милиция, вход был платный по правилам тех лет. В центре сада к реке спускалась широкая деревянная лестница, на площадках которой стояли скамейки для отдыха. Летом организовывались танцы на плавающей веранде, которую по реке медленно тащил буксир. Автор описывает

---

¹⁷⁵ Сальникова А.А. От казанских слобод к Казани социалистической ... С. 128.

¹⁷⁶ Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. Путеводитель. Тюмень, 1999. С. 148–151.

дальнейшую судьбу сада: после образования Тюменской области в 1944 г., когда рядом с садом оказалось здание обкома ВКП(б), лестницу и танцплощадку разобрали, сняли ограду, сад стал доступен, в условиях военного времени было не до танцев. Однако, по мнению Иваненко, главная причина в том, что в военный период изменился социальный состав жителей. В результате исчезла былая патриархальщина небольшого городка: «Дунькин сад стал прибежищем шпаны. Уважающая себя молодежь стала посещать сад имени Ленина, .. Дунькин сад захирел, и его как место отдыха просто прикрыли к 1950 г.». В прилагаемой к книге хронике сообщается, что в 1936 г. в Тюмени были заложены еще два городских сада, один из них в 1948 г. открылся как Парк культуры¹⁷⁷.

В Омске начало озеленения города принято связывать с крупной общественной акцией 1920–1921 гг., когда с помощью воскресников и субботников были заложены первые скверы вокруг драматического театра (эти факты широко известны по краеведческим публикациям). К этому имеют определенное отношение проекты городов-садов 1920-х гг.¹⁷⁸ Однако экспериментальные поиски сибирской интеллигенции, имевшие место и в других городах (Барнаул, Томск, Новониколаевск/Новосибирск) не были реализованы, хотя сами идеи продолжали некоторое время сохраняться в качестве рабочих элементов при подготовке очередных генеральных планов городов. В масштабах западносибирского региона специалистам известен один реализованный проект – распланировка и последующая застройка Новокузнецка и Сталинска в 1930–1931 гг. по проекту Э. Мая, которому немало внимания уделялось и прежде в советской литературе по градостроительству, и уделяется в современных региональных публикациях¹⁷⁹.

---

¹⁷⁷ Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени... С.300.

¹⁷⁸ Об идеях городов-садов и попытках их реализации в сибирских городах см.: Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города... С. 227– 247.

¹⁷⁹ См. оценки проекта в новейших региональных публикациях: Журавков Ю.М. Градостроительные планы Новокузнецка 1920–1930-х годов // Сибирский сад – территория мечты: Сборник материалов регионального научно-художественного проекта Омск – Новокузнецк, 2002. Омск, 2004. С.76–80; Белоусова О.А. Город-сад в утопических идеях немецкого архитектора Эрнста Мая (применение идей ранних утопистов при строительстве города Сталинска) // Там же. С.80–83.

В целом же в представлениях о городах-садах постепенно начала утверждаться прагматическая линия, удивительным образом совпавшая в дальнейшем с новыми задачами формирования культурного пространства «социалистического сада-города», с практикой т.н. «зеленого строительства» и с закладкой садов и парков. В качестве любопытного промежуточного варианта можно указать на первый типовой «сад-квартал», который предполагали начать возводить в центре Новосибирска (сибирской «столицы») в 1928 г.¹⁸⁰. Он должен был состоять из шести больших каменных 4-х этажных корпусов «с домашним садом», занимающим половину всей площади квартала.

Добавим некоторые детали относительно судьбы культурно-цивилизационного ландшафта того города в Западной Сибири, который так и не стал воплощением образа цветущего сада и стихотворных мечтаний В. Маяковского ни через 4 года, ни гораздо позже. Уже в конце 1930-х гг. о мощном зеленом обрамлении города речь шла лишь как о перспективе облагородить город после «порочных» действий Э. Мая¹⁸¹. Автор статьи, архитектор В.П. Громов указывал, что в городе имеются пока отдельные скверы и сады, как, например, сад металлургов и железнодорожников, а в третьей пятилетке «на устье Кондомы и Томи раскинется обширный Центральный Парк Культуры и Отдыха»¹⁸². (Хотя оговаривалось, что его строительство будет делом очень трудным, поскольку это место ежегодно весной заливается водой). Главной приметой социалистического города в предвоенном Сталинске был «проспект имени товарища Молотова с двумя полосами зеленых насаждений, с высокими парными электрофонарями по обе стороны»; на нем же находились здание звукового кинотеатра, «просторный сквер с фонтаном, затем огромный Дворец культуры металлургов»¹⁸³.

Вернемся к омской специфике зеленого строительства в 1930-е – первой половине 1950-х гг., памятуя еще и о том, что чуть позже (с

---

¹⁸⁰ Советская Сибирь. Новосибирск. 1927.24 августа.

¹⁸¹ Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. Новосибирск. 1939. №4. С.71–77.

¹⁸² Там же. С.76.

¹⁸³ Там же. С.71.

1956 г.) за Омском утверждается почетный статус «города-сада». (Однако это другой этап в истории трансформаций культурного ландшафта крупного западносибирского города). Некоторые обобщения по поводу истории и послевоенной практики озеленения Омска были сделаны Г.Г. Шкуловым – начальником городского отдела по зеленому строительству и опубликованы вначале в виде отдельной брошюры, а затем статьи в составе выпуска трудов Центрального сибирского ботанического сада¹⁸⁴.

Наиболее впечатляли к концу 1930-х гг. результаты озеленения территории Омского сельскохозяйственного института – своего рода Агророгодка, находившегося вплоть до 1950-х гг. в значительном отдалении от центра города. Он имел собственные приметы советской культуры в своем цивилизационном ландшафте¹⁸⁵. Кроме центральной аллеи, посаженной воспитанниками сельскохозяйственного училища еще в мае 1917 г. с 1920 года реализовывалась идея создания парка из деревьев разных пород. В 1937 г. в зеленеющей верхней части парка (бывшая «Лысая гора») рядом с главным корпусом института был установлен необычный фонтан «Крокодил и лягушки». (Он был восстановлен с некоторыми изменениями в 1988 г.) В 1941 г. заведующим парковым хозяйством сельскохозяйственного института П.А. Воиновым вместе с Е.Н. Шумиловой был создан замечательный цветник, в котором в последующие годы расцветало одних только георгинов около 300 сортов.

В 1932 г. в Омске на базе сада бывшего кафедрального собора был устроен сад Пионеров, а с 1938 г. началось строительство городского парка культуры и отдыха; в 1940 году бывший сад дворца генерал-губернатора, Сад Казачьего собора и сад католической церкви, расположенные смежно друг с другом были объединены и на их

---

¹⁸⁴ См.: Шкулов Г.Г. Озеленение Омска. М., 1958; Его же. Зеленое строительство г. Омска // Озеленение городов Западной Сибири: Материалы Первого зонального сибирского совещания по озеленению населенных пунктов (1956 г.) // Труды Центрального сибирского ботанического сада. Вып. 3. Новосибирск, 1960. С. 139–148.

¹⁸⁵ См.: Как строился и рос университетский городок. Альбом к 80-летию Омского государственного аграрного университета // Вестник ОмГАУ. 1997. №4. Приложение.

базе создан городской сад¹⁸⁶. Такие вехи советского зеленого строительства в Омске были выделены в машинописной рукописи обзора истории и состояния зеленого строительства в Омске, подготовленного заведующим отделом зеленого строительства Г. Шкуловым и хранящегося в ГАОО. (В упомянутые выше публикации, автором которых является Г.Г. Шкулов, эти сведения не вошли).

Рукопись обзора датирована 1955 г. Шкулов отмечал, что к католической церкви была произведена пристройка и построен летний кинотеатр, а бывший Казачий собор переоборудован под кинотеатр «Победа»; в саду имеются другие строения, произведено благоустройство, ограждение металлической оградой и ныне этот сад «является любимым местом горожан». Из других сведений, приведенных Шкуловым, можно сделать вывод, что и в Омске с конца 1930-х гг. учитывались рекомендации столичных специалистов – работников кабинета промышленной архитектуры Всесоюзной Академии Архитектуры в области садово-паркового строительства, в частности, о создании садов при предприятиях¹⁸⁷. Так, в обзоре указывалось, что до начала Великой Отечественной войны в Ленинском районе города были построены сад, названный садом имени Лобкова, сад при заводе Сибсельмаш, сад завода имени Куйбышева¹⁸⁸. Однако, как подчеркнуто в документе, озеленение города в более широких масштабах с вовлечением организаций, предприятий, домоуправлений, населения, квартальных комитетов начато в послевоенный период и особенно развернулось с 1950 г.

Интересны общие количественные показатели результатов местной масштабной деятельности по озеленению. Они даны по состоянию на 1 января 1956 г.: «в Омске имелся один Парк культуры и отдыха площадью в 130 га, 10 городских садов с площадью в 23,54 га, 82 сквера общей площадью 182,83 га, бульвары и аллеи (без указания их числа) площадью в 71,2 га, 1667 внутриквартальных насаждений (общей площадью 61,5 га, насаждений при промышленных предприятиях

---

¹⁸⁶ ГАОО. Ф.1212. Оп. 1. Д.66. Л.3.

¹⁸⁷ Лунц Л.Б., Протасова Т.Н. Проблема озеленения промышленного комплекса // Проблемы садово-парковой архитектуры ... С.281–304.

¹⁸⁸ ГАОО. Ф. 1212. Оп.1. Д.66. Л.4.

(без указания их числа) площадью в 62,87 га»¹⁸⁹. Наиболее значимая часть этой информации – сведения о том, что за 1950–1956 гг. в городе построено 43 новых сквера, из них только в 1955 г. – 16. Особое внимание в обзоре Г.Г. Шкулова уделено деятельности по созданию этих новых и, как подчеркивается, **красивых и благоустроенных скверов и бульваров**. (Выделено нами – В.Р.) Имеются примечательные детали, характеризующие созданное и как приметы официальной советской культуры, и как продолжение естественного стремления превратить степной город в зеленый город, засаженный крупными деревьями.

К свидетельствам соответствия обязательным требованиям советского зеленого строительства относятся упоминания о наличии парковой скульптуры, металлических ограждений «на каменном цоколе», оформления входа в парк колоннами (как в новом большом сквере на месте бывшего товарного двора, получившем имя 30 лет ВЛКСМ), с размещением обязательных типовых скульптур вождей. К подобным признакам относится оформление при заводских территориях зеленью, устройство фонтанов (в Молотовском районе названы два фонтана: у здания Шинного завода и в сквере перед зданием райисполкома). Таким образом, «на окраинах» фонтаны появились раньше, чем в центральной части города, где в 1955 г. еще шли подготовительные работы, был приобретен и завезен гранит и чугунное литье для 4-х фонтанов, предназначенных к установке в 1956 г.¹⁹⁰

В архивном фонде Омского городского отдела зеленого строительства имеется альбом с фотографиями садов, скверов и улиц города за 1952 г.¹⁹¹ Среди снимков, выполненных, по-видимому, любителями (фамилии фотографов отсутствуют), есть изображения сквера площади имени Дзержинского (построенного в период Великой Отечественной войны на месте большого пустыря в центре города, «являвшегося источником пыли и изредка использовавшегося городом для городских митингов¹⁹²), вновь строящегося сквера имени 30 лет ВЛКСМ (два снимка). Особый интерес из этого альбома представляют

---

¹⁸⁹ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.4–5.

¹⁹⁰ Там же. Л.6, 8.

¹⁹¹ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.41 (на 18 л.)

¹⁹² Там же. Д.66. Л.4.

изображения отдельных частей благоустроенного Центрального пляжа Омска, с аллеей из карагача и с одной из образцов советской парковой скульптурой (в омском варианте это «Юноша с веслом»), со сквером на пляже, имеющем в качестве композиционного центра цветочную клумбу и скульптуру пловчихи¹⁹³.

Как известно, существенные корректировки в конфигурацию культурно-цивилизационного ландшафта сибирских городов вносят экстремальные условия Великой Отечественной войны. Культурное пространство крупных городов-центров Западной Сибири деформируется, планировочные символы «соцгородов», которые начали видоизменяться еще в 1930-е гг. (этот аспект заслуживает специального внимания), уступают место вынужденным вкраплениям поселков при эвакуированных предприятиях ВПК. Эти поселки становятся позже ядрами новых участков городской среды. Особенно это заметно в планировке и застройке Омска. Именно они застраиваются в послевоенные годы жилыми и общественными зданиями в соответствии с монументальными столичными образцами, с пышным лепным декором. Один из характерных примеров – ансамбль многоэтажных домов на улице Б. Хмельницкого в Молотовском (ныне Октябрьском) районе, с Дворцом культуры завода имени Баранова, с Парком культуры и отдыха, где еще сохранились остатки садово-паркового строительства сталинской эпохи.

Завершая фрагмент, посвященный зеленому строительству, необходимо подчеркнуть, что Омск явно отличался от других западносибирских центров основательностью подхода к озеленению. Перед войной в ведении городской садово-парковой конторы (после войны она была реорганизована в отдел зеленого строительства горисполкома) находилось два питомника. На базе старейшего из них еще в 1940 г. была организована станция юных натуралистов, а на месте пустыря «в северной части города против затона имени Сталина был заложен питомник площадью 120 га, названный питомником №1»; после войны здесь выращивался посадочный материал и цветы, при нем существовал коллекционный сад, куда поступал семенной материал из Москвы и Ленинграда)¹⁹⁴.

---

¹⁹³ ГАОО. Ф. 1212. Оп. 1. Д.41. Л.3,4, 5об., 7,8об.

¹⁹⁴ Там же. Д.66. Л. 19,22.

Среди архивных материалов в фонде известного омского краеведа А.Ф. Палашенкова имеется альбом маршрутов экскурсий по Омску, содержащий любительские фотографии, относящиеся к лету 1951 г.¹⁹⁵. На нескольких снимках представлены фрагменты территории станции юннатов. Они весьма выразительны как свидетельства примет советской культуры и в то же время ее локального (омского) своеобразия.

На фотографии с видом главной аллеи поражает цветочная клумба, в центре которой находится сделанная из цветов огромная античная ваза; на другом снимке примечателен бюст Мичурина на постаменте, украшенном гирляндами с кистями, яблоками и грушами¹⁹⁶. На одном из снимков видна клумба в виде звезды, в ее центре постамент со скульптурной композицией, изображающей Сталина с двумя девочками, одну из них он обнимает правой рукой, а с другой, видимо, беседует¹⁹⁷. К сожалению, качество любительских снимков невысоко, изображения не отличаются четкостью. Нужно учитывать, что на переднем плане присутствуют группы школьников-экскурсантов из районов Омской области, запечатлеть которых и было главной задачей для снимавшего.

Переходя ко второму признаку послевоенной культуры сталинской эпохи в пространстве советского города, следует еще раз отметить, что в годы войны в крупных сибирских центрах (Омск, Новосибирск) оказались в эвакуации многие столичные архитекторы. Среди них мастера, известные своими монументальными сооружениями, возведенными в Ленинграде в 1930-е гг. Частично о них и их деятельности было уже сказано в предыдущем параграфе этой части нашей книги. Добавим, что в 1944 г. председатель правления Новосибирского отделения Союза советских архитекторов Иг. Белогорцев в своем докладе по случаю 10-летия отделения особо выделил большую работу архитектора А.И. Гегелло и инженера В.Ф. Райляна по составлению альбомов типовых проектов малоквартирных домов, нашедших широкое применение в строительстве Новосибирской области,

---

¹⁹⁵ ГАОО. Ф.2200. Оп. 1. Д.368 (45 фотографий на 15 л.)

¹⁹⁶ Там же. Л.11, 12.

¹⁹⁷ Там же. Л. 13.

а также вклад А.И. Гегелло в научное обоснование массовому строительству их грунтоблоков¹⁹⁸.

В ходе отчетной конференции Новосибирского отделения СС. А в том же 1944 г. шла речь и об отрицательных сторонах пребывания в городе эвакуированных специалистов. Подчеркивалось, что приезжие крупные организации оказались монополистами в проектировании, что довело местную проектировочную организацию почти до самоликвидации архитектурного проектирования в своих мастерских, до разброда в проектировании¹⁹⁹. Однако Иг. Белогорцев подверг критике и местные кадры, включая Управление Главного городского архитектора, «которое ослабило контроль, а архитектурная общественность не оказала должную помощь Управлению и в результате имеем такие бессодержательные художественно убогие монументы, какие видим у Дома Ленина. Огромные работы проходили также случайно – архитектурное оформление сада имени Сталина и художественное оформление вокзала»²⁰⁰.

В послевоенные годы на первое место выходят проблемы планировки и градостроительства, несколько позже, примерно с 1950 г., наблюдается возвращение к вопросам зеленого строительства, но уже в полном соответствии с изменившимися концепциями проектирования. В пробном советском учебнике «Основы градостроительства», подготовленном Институтом градостроительства при Академии Архитектуры СССР, выделен сильный рост городов в годы войны и в первую очередь таких, как Омск, Новосибирск, Сталинск, Кемерово²⁰¹. Третья часть учебника была посвящена архитектурно-планировочной структуре советского города. Среди ее важнейших элементов указывались зеленые насаждения (глава VI), а в главе IX характеризовались особенности архитектурно-планировочной структуры больших и крупных городов. Примечательно, что среди признаков, определявших большие и крупные города, помимо известных показателей численности населения, выделялись в качестве приоритетных

---

¹⁹⁸ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.30. Л.22об.

¹⁹⁹ Там же. Д.27. Л.4.

²⁰⁰ Там же. Л.5об.

²⁰¹ Основы градостроительства. Учебник для архитектурных вузов и факультетов. В 8 частях (на правах рукописи) / Гл. ред. В.В. Бабуров. М., 1951 С.41.

признаков «сложная структура, исключительно развитая система магистралей и городского массового транспорта, наличие в составе города административных районов, преобладание застройки в 4–5 этажей и выше, значительные размеры городского центра»²⁰². Система зеленых насаждений при этом трактовалась как существенный элемент структуры большого и крупного города, а, следовательно, ее отсутствие или несоответствие обязательному набору (крупные массивы зелени в виде садов и парков) означало отнесение города к другому типу.

Почти столь же значимым для определения статуса города становились не столько размеры городского центра, сколько наличие в нем мемориальных сооружений и памятников, посвященных крупным историческим событиям, общественным и политическим деятелям, выдающимся людям науки и искусства²⁰³. В официальных рекомендациях, на которых должны были воспитываться новые кадры строителей советского культурно-цивилизационного ландшафта, парки культуры и отдыха определялись как массовые учреждения нового типа, сочетающие «широкую политико-воспитательную работу с культурным отдыхом трудящихся среди зелени»²⁰⁴. Авторы разъясняли будущим архитекторам, что «советский парк должен давать богатство и разнообразие впечатлений, отвечающих радостному, оптимистическому мироощущению советских людей». В совокупности с новыми задачами к установкам на монументальность добавлялись достижение архитектурного ансамбля и включение в качестве важных доминант высотных зданий, которые должны были определять законченность силуэта советского послевоенного города.

Можно сравнить эти желаемые официальные «концепции» с тем, как понимали архитекторы региона свои задачи на будущее в конце войны. Обратимся вновь к докладу председателя Новосибирского отделения Иг. Белогорцева. Он подчеркивал: «А у нас в тылу, куда перебазированы сотни промышленных предприятий, которые навечно осели в восточных областях Советского Союза, во весь рост встает проблема планировочного устройства этих заводов и фабрик и создания

---

²⁰² Основы градостроительства... Часть третья. С.204–205.

²⁰³ Там же. Часть пятая. С.12,14–15.

²⁰⁴ Там же. Часть шестая. С.8.

для них жилых поселков и сел, новых корпусов многоэтажных жилых и общественных зданий»²⁰⁵. В то же время он от имени новосибирских архитекторов заверил правительство, что будет выполнено мудрое указание М.И. Калинина о необходимости повсеместного составления новых генеральных планов развития социалистических городов и массового капитального строительства. Завершающие фразы доклада Белогорцева можно считать одновременно «ритуальными» в подобных выступлениях советской эпохи и наполненными культурологическим подтекстом, ценным для понимания послевоенной специфики советской культуры, а применительно к культурному пространству крупных городов – для уловления кардинальных изменений в его опорной инфраструктуре. По словам Иг. Белогорцева, «настало время, когда страна снова призывает своих зодчих смело дерзать в камне, железе, стекле и дереве, создавая сооружения, которые могли бы служить памятником великой социалистической эпохи. Новосибирские архитекторы беззаветно отдадут все свои силы на возрождение монументальной архитектуры и сделают Новосибирск одним из красивейших городов Советского Союза»²⁰⁶.

Проекты новой планировки сибирских городов, несомненно, не столь приоритетные по сравнению с проектами восстановления городов, подвергшихся разрушению во время фашистского нашествия, становятся, тем не менее, объектами внимания столичных архитекторов. Осенью 1946 г. в журнале «Архитектура и строительство» сообщается, что в Ленинградском отделении Гипрогора закончен эскиз проекта планировки старейшего университетского центра Сибири – Томска, разработанный архитекторами Н.П. Барановым, К.А. Кунченко, А.Н. Панич, инженером-экономистом З.Ф. Богомоловым²⁰⁷. Спустя некоторое время тот же журнал в рубрике «Архитектурно-строительная жизнь страны» сообщал о работах по реконструкции Новосибирска²⁰⁸. Из приведенной информации заслуживают внимания несколько обстоятельств. Во-первых, проект планировки города готовится местными специалистами, во-вторых, подчеркивалось, что

---

²⁰⁵ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.30. Л.23–23об.

²⁰⁶ Там же. Л.23об.

²⁰⁷ Архитектура и строительство. М. 1946. № 10. С.24.

²⁰⁸ Там же. №14. С.24.

отдельно выполняется проект реконструкции центральной площади – площади имени Сталина. Среди особенностей работ по реконструкции площади имени Сталина присутствует и элемент «зеленого строительства»: «Закончены земляные работы и разбит сквер, в создании которого большое участие принимало население города». Обозначены перспективы изменения облика площади: «.. будет выстроен большой жилой дом Западно-Сибирского филиала АН СССР, <... > должен быть построен Дом художника с помещением для картинной галереи, <...> предполагается внести существенные изменения в архитектурный облик здания горисполкома». Сообщается об уже осуществленных работах по благоустройству привокзальной площади: «снесено много временных бараков, площадь асфальтируется, на ней будут разбиты новый сквер и цветники». Еще две примечательные детали из достаточно развернутой характеристики осуществленных и намеченных изменений в культурно-цивилизационном ландшафте Новосибирска связаны с упоминанием об удачной реконструкции здания клуба в соцгороде при заводе имени В.П. Чкалова и с высадкой на улицах города большого количества деревьев и кустарников.

Образцово-показательное озеленение, объявленное с весны 1947 г. делом государственной важности²⁰⁹, теперь становилось главным показателем успехов, достигнутых в области благоустройства. Заслуги новосибирских архитекторов в этой сфере, о чем свидетельствовала реконструкция Красного проспекта – главной магистрали города, были отмечены на совещании в Челябинске по принципиальным вопросам строительства и благоустройства городов Урала и Сибири²¹⁰. Материалы совещания по-новому представили стратегию архитектурно-планировочных работ для городов Урало-Сибирского региона. Высказывалась идея о переброске архитекторов Москвы и Ленинграда на Урал и Сибирь и подчеркивалась ее мотивация: «Города Урала и Сибири должны проектироваться талантливыми и квалифицированными мастерами. <... > Славные города Урала и Сибири, растущие по сталинской «путевке в жизнь», по его гениальным

---

²⁰⁹ Архитектура и строительство. М. 1947. №8. С.9.

²¹⁰ Архитектурная реконструкция городов Урала и Сибири – большая историческая задача (передовая статья) // Там же. № 10. С.2.

планам индустриализации страны, ждут к себе не просто архитекторов по командировкам из центра, а подлинно творческих работников»²¹¹.

Можно считать, что с этого знаменательного совещания утверждается окончательно в культурном пространстве западно-сибирского региона иной по сравнению с 1920-ми годами символический образ Новосибирска. В виде своеобразного эскиза его черты обозначились еще в конце 1930-х гг. и были запечатлены в стихотворении Г. Доронина «Наш город»²¹², где Новосибирск сравнивается с зорким часовым, вставшим «над Обью многоводной». Путь города – сына прекрасной, великой, расцветающей страны определен ясно тем, кто «нашу славную отчизну ведет в сияньи огненных знамен, кто начертал счастливой жизни великий государственный закон». Окончательно оформление образа города – «детища сталинской эпохи» закрепляется в послевоенных популярных изданиях о Новосибирске²¹³.

Немало этому способствовали оценки, дававшиеся изменениям облика города видными представителями Академии Архитектуры СССР. В 1947 г. в статье члена-корреспондента Академии Архитектуры СССР Н. Былинкина «Архитектура сталинской эпохи» Новосибирск приводился в качестве примера города, где воплощено в масштабе площадей и улиц принципиально новое качество советской архитектуры в ее сравнении с западноевропейской и в отличие от американской: «она не ограничивается функциональными и инженерно-техническими проблемами, а продолжает лучшие традиции русских зодчих – построение города как системы художественных ансамблей»²¹⁴. Характерное противопоставление старого и нового в случае с городами Западной Сибири – детищами сталинской эпохи демонстрируется на двух примерах (уже упомянутого Новосибирска и Сталинска). Относительно первого используется одно сравнение: «Новосибирск – когда-то город-деревня, центр сибирских купцов и

---

²¹¹ Архитектура и строительство. М. №10. С.3.

²¹² Сибирские огни. 1939. №6. С.51.

²¹³ См., например: Протопопов Н. Наш город. Новосибирск, 1951 (Библиотечка школьника-краеведа). С. 3.

²¹⁴ Былинкин Н. Архитектура сталинской эпохи // Архитектура и строительство. М. 1947. №13. С.9.

прасолов – развернулся на огромном пространстве как современный и благоустроенный город», а для второго города выбрано противопоставление: «Вблизи старого деревянного Кузнецка на пустыре вырос город Сталинск, индустриальный центр Кузбасса – город многоэтажных домов, озелененных проспектов, залитый электрическим светом, продолжающий расти и обогащаться новой советской архитектурой»²¹⁵. В обоих случаях описания, которые дает один из столичных руководителей советской архитектуры, являются образцом мифологии соцреалистического канона. В желаемом культурном пространстве главными элементами становятся проекты будущих зданий, реконструкции площадей и т.д.

В этом отношении оценки местных архитекторов отличаются меньшей идеологической заданностью. Обратимся к статьям А.Д. Крячкова «Архитектура Новосибирска за 50 лет»²¹⁶ и Е.А. Ащепкова «Формирование архитектурных ансамблей Новосибирска»²¹⁷. Следует иметь в виду, что первая статья была написана в основных чертах в 1944 г. Об этом свидетельствует приписка от руки, сделанная на черновом экземпляре А.Д. Крячковым²¹⁸.

Между текстом сохранившихся фрагментов черновика статьи и опубликованным окончательным вариантом имеются расхождения в оценках архитектурных достоинств и недостатков отдельных зданий. Однако интересно другое. По мнению известного сибирского зодчего А.Д. Крячкова, воочию наблюдавшего динамику перемен в культурно-цивилизационном ландшафте города, «в огромных масштабах строительства и отдельных сооружениях Новосибирска отразилась мощь сибирской природы и широкий размах ее обитателей»²¹⁹. Признавая значение «большевистского стиля работы сибиряков», сталинских пятилеток и социалистического реализма, Крячков тем

---

²¹⁵ Архитектура и строительство. М. 1947. № 13. С. 10.

²¹⁶ Крячков А.Д. Архитектура Новосибирска за 50 лет // Архитектура Сибири. Ежегодник Новосибирского отделения Союза советских архитекторов. Июль 1951. С. 5–24 (посмертная публикация).

²¹⁷ Ащепков Е. Формирование архитектурных ансамблей Новосибирска // Советская архитектура. Сборник Союза советских архитекторов. 1952. №2. С.52–58.

²¹⁸ ГАНО.Ф.2102. Оп.1. Д.42. Л.1,25.

²¹⁹ Там же. Л.4.

не менее и в опубликованном тексте подчеркивает взаимосвязи возникающих архитектурных ансамблей, которых в городе еще немного, с природным своеобразием региона. Так, относительно центральной площади города сказано «по-сибирски грандиозная площадь Сталина благодаря оперному театру, будет одной из величественных и красивых площадей в СССР», а пространство левобережного города (без напоминания о нем как о соцгороде – В.Р.) характеризуется резко критически: «В настоящее время левобережный город с разнотипно застроенными или вовсе пустыми кварталами, остающимися уже давно без озеленения и благоустройства, выглядит неуютно и бедно»²²⁰. Присутствующая в завершающей части опубликованной статьи фраза автора о необходимости теперь строить не разрозненные дома, а организовывать величественные ансамбли улиц и площадей «в едином стиле в нашей необыкновенной героической жизни» воспринимается естественно, поскольку ранее была высказана критика в адрес центральных проектов, «которые недоучитывали специфику сибирских условий и местных требований»²²¹. Следовательно, формирование будущих ансамблей должно быть творчеством местных архитекторов. Так можно истолковать скрытый смысл приведенных рассуждений ведущего сибирского зодчего. Кроме того, в его тексте не просматривается стремление показать подретушированный в угоду политической конъюнктуры образ города.

В статье Е.А. Ащепкова, в то время уже члена-корреспондента Академии Архитектуры СССР, влияние официальных оценок, определявших место Новосибирска в регионе и в СССР, ощущается более заметно. Это начинается с восхищения дыханием большого промышленного центра, новым индустриальным пейзажем, выступившим на смену сибирским просторам и придавшем городу определенный колорит и современный характер: «Силуэт города, расположенного на правом берегу многоводной реки, вырисовывается через лес труб крупных промышленных предприятий левобережной части –

---

²²⁰ Архитектура Сибири. Ежегодник Новосибирского отделения Союза советских архитекторов ... С. 17,22.

²²¹ Там же. С.20,28.

Кировского района»²²². В личном фонде Е.А. Ащепкова, хранящемся в ГАНУ, есть фрагмент рукописи, имеющий другое название и дополнительный подзаголовок – «Архитектура Новосибирска и перспективы ее развития (Материалы к вопросу архитектурно-художественных проблем и планировки города)»²²³. Видимо, это один из предварительных вариантов статьи, возможно, более ранний. И в этом тексте необычность силуэта Новосибирска подчеркнута дополнительно его непохожестью «на многие сибирские города, такие как например Тобольск, Томск, Иркутск... с их церквями и колокольнями на видном месте». Последний акцент на отсутствие в Новосибирске прежних доминант городской застройки подкреплен еще и указанием на то, что современный Новосибирск имеет свое лицо и стиль, «резко отличающийся от того, что составляло в прошлом стиль всякой старой провинции – с ее беспорядочной, анархичной планировкой, с узкими кривыми улицами и прочими элементами дореволюционных городов». В неопубликованном тексте присутствует дополнение об отличии современного Новосибирска от капиталистических городов. Таковым является «отсутствие окраин с их убогой застройкой». Сложно однозначно ответить, почему эти акценты, являющиеся данью времени, оказались не включенными в напечатанный текст.

И далее, если в опубликованном варианте автор лишь подчеркивает, что Новосибирск сегодня «не тот, что был вчера, и в его архитектурном облике вырисовываются зримые черты замечательного социалистического города», то в машинописном архивном тексте имеется другая формулировка этой мысли. «Сегодня Новосибирск не тот, каким был вчера, его замечательное завтра окружено заботой и вниманием нашего правительства и лично т. Сталина, уже рисуется ясными контурами замечательного социалистического города, просторного, светлого, красивого, удобного для жизни советского народа – созидателя»²²⁴.

Вместе с тем в обоих вариантах Е.А. Ащепков уточняет, что не все архитектурные комплексы города связаны в одно целое монументальной

---

²²² Ащепков Е. Формирование архитектурных ансамблей Новосибирска... С.52.

²²³ ГАНУ.Ф.2Ю2. Оп.1. Д.50. Л. 1–22.

²²⁴ Там же. Л.4.

застройкой, что в центральных районах можно наряду с крупными сооружениями встретить и много одноэтажных зданий. Даже в отношении Красного проспекта, названного еще в Челябинске «образцовым», сказано, что «не на всем своем протяжении он представляет единое композиционное целое»; подобное замечание сделано и по поводу еще не сложившегося ансамбля, законченного комплекса, формирующего площадь имени Сталина²²⁵. Автор, отмечая главенствующее композиционное значение этой площади, указал, что в ближайшем будущем она застроится новыми зданиями, более соответствующими ее значению. Однако в опубликованный вариант не вошла показательная для официальной линии советского градостроительства критика в адрес здания торгового корпуса, имевшаяся в рукописи: «Архитектура и расположение этого здания, построенного в 1909 г., не отвечает требованиям зданий – призванных формировать главную площадь города»²²⁶. В качестве способа подчинить здание торгового корпуса (напомним, что его автор – учитель Ащепкова А.Д. Крячков) общей ансамблевой застройке его «следует надстроить и возможно развить общее объемное решение за счет расширения в сторону сквера». То есть, недостаток здания – несоответствие главному принципу соцреалистического канона в архитектуре – принципу монументальности.

Все же в целом опубликованная статья Е. А. Ащепкова отличается деловым реалистическим, а не мифологизированным содержанием (хотя в духе времени в ней присутствуют отсылки к тому, что должно быть в перспективе). Помещенная в столичном издании, статья была адресована, прежде всего, местным архитектурным силам, чьи успехи в достижении частичной ансамблевой застройки в промышленных районах (в том же левобережном Кировском районе, в жилых массивах ряда заводов) автор с удовольствием подчеркивает. Важно, что он вслед за своим учителем, А.Д. Крячковым, так же обращает внимание на необходимость учета климатических и природных условий региона, без чего нельзя достигнуть полноценного архитектурного результата.

---

²²⁵ Ащепков Е. Формирование архитектурных ансамблей Новосибирска... С.53,55.

²²⁶ ГАНО. Ф.2102. Он. 1.Д.50. Л.11.

Таким образом, в культурно-цивилизационном пространстве Новосибирска, самого крупного западносибирского города в 1940-е – начале 1950-х гг., присутствовали официальные установки на монументальность в организации городской среды, на использование ее для воспитания у советского человека жизнеутверждающего оптимизма с помощью устройства садов и парков, а также упорядочивая главные части культурного пространства в виде ансамблей с определенной символикой зданий и монументов, внедрявшихся в соответствии с канонами социалистического реализма.

В то же время своеобразие реальной ситуации корректировало эти установки. Выше уже отмечалось, что в Омске, например, только в 1955 г. конторой Горзеленстроя было установлено (в качестве парковой скульптуры): бронзовый памятник 11 м высоты Сталину, два бронзовых памятника Ленину и одна бронзовая композиция «Ленин и Сталин в Горках»²²⁷. Наличие в Новосибирске «скульптурного изображения» И.В. Сталину, установленного в 1938–1939 гг.²²⁸, не комментируется ни в одной из приведенных выше статей известных сибирских архитекторов. Нет упоминаний о нем и в материалах творческого совещания архитекторов Новосибирска 1948 г. по докладу кандидата архитектуры Н. Кузьмина «Творческие задачи новосибирских архитекторов в связи с решением ЦК ВКП(б) об опере Мурадели», во время которого возникали вопросы по поводу некоего обелиска, возникшего на площади возле оперного театра²²⁹.

Однако вопрос о памятниках вождям с их изначально заданной ролью официального символа в культурном пространстве советских городов требует специального внимания, как и проблема размещения в городах в послевоенный период мемориалов, монументов и бюстов героям Великой Отечественной войны. Здесь необходимы дополнительные разыскания, сопоставление сооруженных памятников с типовыми проектами, которые утверждались Комитетом по делам архитектуры при Совете министров СССР (первое такое решение было принято в 1946 г.). Пока же ограничимся самым общим выводом относительно несомненного присутствия в приметах советской

---

²²⁷ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.8.

²²⁸ Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков ... С.94.

²²⁹ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.65. Л. 14, 55оо.

культуры послевоенного времени и официальных монументальных черт, и смягчавших их местных реалий. И то, и другое становилось на определенное время координатами пространства советской городской повседневной жизни. К некоторым деталям из практики городского озеленения и обустройства пространства советских городов в послевоенные годы, к своеобразию этих процессов в западносибирских городах мы вернемся в третьей части книги, выборочно используя визуальные источники.

ЧАСТЬ 3. ФРАГМЕНТЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ЛАНДШАФТА КРУПНОГО ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ГОРОДА В МИФАХ И РЕАЛИЯХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В предыдущих частях нашей книги были обозначены разные исследовательские модели и подходы, каждый из которых дает свой ракурс видения культурного пространства города советской эпохи. Историко-культурологическая модель позволяет увидеть несколько динамически меняющихся пластов этого пространства. Из набора ключевых понятий, используемых в этой модели, для третьей части книги выбрано одно – культурно-цивилизационный ландшафт (КЦЛ). Этот термин подчеркивает ведущую роль организованной деятельности людей в преобразовании того или иного места, его пространства (в нашем случае, отдельных городов Западной Сибири). При этом в качестве организующих факторов выступают социально-политические установки, геополитические и экономические государственные интересы. Впервые такое словосочетание применительно к ситуации в России употребил в своем эссе А. Быстрицкий (Новый мир. 1994, № 12), сравнивая урбанизационные процессы в различных странах и в России преимущественно по их материализованным и социально-демографическим признакам.

Наша позиция как историков культуры и культурологов заключается в расширительной трактовке этого термина и включении в его содержание таких компонентов материально-духовного творчества, которые придают уникальность облику и атмосфере местного пространства. Определенную корректировку в структуру и образ локального ландшафта может вносить деятельность различных сообществ и отдельных личностей (представителей активного меньшинства, носителей инновационных идей и идеалов). Хронологически складывание КЦЛ связано с эпохой модернизаций и становлением культуры индустриального урбанизированного общества. Для России и ее регионов утверждение культуры нового типа и соответствующего КЦЛ охватывает XIX–XX века.

Использование культурологического подхода и опоры на локальный метод, как уже отмечалось, предполагает самое тесное сближение с семиотическими исследованиями. Среди них важны труды Ю.М. Лотмана, освоение которых становится особенно принципиальным для современного историка культуры при комплектовании источниковой базы для междисциплинарного исследования. В частности, это позволяет определиться с трактовкой исторического факта с учетом предлагаемого Лотманом его видения как «текста». Добавим, что любой анализируемый источник-«текст» в нашей ситуации целесообразнее трактовать как историко-культурологический факт. Тогда на первый план выходят знаковость и символичность содержания текста, которые возникают в «тексте» в момент его создания от осознанных действий его создателей или привносятся ими в виде дополнительной (непрямой) мотивации. Такова, на наш взгляд, информация о конструировании нового городского культурного пространства, передаваемая с помощью градостроительных и архитектурных проектов, изменяющих планировку города. Сюда же относятся визуальные «тексты», которые в этой части книги представлены преимущественно копиями с ксерокопированных и фотографических изображений. Мы не предлагаем создавать новую группу исторических источников, а лишь уточняем приоритеты в наших исследованиях одной из подгрупп внутри общепринятой классификации – в составе кинофотофонодокументов. В данной книге не ставится и вопрос о всесторонней атрибуции привлеченных изображений.

Мы руководствовались теми оценками общих и специфических черт фотодокументов, которые даны в новейшей литературе по источниковедению¹. Среди них указания на возможность по фотоснимкам восстанавливать колорит эпохи, вид городов, на разнообразие информации, заключенной в фотодокументе и создающей основу для интегрированного представления о действительности, на взаимосвязь познавательной и эстетической ценности запечатленных с помощью фотодокумента картин действительности. Предостережение источниковедов относительно такого приема как «пальмирование»

---

¹ См.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общей редакцией А.К. Соколова. М., 2004. С. 216–218.

(закрашивание нежелательной персоны) в фотографии 1930-х – 1950-х гг. при выяснении подлинности изображаемого учитывается, но оно мало значимо для видовых снимков фрагментов городского культурно-цивилизационного ландшафта, особенно, если используются любительские фотографии из частных коллекций.

Современный исследователь, анализируя извлекаемую информацию, руководствуется своими профессиональными приемами и может получить в итоге не те представления, которые вкладывали в свои действия ее создатели. Как пишет Ю.М. Лотман, историк должен выступать в роли дешифровщика текста, поскольку между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, в котором событие предстает в зашифрованном виде². Еще одно заимствование из семиотических построений Ю.М. Лотмана, полезное для расшифровки видимых и незримых пластов предлагаемых фрагментов КЦЛ западносибирских городов, касается трактовки пространственных координат как определенного «набора» знаков и символов, создаваемых в системе ценностей своего времени. Так, указывая на двойную семиотическую жизнь архитектурного пространства, Лотман подчеркивает, что архитектурные тексты по самой своей природе имеют тенденцию к гиперструктурности, и вопрос усложняется еще и тем, что «архитектура состоит не только из архитектуры: узкоархитектурные конструкции находятся в соотношении с семиотикой внеархитектурного ряда – ритуальной, бытовой, религиозной, мифологической – всей суммой культурного символизма»³.

Таким образом, предлагая далее обратиться к визуальным «текстам», авторы книги хотели бы считать их не простым иллюстративным рядом к уже выявленному в предыдущих частях книги особенностям культурного пространства и культурно-цивилизационного ландшафта западносибирских городов в советскую эпоху, а существенным дополнением к раскрытию их смыслов. Выбранные изображения фрагментов КЦЛ одновременно несут в себе информацию о типичных желаемых чертах образа советского города и об уникальном

---

² Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 336.

³ Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Там же. С. 676–678,680.

результате «местного» воплощения официальной мифологемы. Следует учесть, что время реальной жизни воспроизводимых черт образа города советской эпохи стремительно сокращается, а некоторые из них уже стали историческим мифом и сохраняются только в комплексе визуальных источников.

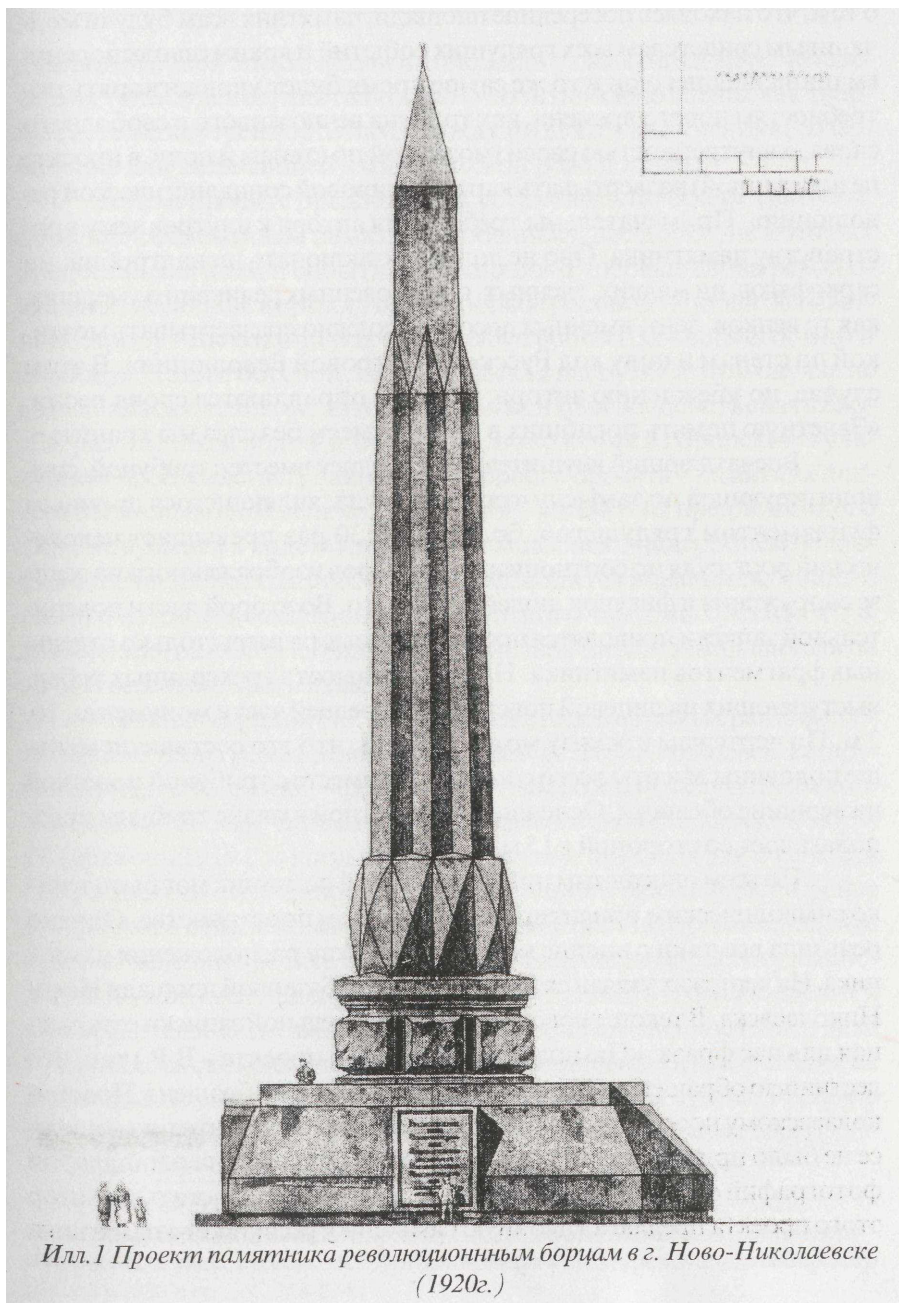
В сопроводительных комментариях к приведенным «иллюстрациям» второй нашей задачей было уточнение представительности информации о тех или иных приметах культурного пространства западносибирского города советской эпохи, получаемой из общего комплекса источников. Археографический анализ в данном конкретном случае не предусматривался. Для ориентации во внутреннем расположении материалов третьей части книги при обозначении каждого из привлеченных визуальных источников используется привычное словосочетание «иллюстрация», независимо от специфики воспроизводимых изображений, которая оговаривается в комментариях. В них также указывается источник, из которого извлечено изображение.

3.1. Первые городские мемориальные символы героической эпохи в проектах и сооружениях (комментарии к иллюстрациям №1–3)

Два из приведенных на иллюстрациях изображений относятся к проектным замыслам начала 1920-х гг., при воплощении которых могло бы измениться прежнее пространство «старого» западносибирского города за счет новой координаты – памятника жертвам революционных событий и гражданской войны.

На иллюстрации №1 представлен первый из самых ранних проектов памятника революционным борцам в г. Ново-Николаевске под девизом в виде символического знака-перекрещивающихся молота и лопаты. Проект датирован 29 апреля 1920 г.. Он прислан от секции ИЗО Томского отдела народного образования и отложился вместе с пояснительной запиской в архивном фонде губернского отдела коммунального хозяйства. Текст пояснений к этому проекту состоит из двух частей, написанных разными почерками. В одной из них раскрывается художественный замысел и архитектурно-планировочное решение памятника, в другой части содержится описание железобетонных конструкций сооружения. Первая часть пояснительной записки начинается с утверждения, что памятник «представляет из себя монументальное, архитектурное сооружение, грандиозным масштабом своим вполне отвечающего мировому масштабу Русской революции». Далее следует указание на особое расположение и роль этого памятника в новом символическом пространстве городской площади: «Отодвинутый от всех зданий и поставленный посередине площади в указанном на генеральном плане месте, он явится пунктом, вокруг которого будет разворачиваться новая пролетарская, общественная жизнь такого же масштаба, как и он сам. Народные праздники, парады, митинги, вообще всякого рода празднества неразрывно свяжутся с ним».

Высота сооружения соответствует его художественно-архитектурному замыслу, идею которого автор проекта выразил четверостишием: «Муку погибших героев / Лавиной в небо вонзаю. / Железобетонной ракетой / Звездно ея разрешаю». Эскиз общего вида и чертежи разрезов частей сооружения отражают заложенную в проект мысль

Илл. 1 Проект памятника революционным борцам в г. Ново-Николаевске (1920г.)

о том, что находясь посередине площади, памятник «сам будучи молчаливым свидетелем всех грядущих событий и ярким олицетворением происшедшего он в то же самое время будет удовлетворять потребностям нового времени, как трибуна вечно живого и свободного слова, а внутренностью своей (мозаикой по стенам и полу, в проекте не показанной) разворачивать картину мировой социалистической революции». Примечательны требования автора к внутреннему пространству памятника. Оно не должно «заключать ни надгробий, ни саркофагов, ни жалких, тленных, обыкновенных реликвий о умерших, как то венков, лент, именных досок», а должно «разворачивать мозаикой по стенам и полу ход Русской и Мировой Революции». В этом случае, по убеждению автора, реально оправдаются слова песни: «Заветную память погибших в бою / Сумеет без слез мы хранить».

Впечатляющий внушительный обелиск вместе с трибуной, символизирующей по замыслу «тяжесть труда, являющегося прочным фундаментом грядущего», более чем в 30 раз превышает человеческий рост, судя по соотношению размеров изображенного на эскизе сооружения и фигурок людей возле него. Во второй части пояснительной записки приводятся предполагаемые размеры только отдельных фрагментов памятника. Например, высота трехгранных ребер, выступающих на лицевой поверхности средней части монумента, 16, 2 м. По чертежам и эскизу можно видеть, что это составляет меньше половины высоты всего сооружения вместе с трибуной и звездой на вершине обелиска. Основание квадратной в плане трибуны предполагалось со стороной в 15 м.

По всем описанным признакам такой памятник мог быть только символическим ориентиром в городском пространстве. Однако речь шла все-таки вполне конкретном месте расположения памятника. На чертежах указан схематичный план Базарной площади Ново-Николаевска. В тексте первой части пояснительной записки есть важная для нас фраза: «Памятник поставлен (в проекте – В.Р.) так, что лестницею обращен во внутрь площади, а входом обращен к Новониколаевскому проспекту. (Смотри перспективу. Жаль, что при конкурсе не было приложено ни точного генерального плана площади, ни фотографий с нея, которые мне так и не удалось разыскать)». Автор этого проекта предлагал двойную символику роли такого памятника

для людей новой эпохи: «Если на площади у памятника море человеческих толп будет осуществлять свою политическую жизнь, как творцы ея, то во внутренности памятника они явятся как ученики, созерцающие дни Величайшей в мире Русской революции».

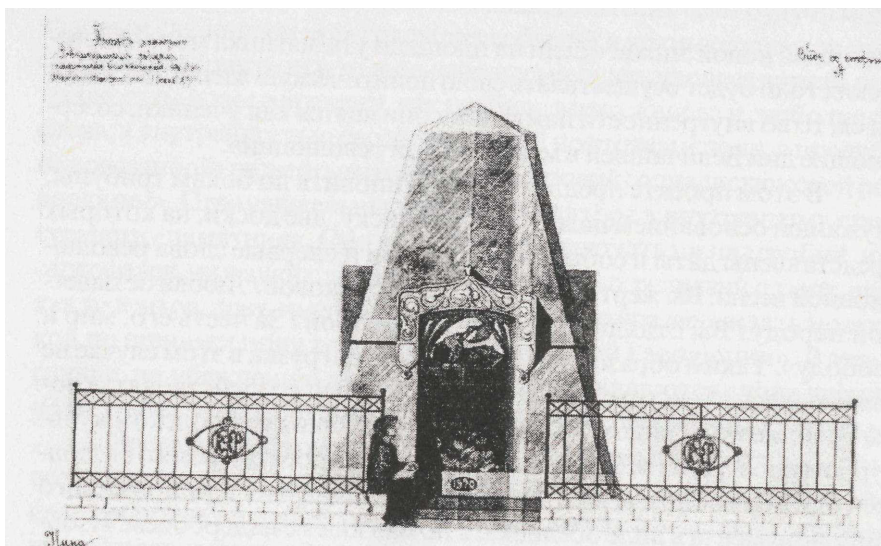
В этом проекте предлагалось установить по бокам трибуны, служащей основанием памятнику-обелиску, две доски, на которых представлены даты и события революции и «первые слова революционной песни: Вы жертвою пали в борьбе роковой / Любви беззаветной народу / Вы отдали все что имели с собой / За честь его, мир и свободу». Таким образом, символическая нагрузка в этом случае не связывалась с текстом, памятник должен был воздействовать своим грандиозным видом и местом расположения в городском культурном пространстве. Главная идея первого проекта – памятник должен быть символом великого события – видна и из предложенного типа монумента в виде обелиска, а не мавзолея с надгробием. Изображение на иллюстрации №1 воспроизводится **впервые** по копии с одного из листов подлинника чернобелого чертежа с эскизом⁴. К сожалению, на копии не видна пятиконечная звезда, завершающая на эскизе верхнюю часть памятника.

На иллюстрации №2 представлен второй из самых ранних проектов памятника революционным борцам в г. Ново-Николаевске (другие варианты названия – «революционным бойцам, замученным колчаковцами» и «замученным колчаковцами в новониколаевской тюрьме (декабрь 1919 г.)») под девизом «Нина», присланный от секции ИЗО Томского отдела народного образования и оказавшийся в фонде губернского отдела коммунального хозяйства. Автор объяснял, что при составлении проекта он обращал внимание на «простоту композиции ..., монументальность сооружения, легкость его выполнения и на выразительность самого проекта. Для достижения последней цели ... пришлось скомпоновать четыре стороны памятника снабдив их различными надписями». Символика надписей раскрывает особую роль памятника в представлении автора. Вид со стороны «А» (главный)

---

⁴ ГАНО. Ф. 1124. Оп.4. Д.29. Л. 41–46 (с двух сторон) и 4 листа чертежей; Анализ пояснительной записки к проекту и гипотеза о возможном авторе проекта впервые были даны: Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг. ... С. 268–274.

Илл. 2 Проект памятника революционным борцам в г. Ново-Николаевске под девизом «Нина» (1920г.)

Илл. 3 Сквер Героев революции (г. Новосибирск)

изображал «грудю тел замученных Борцов за свободу», надпись предлагалась: «Вы сеяли разумное доброе вечное, спасибо сердечное скажет Вам освобожденный народ». Со стороны «Б» помещено изображение женщины – матери замученных героев, «которая, будучи убита невыразимым горем, обхватила голову руками и склонилась над своими детьми». Оно дополнено надписью: «Дети мои, жаль мне Вас, но Ваша смерть есть гордость Вашей матери». На стороне «В» помещено изображение живого борца за свободу, «который обнажив стальной меч в левой руке держит красное знамя и попирая ногой черного реакционера, горит желанием до конца бороться за свободу». Этот образ дополняет текст: «Товарищи память о Вас не умрет и Ваша смерть в каждом из нас родит жажду мести». На четвертой стороне «Г» изображены жены героев и написано: «Дорогие наши друзья Мужественно Вы встретили смерть, но не с меньшим мужеством мы перенесем с Вами разлуку». В цитатах сохранена пунктуация рукописного подлинника пояснительной записки к проекту под девизом «Нина». Изображение также воспроизводится **впервые** по копии с подлинника цветного эскиза⁵. В цитируемых отрывках из обеих пояснительных записок сохранена орфография и пунктуация рукописного подлинника.

Иллюстрация №3 представляет один из ранних реализованных проектов, заложивших в западносибирском городском пространстве первую советскую символическую координату⁶. Наиболее известным и в настоящее время мемориальным местом Новосибирска является сквер Героев революции. Сейчас мемориальный комплекс носит название «Сквер Героев, павших в годы Гражданской войны». Его смысл трактуется в современных описаниях каталога к своду памятников⁷ следующим образом: «Мемориальный сквер является

---

⁵ ГАНО. Ф. 1124. Оп.4. Д.29. Л. 23, 33-37. (Анализ пояснительной записки к проекту и гипотеза о возможном авторстве также впервые даны в указанной монографии В.Г. Рыженко).

⁶ См.: Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков. Альбом / Составитель Е.А. Кузнецова. Новосибирск, 2003. С. 106 (по атрибуции составителя фотография отнесена к 1930-м гг.)

⁷ Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Книга 1. г. Новосибирск. Новосибирск. 1998. С. 70.

скорбным свидетельством переломной эпохи в жизни города, памятником жертвам и героям революционных лет».

В советскую эпоху он считался наиболее впечатляющим историко-революционным памятником города и с 1974 г. был взят под государственную охрану. Его художественная ценность в архитектуре города отмечена в историко-градостроительных трудах С.Н. Баландина и Б.И. Оглы, где подчеркивалось глубокое образное содержание лаконичной художественной формы, ее соответствие духу времени. Как отмечается в одном из современных областных хроникально-документальных изданий, часть памятника – рука, сжимающая факел, долгое время была символом Новосибирска.

В текстовой справке источника информации, по которому воспроизведено изображение, сведения об авторах этого главного памятника мемориального сквера повторяют опубликованные ранее в краеведческой и научно-справочной литературе фамилии художника В.Н. Сибирякова и инженера А.И. Кудрявцева. Вместе с тем обнаруженные нами архивные документы свидетельствуют о единоличном авторстве проекта, от идеи до строительства памятника.

В фонде Новониколаевского губернского отдела коммунального хозяйства хранятся материалы, связанные с постройкой памятника⁸. Они до сих пор не привлекались отраслевыми исследователями и историками культуры советской Сибири. Они были обнаружены в 2003 г. В.Г. Рыженко. Из текста рукописного варианта договора, датированного 6 июня 1922 г., узнаем, что художник Василий Иванович Невский и художник-скульптор Василий Николаевич Сибиряков заключили условие с производителем работ инженером Александром Ивановичем Кудрявцевым и взяли на себя сделать из представленного им готового материала «цементные руку и факел для памятника на Красной площади в гор. Ново-Николаевске по проекту инженера Кудрявцева в размерах, указанных в проекте». Кроме этого, они обязались «участвовать по заданиям инженера Кудрявцева в разработке модели скалы обелиска и вазы (вазы могут быть заменены декоративными столбиками)». В докладной записке на имя заведующего губернским коммунальным отделом, относящейся к июню

---

⁸ ГАНО. Ф. 1124. Оп. 3. Д. 129.

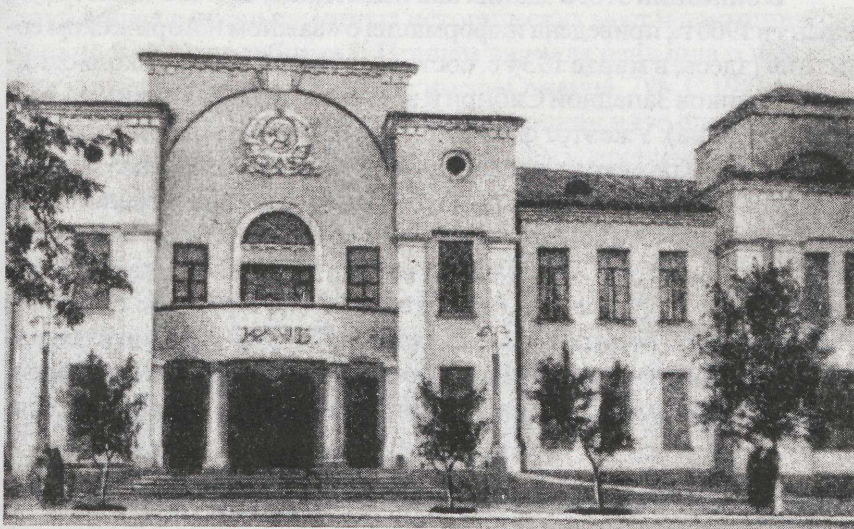
1922 г., Кудрявцев оговорил свои условия «за организацию и ответственное распоряжение всеми строительными работами по сооружению памятника на Братской могиле по собственному моему проекту».

В документах, связанных с подготовкой к торжественному открытию памятника, содержится важная дополнительная деталь проектного замысла Кудрявцева. В акте о приемке памятника от 6 ноября 1922 г. было отмечено соответствие утвержденным эскизам и назначению, но оговорено, что «пока к открытию памятника временно установлено съемное пламя из железобетона, по этим соображениям через насыпь, скалу, факел пропущен в пламя бронированный кабель для установки в будущее время электрического освещения». Комиссия отмечала «крайнюю желательность установки в ближайшее время стеклянного светящегося пламени как безусловно усиливающего художественный вид всего памятника». Однако это осталось нереализованным.

В обнаруженных архивных материалах отсутствует прямая привязка к выполнению указаний из Центра, связанных с «ленинским планом» монументальной пропаганды, кроме уже указанного выше факта приемки памятника 6 ноября 1922 г. для открытия в очередную годовщину Октября. Что же касается замысла и воплощения, то они, бесспорно, являются «местными» по происхождению и укоренению в соответствующем культурном ландшафте в качестве символического ориентира его новизны. И в этом отношении интересны детали, связанные с первоначальным смыслом этого памятника-символа, отраженные в его названии. В одном из документов за подписью губернского архитектора инженера Раммана по поводу потребности в изготовлении пламени из цветного стекла памятник именуется «В память павших борцов за Свободу». Само архивное дело названо «Материалы о постройке памятника жертвам революции на братской могиле (ныне памятник «Красный факел» в г. Новониколаевске)». Таким образом, примерно до середины 1920-х гг. существовало обозначение памятника по его главному символическому признаку, в котором олицетворялась идея вечной памяти павшим.

Илл. 4. Клуб железнодорожников в г. Новосибирске (1926г.)

Илл. 5. Клуб им. З.И. Лобкова в г. Омске (1927г., архитектор С.М. Игнатович)

3.2. Рабочие клубы и Дворцы культуры – особые детали культурного пространства советского города (комментарии к иллюстрациям №4-9)

Одной из важных деталей городского культурно-цивилизационного ландшафта (КЦЛ) советской эпохи и одним из знаковых символов советской культуры является рабочий клуб. По мнению известного искусствоведа и исследователя советской архитектуры В.Э Хазановой, строительству клубов и домов культуры отводилось особое место в общих жизнестроительных замыслах эпохи и роль особой среды, где рождается власть над сознанием миллионных масс и формируется «новый человек»⁹. Вслед за Хазановой необходимо подчеркнуть, что ранний этап клубного строительства (1919–1924 гг.) сопровождался бурными поисками формы «пролетарского второго дома». Однако, если искусствовед видит в качестве главной черты этого процесса постепенный отказ от идей и образов «народных домов», которые появляются в пространстве российских городов преимущественно в 1910-е гг., то этот признак характерен для поисков «столичных» архитекторов. Воспроизведенное на иллюстрации №4 изображение первого рабочего клуба в Новосибирске – клуба железнодорожников¹⁰, построенного в 1926 г., не производит впечатления сооружения, выполненного в стиле «новой эпохи».

В новейшем каталоге «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства г. Новосибирска»¹¹ это здание характеризуется как сооружение «нового для своего времени типа, значительно отличающееся от дореволюционных построек крупным масштабом и строгостью архитектурного декора». Таким стилем реального проектирования, как известно, с 1926–1927 гг. становится конструктивизм. По мнению С.Н. Баландина, с этого времени архитектура

---

⁹ Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клубов. 1917–1941. М., 2000. С.2.

¹⁰ Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков ... С. 142. (По атрибуции составителя альбома фотография датирована 1928 г.).

¹¹ Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Каталог. Кн. 1. С. 156.

Новосибирска получает конструктивистский оттенок¹². Однако авторы приведенной новейшей справки избегают термина «конструктивизм» применительно к клубу железнодорожников, хотя в предисловии к каталогу подчеркивается, что его материалы позволяют подтвердить мнение о Новосибирске как столице конструктивизма.

Заметим, что С.Н. Баландин не упоминает о строительстве клуба железнодорожников, выделяя в качестве особо примечательного клубного здания города второй половины 1920-х гг. клуб Совторгслужащих (полное название Клуб советских торговых служащих). Судя по фотоснимку из того же альбома (С. 122) и его изображениям в отраслевых изданиях, здание, сооруженное в 1928 г. (проект инженера И.А. Бурлакова) действительно относится к признакам нового конструктивистского облика Новосибирска. Относительно даты его постройки в отраслевой литературе имеются разночтения. В книге Б.И. Оглы «Новосибирск: от прошлого к будущему» (Новосибирск, 1991) среди снимков на вклейках приведена фотография клуба Совторгслужащих с датировкой 1926–1927 гг. (в упомянутом новейшем каталоге дана датировка – 1928 г.)

В описании этого здания как памятника, взятого на местную охрану в 1960 г., приведена информация о «важном историческом событии» (здесь, в марте 1934 г. состоялся II краевой слет колхозников-ударников Западной Сибири и вручение М.И. Калининым краю ордена Ленина). Уже этот факт свидетельствует о неординарном значении клуба. Кроме того, оговорены еще три признака культурологического характера. Во-первых, клуб Совторгслужащих представлен как пример первого социалистического рабочего клуба, где предполагалось развернуть масштабную работу среди населения; во-вторых, его местоположение в центре города и «на одной оси с Театром оперы и балета, кинотеатром «Победа» и театром «Красный факел» – во многом определило активную роль улицы Ленина как культурного центра города»; в-третьих, эстетика здания, характерная для конструктивистского

---

¹² Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства. 1893–1945 . С. 79.

направления в архитектуре, должна была подчеркнуть «новаторство строящегося социалистического общества»¹³.

С 1934 г. этот клуб носил имя И.В. Сталина; в справочных и научно-популярных изданиях 1930-х – 1950-х гг. к его характеристике добавляется определение – «большой клуб». Все это подчеркивает его официальное ведущее место среди клубных учреждений города. В нем было два вместительных зрительных зала, по сравнению с другими клубами, имевшими только по одному залу, хотя зал клуба железнодорожников и не намного уступал по вместимости большому залу клуба имени Сталина. По данным на середину 1930-х гг. зрительный зал клуба «Транспортник» работников железнодорожного транспорта имел 734 места, однако только основной зал клуба имени Сталина профсоюза работников кооперации вмещал 867 человек, его малый зал принимал еще 400 человек, а его дополнительный третий – физкультурный зал был рассчитан на 200 человек¹⁴.

В популярном послевоенном издании о Новосибирске, где город был назван «детисцем сталинской эпохи», единственным упомянутым «большим клубом» оказался клуб имени Сталина, с датой открытия 1928 г., была приведена его фотография¹⁵. В дальнейшем клуб вошел в число памятных исторических мест и достопримечательностей Новосибирска. Причем вначале речь шла о нем как о клубе имени Сталина (Проспект имени Сталина, 7)¹⁶. С 1961 г. клубу было присвоено имя Октябрьской революции и его стали называть Домом культуры профсоюза работников государственной торговли и потребкооперации.

В материалах Свода памятников истории и культуры Новосибирской области переименования клуба не учтены, что не может не снижать информативную ценность паспортного описания. Тем более, что смена имени является существенной культурологической характеристикой

---

¹³ См.: Памятники истории, архитектуры и монументального искусства... С. 93.

¹⁴ Новосибирск. Справочник по городу и району / Отв. ред. А. Львов. Новосибирск, 1935. С. 275–277.

¹⁵ Протопопов Н. Наш город. Новосибирск, 1951. (Библиотечка школьника-краеведа). С. 3, 51, 62.

¹⁶ См.: Новосибирск. Памятные места и достопримечательности. Новосибирск, 1961. С. 93–94.

этого элемента КЦЛ города 1930-х – 1950-х гг. и советской культуры в целом. (Заметим, что и в трудах сибирских историков градостроительства нарушался принцип соответствия историческим реалиям, когда в описаниях послевоенных планов реконструкции Новосибирска площадь имени Сталина называлась уже площадью имени В.И. Ленина).

На иллюстрации №5 приведено изображение еще одного из самых ранних советских рабочих клубов в крупном западносибирском городе. В путевых заметках наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского, побывавшего в месячной поездке по Сибири в декабре 1928 г. в качестве образцового типа «сибирского рабочего клуба» им отмечен клуб в Ленинск-Омске – городке, как замечает нарком, почти уже фактически слившемся с Омском и сплошь заселенном рабочими-железнодорожниками¹⁷. Примечательно уточнение, сделанное Луначарским, относительно того, что этот сибирский тип клуба, впервые увиденный им в Омске, потом он встречал часто, только здесь он «выражен лучше всего». (Однако при описании «столицы» Сибири из клубов Новосибирска нарком не выделил ни один, а также не отметил сходство с омским клубом).

В своей высокой оценке А.В. Луначарский имел в виду внутреннее образцовое содержимое: «не только прекрасную, светлую, приспособленную для театральных собраний залу, но еще и интересное фойе, и комнату для детей, которых здесь оставляют родители, пришедшие провести вечер в клубе, хорошо организованные кабинеты и т.д.». Особенности внешнего вида здания омского клуба наркомом не были отмечены. В отношении изменившегося общего культурно-цивилизационного ландшафта Новосибирска, напротив, нарком подчеркивал, что в этом оригинальном городе, выросшем в 200-тысячную столицу, появилось много превосходных новых громадных зданий, вольно варьирующих американские мотивы, и которые выгодно отличаются от угрюмых и тяжеловесных московских построек, больше ориентированных на немецкую архитектурную моду¹⁸.

Единственная и весьма краткая характеристика регионального специалиста по истории градостроительства и архитектуры принадлежит

---

¹⁷Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л., 1929. С. 9.

¹⁸Луначарский А.В. Месяц по Сибири ... С. 13–14.

В.И. Кочедамову, который указал, что в 1927 г. в Омске было закончено сооружение «крупного общественного здания – клуба им. З.И. Лобкова с залом на 1200 мест» (автор проекта – инженер С.М. Игнатович)¹⁹. По сведениям искусствоведа И.Г. Девятьяровой С.М. Игнатович являлся членом группы конструктивистов в Омске. В современных справочниках-путеводителях по Омску здание клуба отнесено к стилю конструктивизма. Тем не менее, внешний вид омского клуба, как и в случае с новосибирским клубом железнодорожников не ассоциировался у наркома просвещения А.В. Луначарского с первыми образцами советских клубов, выполненных в конструктивистском стиле в столице.

Сравнение изображений внешнего вида двух клубов железнодорожников, появившихся в Омске (Ленинске-Омске) и в Новосибирске во второй половине 1920-х гг., показывает больше сходства с типичными двухэтажными зданиями железнодорожных вокзалов, имеющими трехчастное деление основных объемов, выделяющийся центральный фасад с главным входом и соответствующей символической атрибутикой. Примета новой эпохи в омском варианте-лаконичная надпись «клуб», в Новосибирске над надписью «железнодорожный клуб» помещена еще профессиональная эмблема. Оба здания можно отнести к координатам переходного состояния КЦЛ крупного западносибирского города.

Следует учесть, что В.Э. Хазанова хронологически связывает поиск внешних форм рабочих клубов на их пути к Дворцам культуры и к новому социальному предназначению с периодом от конца 1920-х до середины 1930-х гг. Таким образом, и в целом можно считать роль конструктивистских клубных зданий в советской культуре переходной от «горячей культуры 1» к «застывающей культуре 2» (Вл. Паперный). Из клубных построек на территории Западной Сибири, знаменующих органическую связь клубной жизни с организацией всего культурного пространства социалистических городов, Хазанова приводит только фотографию Дворца Культуры в Сталинске, сооружение которого в подписи датировано 1936 г.²⁰

---

¹⁹ Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960. С. 63.

²⁰ См.: Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клубов ... С. 110; См. иллюстрацию №7.

Илл. 6. Дворец культуры в г. Сталинске (1939г.)

Илл. 7. Дворец культуры металлургов в г. Сталинске (1939г.)

На иллюстрации №7 воспроизведено изображение Дворца культуры металлургов в Сталинске в предвоенные годы. По свидетельству архитектора В.П. Громова, Дворец воспринимался тогда как одна из основных частей центра первого настоящего социалистического города Сибири, «в котором трудящиеся найдут все, что им нужно для творческой работы, разумного, культурного отдыха и для жизни социалистической семьи»²¹. При сравнении этих двух визуальных «текстов» возникает ощущение, что перед нами разные по времени слои культурно-цивилизационного ландшафта советской сталинской эпохи: довоенный и послевоенный. Причем второй вид (илл. №7) также может рассматриваться как переходная форма по сравнению с региональными «столичными» (новосибирскими) клубными постройками начала 1950-х гг. (илл. №8–9). Проекты зданий Дворцов культуры имени А. А. Жданова и имени А.М. Горького принадлежат к ярко выраженным примерам сталинского неоклассицизма с его экспрессивной декоративностью, к пласту окончательно «застывшей», по выражению Вл. Паперного, советской культуры-2. Их назначение своей монументальностью олицетворяет в городском пространстве особо торжественные места с доминантами в виде специальных зданий для коллективного праздничного общения, пронизанного пафосом мирной благополучной жизни.

Примечательно, что в послевоенные годы некоторые прежние здания клубов подверглись реконструкции, имевшей место и в Сибири уже в 1946 г. Об этом сообщалось в центральных изданиях²². Затем образ советского клуба получил на излете сталинской эпохи новое официальное толкование²³. Теперь в качестве главного признака клуба становились «черты народности». Подчеркивалось, что «при создании архитектурного образа клуба или Дворца культуры, где бы они ни строились – в Казахстане или на Урале, в Белоруссии или в Сибири – всюду зодчие исходят, в первую очередь, из требований народа, развивают лучшие достижения национальной культуры, отбрасывая все случайное, надуманное и предвзятое».

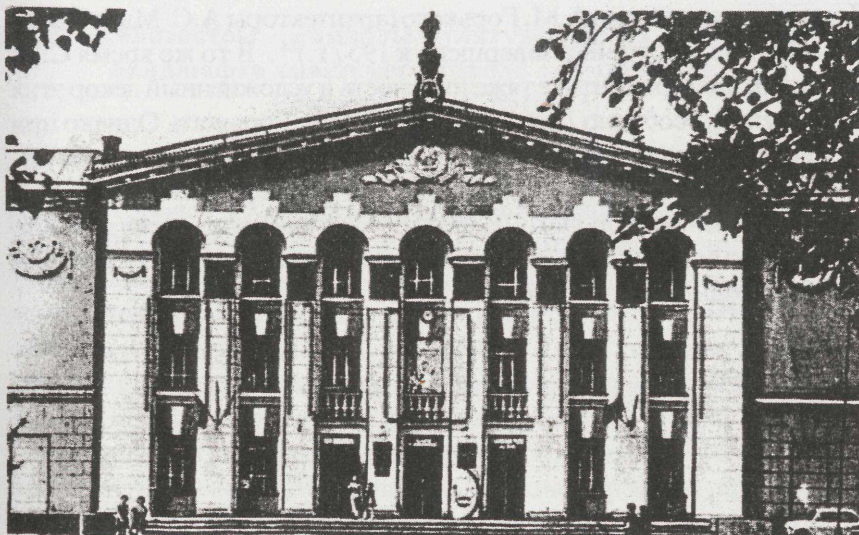
---

²¹ См.: Сибирские огни. Новосибирск. 1939. №4. С.71–77; выделено нами – В.Р.

²² Архитектура и строительство. М., 1946. №14. С. 24.

²³ См.: Лагутин К., канд. искусствоведения. Образ советского клуба // Советская архитектура. Сборник Союза Советских архитекторов СССР. М., 1952. С. 26–35.

Илл. 8. Дом культуры им. А.А. Жданова в г. Новосибирске (1953г., арх. В.А. Добролюбов)

Илл. 9. Дом культуры им. А.М. Горького в г. Новосибирске (1957г., арх. А.С. Михайлов и В.С. Внуков)

Историкам-культурологам еще предстоит осмыслить, как соотносился официальный идеологический замысел послевоенных лет с практикой отображения подвига победителей героизма воинов на фронтах Отечественной войны и труда советского народа на заводах и на колхозных полях в художественных полотнах и архитектурных сооружениях, с их региональной спецификой и реальными социокультурными процессами. Что же касается образцовой установки по отношению к новизне композиции послевоенного клубного здания, то «для того, чтобы устранить черты прежнего конструктивистского плана», К. Лагутин рекомендовал ориентироваться на одобренные примеры создания «высокохудожественного и идейного архитектурного облика культурно-просветительного общественного сооружения». В качестве таковых предлагались: Дом офицеров в Свердловске (архитектор В. Емельянов, постройка 1940 г.) и Дворец культуры в Златоусте, строительство которого было начато в 1943 г. (архитектор М. Братцев). Заслуживает внимания тот факт, что именно в реализованном предвоенном проекте В. Емельянова преодоление нежелательных черт конструктивизма воплотилось в такой принципиальной детали как высотная башня.

Общеизвестно, что именно эта деталь стала принципиальным победоносным символом послевоенного большого стиля сталинской эпохи. Однако применительно к клубным зданиям конца 1940-х – начала 1950-х гг. все-таки эта архитектурная деталь менее типична, чем античный портик и колонны, олицетворявшие образ Дворца. Одновременно комплекс этих архитектурных деталей в совокупности с идеями масштабной реконструкции центральных площадей городов должны были воплотить героическую тему всенародной победы и триумфа. Для крупных городов Западной Сибири, прежде всего, для Новосибирска, по мнению С.Н. Баландина, черты нового этапа советской культуры (Большого стиля и соцреалистического канона – В.Р.) воплотились в двух упомянутых и представленных в визуальных «текстах» (см. илл. № 8–9) клубных зданиях: Дома культуры имени А.А. Жданова (архитектор В. А. Добролюбов, постройка 1953 г.) и

Дома культуры имени А.М. Горького (архитекторы А.С. Михайлов и В.С. Внуков, постройка завершена к 1957 г.)²⁴. В то же время С.Н. Баландин подверг критике тяжеловесность и усложненный декор этих сооружений, особенно Дома культуры имени Горького. Однако при этом он подчеркнул ансамблевость в застройке площади вокруг ДК и улицы Богдана Хмельницкого, что достигалось симметрично расположенными по сторонам ДК шестиэтажными башенными домами, увенчанными небольшими башенками со шпилями (на иллюстрации №9 виден один из этих домов).

---

²⁴ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986. С. 38–39.

3.3. Кинотеатры – символы культуры 1930-х – 1950-х гг. и ландшафта советского города (комментарии к иллюстрациям №10–13)

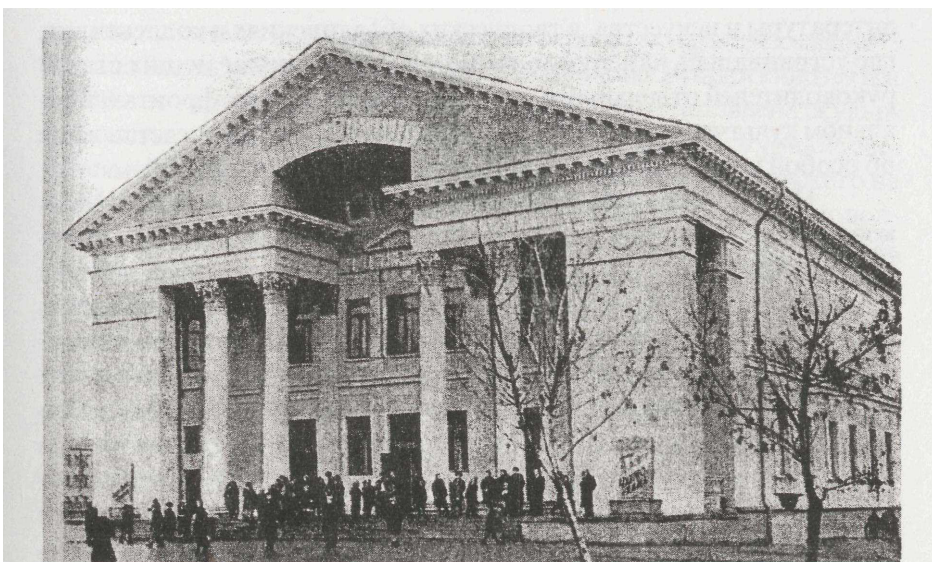
Среди элементов культурно-цивилизационного ландшафта российских городов XX века (столичных и провинциальных), свидетельствующих о переходе к индустриально-урбанизированному типу культуры, выделяются здания, первоначально именовавшиеся электротеатрами (синематографами), а затем кинотеатрами. Советская эпоха придала им новые названия, причем в отдельных случаях с символическими посвящениями. Приведенные на иллюстрациях №10–13 изображения (визуальные «тексты») следует отнести к числу знаковых для советской культуры. Имеется в виду, что внешний облик зданий кинотеатров символизирует не только трансформации внутри культурного пространства западносибирского крупного города, но и отражает перемены в общих идеологических установках, определявших формирование координат инфраструктуры советской культуры, и изменение мифологем, ориентированных на закрепление памяти об определенных исторических событиях и официально признанных деятелях социалистической культуры.

Особым символом советской культуры являлся поэт-«трибун революции» В.В. Маяковский. В качестве такового он становится с середины 1930-х гг. после опубликованной в «Литературной газете» 12 декабря 1935 г. оценки И.В. Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей советской эпохи, безразличие к его памяти и его произведениям – преступление»²⁵. Л. Максименков придает этому афоризму роль детонатора взрыва для развертывания первой крупной идеологической кампании, которая положила начало утверждению превосходства социалистического реализма как единственного творческого метода в советской культуре над «формализмом и натурализмом» искусства революционной эпохи. Одновременно он подчеркивает противоречивый характер сталинского высказывания. Вне зависимости от процессов, происходивших внутри сферы

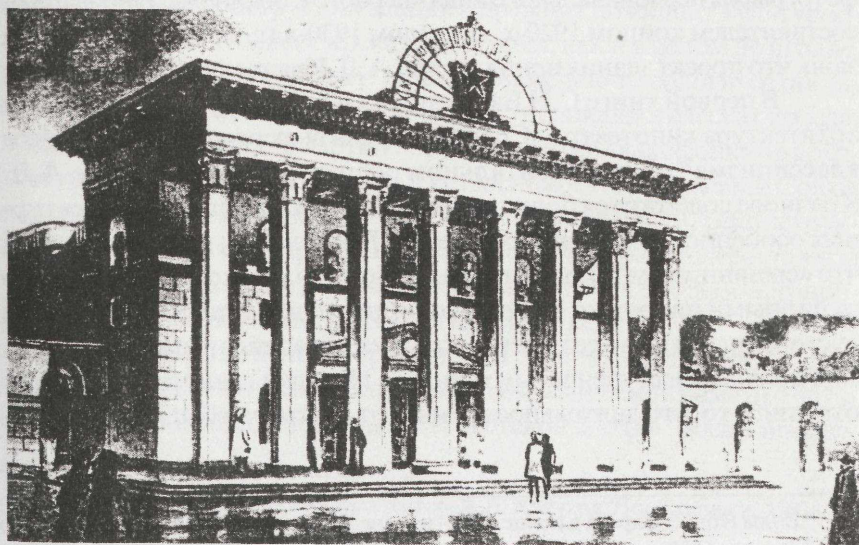
---

²⁵ Цит. по: Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. М., 1997. С. 17.

Илл. 12. Кинотеатр «Ударник» в г. Сталинграде (1949 г., арх. С.Якин)

Илл. 13. Проект кинотеатра «Победа» в г. Новосибирске (арх.Г.Ф. Кравцов, Б.А. Биткин, А.П. Мордвов)

Илл. 10. Кинотеатр им В.В. Маяковского в г. Новосибирске

Илл. 11. Кинотеатр им В.В. Маяковского в г. Омске

литературы и искусства, в творческих объединениях и коллективах, где устраивались «диспуты» по поводу основополагающих статей руководителей отдельными участками «культурного фронта», в реальном культурном ландшафте городов закрепляется представление об особой ценности В.В. Маяковского для советских людей.

На иллюстрации №10 – здание кинотеатра имени В.В. Маяковского в Новосибирске. Это изображение воспроизводится по фотографии середины 1950-х гг. из уже упоминавшегося альбома «Виды Новосибирска»²⁶. Однако здание имеет весьма примечательную предшествующую символическую историю, запечатленную на более ранних снимках, имеющих в том же альбоме. У истоков находится кинотеатр с менявшимися в соответствии с ведомственной принадлежностью названиями («Роскино», «Госкино», «1-е Совкино»). Здание было построено в центре Новониколаевска в 1922–23 гг. на пересечении главной улицы города, символически переименованной после освобождения от колчаковцев из Николаевского проспекта в Красный путь, и улицы, также изменившей прежнее название «Болдыревская» на «Октябрьскую». В альбоме имеется фотография первоначального вида «первого Совкино», датированная составителем концом 1920-х – началом 1930-х гг.²⁷. В описании указано, что проект здания принадлежит А.Д. Крячкову.

В первой книге С.Н. Баландина о Новосибирске сказано, что архитектура кинотеатра «Совкино» была выдержана в формах неоклассицизма²⁸. В документальном очерке С.Н. Баландина о А.Д. Крячкове содержится более детальная характеристика архитектурных особенностей этого сооружения. В частности, подчеркивается, что «срезанный» угол кинотеатра, где находился вход, фланкировался парными пилонами с узкими оконными проемами между ними, рустованными на высоту первого этажа объединенными карнизом с модульонами и ступенчатым аттиком. Историк градостроительства отметил и то, что длительное время этот кинотеатр был самым большим

---

²⁶ Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков ... С. 90.

²⁷ Там же. С. 89.

²⁸ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. С. 59.

по вместимости и пользовался популярностью среди населения²⁹. Однако Баландин не упоминает об авторе реконструкции кинотеатра в 1930-е гг., когда, как указано в альбоме, была установлена скульптура поэта. В связи с обнаруженными в центральном журнале сведениями о реконструкции фасада кинотеатра имени Маяковского на Красном проспекте архитектором Л.А. Яновицким³⁰ возникает вопрос о дополнительном поиске. Тем более, что одновременно здесь же упомянуто о частичной реконструкции фасадов и изменении внутренней планировки бывшего Дома Ленина – Театра юного зрителя (архитектор В.М. Тейтель), а она датируется 1944 г.

В воспроизводимом «тексте» (иллюстрация №10) обращает на себя внимание официальная маркировка – «Кинотеатр имени Маяковского» над центральной частью здания, которая, как уже отмечено, по описанию составителя отнесена к 1930-м гг. как и скульптура поэта над входом в кинотеатр. В справочнике по городу, выпущенном в 1935 г., кинотеатр упомянут еще как «1-й Роскино»³¹.

Монументальные архитектурные постройки, выполненные с использованием классического наследия, а также работы по соответствующей реконструкции зданий – прежних доминант культурного пространства Новосибирска приходятся, как и в целом по стране, на вторую половину 1930-х гг. Новый социально-идеологический заказ на архитектуру, выражающую «радость социалистических побед», и одновременно призыв партии бороться против «какофонии» в архитектуре обсуждались на диспуте в Новосибирском отделении Союза советских архитекторов в 1936 г.³² По всей видимости, реконструкция внешнего облика прежнего здания кинотеатра стала составной частью подобных работ, а присвоение имени поэта продемонстрировало оперативный отклик на рекомендации вождя.

Обращение к иллюстрации №11 дает возможность увидеть другой «местный» вариант воплощения символической памяти о «лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи». Воспроизведено

---

²⁹ Баландин С.Н. Сибирский архитектор. А.Д. Крячков. Новосибирск, 1991. С. 98–99.

³⁰ Архитектура и строительство. М., 1946. С. 24.

³¹ Новосибирск. Справочник по городу и району. Новосибирск, 1935. С. 275.

³² ГАНУ. Ф.1444. Оп.1. Д.4. Л. 1–9.

изображение кинотеатра имени Маяковского в Омске на почтовой открытке 1960 г. из коллекции Д.А. Алисова. Относительно времени сооружения и архитектурного своеобразия этого здания в книге В.И. Кочедамова сказано: «В 1957 г. закончено здание двухзального кинотеатра (по типовому проекту). Стройное по пропорциям и силуэтам с крупной лоджией входного портика, оно удачно фиксирует начало двух важных магистралей северной части Омска – улиц Красный Путь и имени Орджоникидзе»³³. Сделанное Кочедамовым уточнение, что в основе постройки «типовой проект», можно расценивать как деталь, характеризующую процесс унификации культурно-цивилизационного ландшафта советских городов.

Однако интересен образец, взятый для тиражирования. Возможно, что в качестве типового проекта мог использоваться реализованный в 1949 г. проект кинотеатра «Ударник» (архитектор С. Якшин). Этот кинотеатр был построен в ходе восстановления Сталинграда в районе тракторного завода, о чем сообщалось в статье главного архитектора Сталинграда в журнале «Архитектура и строительство»³⁴. Там же была помещена фотография кинотеатра. Добавим, что в дополнительной информации к первому выпуску ежегодника «Советская архитектура» за 1949 г., изданном в 1951 г., сообщалось, что двухзальный кинотеатр «Ударник» в Сталинграде удостоился почетной грамоты на конкурсе по РСФСР за 1950 г.³⁵. На иллюстрации № 12 воспроизводится внешний вид кинотеатра «Ударник» по приведенному в ежегоднике изображению. На нем видна надпись внутри лоджии с названием кинотеатра.

Сходство внешнего вида двух зданий прослеживается от лоджии портика, количества колонн – по две с каждой стороны от центрального входа, до декоративных лепных гирлянд, долженствующих обозначать триумф Победы. Существенное отличие состоит в том, что над лоджией в кинотеатре «Ударник» помещена пятиконечная звезда. В Омске эта часть портика занята надписью «кинотеатр». В пользу гипотезы о «сталинградском» варианте не столько как «типовом»,

---

³³ Кочедамов В.И. Как рос и строился город Омск... С. 81.

³⁴ Архитектура и строительство. М., 1950. №7. С. 14.

³⁵ Советская архитектура. Ежегодник. Вып.1. М., 1951. С. 147–148.

а скорее в соответствии с культурными ориентирами сталинской эпохи как «образцовом и классическом», свидетельствует то, что по замыслам советских градостроителей Сталинград должен был превратиться после войны в город – памятник Победе. Следовательно, построенные в его пространстве отдельные общественные сооружения обладали изначально заданной общезначимой триумфальной символикой. Примечательно, что в начале 1950-х гг. похожий фасад кинотеатра встречается в проектных эскизах академика архитектуры И.В. Жолтовского – признанного мастера (хотя и попадавшего под критику – В.Р.), умело внедрявшего в советскую архитектуру классическое наследие³⁶.

Иллюстрация №13 показывает еще один символический элемент послевоенного культурно-цивилизационного ландшафта крупного города советской эпохи – проект кинотеатра под знаковым названием «Победа». Появление в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в советских городах кинотеатров под таким названием вполне естественно. Характерно только, что в Новосибирске и в Омске такие кинотеатры возникают путем реконструкции других сооружений, различающихся по своим первоначальным функциям и их трансформациям. Для Омска это очередное приспособление бывшего культового здания – Казачьего Никольского собора «под культурные нужды»³⁷.

В Новосибирске ситуация более естественна, так как реконструкции подвергся кинотеатр «Октябрь». На указанной иллюстрации воспроизведено изображение проекта кинотеатра «Победа» в Новосибирске³⁸. Реализация проекта – пример характерных трансформаций элементов культурного пространства города в условиях апогея «Большого стиля» сталинской эпохи. Примечательно, что кинотеатр «Октябрь» в свою очередь являлся продуктом предшествующего перехода от революционно-романтических поисков местных архитекторов к ценностям соцреалистического искусства и сталинской культурной

---

³⁶См.: Советская архитектура. Сборник Союза советских архитекторов. М., 1953. №4. С. 63.

³⁷Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск, 2003. С. 103, 177

³⁸Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986, вклейка с фотографиями между С. 64–65.

революции. Он возник в 1936 г. из реконструкции кинотеатра «Пролеткино», построенного в 1925 г. в составе комплекса сооружений «Дворца Труда». Реконструкцию осуществил архитектор В.С. Масленников. Сам комплекс также был реконструирован в 1936 г. и надстроен на два этажа по проекту архитекторов И.С. Алексеева и Т.Я. Бардта. Благодаря фотографиям из альбома «Виды Новосибирска» можно увидеть процесс предвоенных трансформаций³⁹. Но и позже, по сведениям В.М. Пивкина, он дважды (в 1951 и в 1959 гг.) подвергался перестройкам, усилившим его неоклассический облик⁴⁰.

По сведениям С.Н. Баландина открытие кинотеатра «Победа» состоялось 5 октября 1951 г. демонстрацией фильма «Падение Берлина». Он же отмечает еще одно важное социокультурное изменение роли обновленного кинотеатра – «его местоположение расширило ареал сосредоточения учреждений культуры в центральной части города»⁴¹. Однако внешние архитектурные достоинства здания он оценил невысоко. Отметив, что авторы «откровенно пошли по пути декоративного решения фасадной части здания: восьмиколонный портик и округлая стена с арками, образующая аванплощадь перед зданием, не были органично вписаны в существующую часть бывшего кинотеатра «Октябрь», которая осталась без изменения», С.Н. Баландин добавил дополнительно: «Ордерные формы «приставного» портика и другие элементы и формы архитектуры псевдоклассицизма носят сугубо субъективный характер, примитивный рисунок, имеют грубоватое строительное качество»⁴². К тому же, как оказалось, не были реализованы проектные символические детали фасадной композиции портика – ниши с бюстами героев войны и декоративные вазы в арках стены по сторонам портика. Эти детали видны на иллюстрации №13.

---

³⁹ См.: Виды Новосибирска ... С. 119, 145, 146.

⁴⁰ Пивкин В.М. Новосибирские академики. Очерки об архитекторах... С.82–83.

⁴¹ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. С. 36–37.

⁴² Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985гг. ...С. 37.

Приведенное мнение известного сибирского историка градостроительства также субъективно и принадлежит периоду переоценок послевоенного этапа в истории страны. Выше уже отмечалось, что из отраслевой литературы исчезли названия улиц и площадей, связанные с именем И.В. Сталина (равно как и в отношении планов послевоенной реконструкции сибирских городов в книге Б.И. Оглы Сталинск именуется Новокузнецком). Поэтому для изучения трансформаций культурно-цивилизационного ландшафта города советской эпохи в целом и применительно к его отдельным элементам необходимо обращаться к более широкому конкретно-историческому и интеллектуальному контексту. Следует учесть, что архитекторы и градостроители не только подчиняли свою деятельность идеологическим требованиям соцреалистического канона, но и воспринимали конкретные задачи восстановления и перспективного развития городов в конце 1940-х и в 1950-е гг. эмоционально. Поиск художественных средств для выражения в архитектурных и монументальных образах пафоса всенародной победы и триумфа был реальностью своего времени.

Остается добавить, что в дальнейшем изменения официальных эстетических и стилевых установок в советской и постсоветской культуре приводили к очередным трансформациям облика крупных городов в целом и рассмотренных в этом фрагменте кинотеатров как знаковых элементов культурно-цивилизационного ландшафта. При этом оставалась символика имени, а внешний вид зданий менялся. Самая разительная перемена произошла с кинотеатром имени Маяковского в Новосибирске, прежнее здание которого было снесено и на его месте в 1968 г. возникло типовое сооружение из стекла и железобетона. В настоящее время ведется реконструкция кинотеатра «Победа».

В Омске кинотеатр «Победа» как отдельный элемент культурного ландшафта исчезает в начале 1960-х гг. (Здание бывшего Никольского собора, по данным Н.И. Лебедевой, поочередно занимали управление культуры, музыкальная школа, управление кинофикации, спорткомитет, а с 1966 г. оно пустовало). Что касается кинотеатра имени Маяковского, то внешне он претерпевал некоторые перемены, однако здание сохранило свою знаковую роль в пространстве. В настоящее время кинотеатр именуется «Маяковский» его советский архитектурный облик почти возвращен, но «загримирован» рекламой.

3.4. Исчезнувшие символические координаты культурного пространства советского города (комментарии к иллюстрациям №14–21)

На приведенных иллюстрациях изображены монументы вождей, символические сооружения и фигуры, которые являлись наиболее характерной деталью пространства, формировавшегося с помощью архитектуры соцреализма и становившегося в сталинской культуре, по мнению К. Кларк, сакральным⁴³. При этом в качестве главного – образцового пространства подразумевалась перестроенная Москва, а остальные города должны были стремиться приблизиться к ней. Особая функция архитектуры соцреализма изображать, создавать образ, соответствующий содержанию, делать это искренне, правдиво и возвышенно, как считает Владимир Паперный, оформляется именно в советской культуре победившего социализма, в которой реалии и универсалии параллельно сосуществуют⁴⁴. Добавим, что для такого утверждения естественным дополнительным аргументом становится в послевоенные годы реальная победа над реальным врагом в Великой Отечественной войне, память о которой должна была запечатлеться в монументальных обобщенных образах. Согласно рекомендациям первого учебного пособия по основам градостроительства для архитектурных вузов (издано в 1951 г. на правах рукописи) мемориальные сооружения и памятники, посвященные крупным историческим событиям, общественным и политическим деятелям, выдающимся людям науки и искусства, должны были повышать идейно-художественную выразительность застройки центра советского города, а некоторые из них могли приобретать значение архитектурного символа города⁴⁵.

В настоящее время представление о внешнем облике, размещении в городской среде, а также в целом о роли в советской культуре

---

⁴³ Кларк Катерина. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон. Сб. под общей ред. Х. Понтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 120.

⁴⁴ Паперный Владимир. Соцреализм в советской архитектуре // Соцреалистический канон ... С. 131–133.

⁴⁵ Основы градостроительства / Гл. ред. ВВ. Бабуров. 4.5. М., 1951. С. 12,14.

монументов и обелисков – символов сакрализованного центрального пространства и стремящихся к нему в 1930-е – 1950-е гг. местных пространств, прежде всего в крупных городах, можно составить лишь по визуальным материалам. Причем наиболее ценными являются изображения тех или иных скульптурных сооружений советской эпохи в панораме городских площадей и улиц. Выявление и атрибуция таких источников в силу особенностей комплектования фондов архивов и музеев в условиях советской истории имеют свои сложности. Частные коллекции труднодоступны, хотя отдельные снимки из них включаются в краеведческие публикации. Поэтому для современного историка-культуролога остается обнаружение и систематизация визуальных источников из числа иллюстраций в периодических изданиях, ставших библиографической редкостью, особенно из отраслевых журналов, из специальных трудов исследователей архитектуры и градостроительства, из путеводителей и справочников разных лет, из краеведческой литературы. Как уже указывалось, анализ этих «текстов» предполагает сопоставление той информации, которую удастся обнаружить в письменных источниках.

Наиболее распространенными памятниками вождям на площадях советских городов, а в послевоенные годы еще и героям Великой Отечественной войны, были скульптуры и копии с них работы самых известных в СССР мастеров С.Д. Меркурова и М.Г. Манизера. Примечательно, что в начале 1950-х гг. были изданы воспоминания этих скульпторов, включавшие их рассуждения о своей работе и о монументальной скульптуре⁴⁶. Оба мастера примерно одинаково определяли пропагандистское и воспитательное значение памятников, долженствующих правдиво передавать пафос и героизм советской эпохи, обладать подлинной монументальностью/величием. Именно в таком качестве скульптура должна была находиться в теле архитектуры, быть ее дальнейшим языком и органическим элементом. Кроме присутствующих в этих представлениях признаков соцреалистического канона, для ведущих скульпторов советской эпохи были характерны и такие профессиональные требования к памятникам

---

⁴⁶ См.: Манизер М. Скульптор о своей работе. М., 1952; Меркуров С.Д. Записки скульптора. М., 1953.

и монументам как их обязательная соотнесенность с окружающим городским пространством, с рельефом места, с архитектурным ансамблем. Интересно, что в заметках об искусстве еще одного известного скульптора советской эпохи – И.Д. Шадра, помимо оценки монументальной скульптуры как лучшего средства пропаганды социалистических идей, указывается на то, что монументы лучше всего другого расскажут и о характере местности и о ее истории, станут частью пространства⁴⁷. Далее он уточнял: «Памятник должен как бы вырастать из местности, здание или скульптура должны быть частью целого пейзажа».

Насколько взгляды скульпторов соответствовали практике, можно судить по примеру с размещением в Новосибирске первого в Сибири бюста трижды Героя Советского Союза летчика А.И. Покрышкина. В воспоминаниях М.Г. Манизера сказано, что главным для него при работе над монументом-бюстом было стремление передать твердость характера, волю, бесстрашие и решительность летчика; в трактовке бюста слегка отведенные назад руки подчеркивали устремление всего корпуса вперед и придавали бюсту движение, вместе с пьедесталом (архитектор И.Г. Лангбард) это соответствовало месту установки бюста «при въезде с одной из главных улиц на центральную площадь Новосибирска»⁴⁸. Впоследствии (в 1981 г.) по решению облисполкома в связи со строительством метро и реконструкцией магистрали бюст-монумент был перемещен на площадь Свердлова, в начало бульвара по оси Красного проспекта, что изменило его первоначальное предназначение символизировать центральную – главную площадь города.

Привлечение визуальных источников (даже на примере отдельных изображений) позволяет обозначить особенности реального воплощения «на местах» образцовых установок соцреалистического канона в архитектуре и скульптуре. Сопоставляя видимое, но исчезнувшее из городского ландшафта, с некоторыми материалами из архивного фонда Новосибирского отделения Союза советских архитекторов,

---

⁴⁷ Шадр. Литературное наследие. Переписка. Воспоминания о скульпторе. М., 1978. С. 153.

⁴⁸ Манизер М. Скульптор о своей работе ... С. 28.

можно представить также отношение нестоличных архитекторов к эстетическому и идейному содержанию соцреалистического канона.

На иллюстрации №14 представлен предвоенный вид главной площади в «социалистическом городе Сталинске», ядром которого являлся «Кузнецкий металлургический завод имени товарища Сталина»⁴⁹. (В Сталинске был даже трамвай «сталинской городской железной дороги») Название площади, с архитектурной доминантой в виде здания заводоуправления и памятника вождю перед ним, весьма символично – площадь побед. Трубы и дымы на заднем плане подчеркивают трудовой характер побед, связанный с развитием упомянутого ядра города. В статье архитектора Громова, написанной в пафосном стиле ожидаемого грандиозного будущего Сталинска, «новый проект которого опирается на принципы социалистического реализма», есть примечательные детали относительно площади побед. Оказывается, ряд обрамляющих ее зданий находится «явно не на месте». Одно из них – это здание городского театра, «поставленное, несомненно, по прихоти вражеской руки около самого завода – на площади Победы, напротив здания заводоуправления».

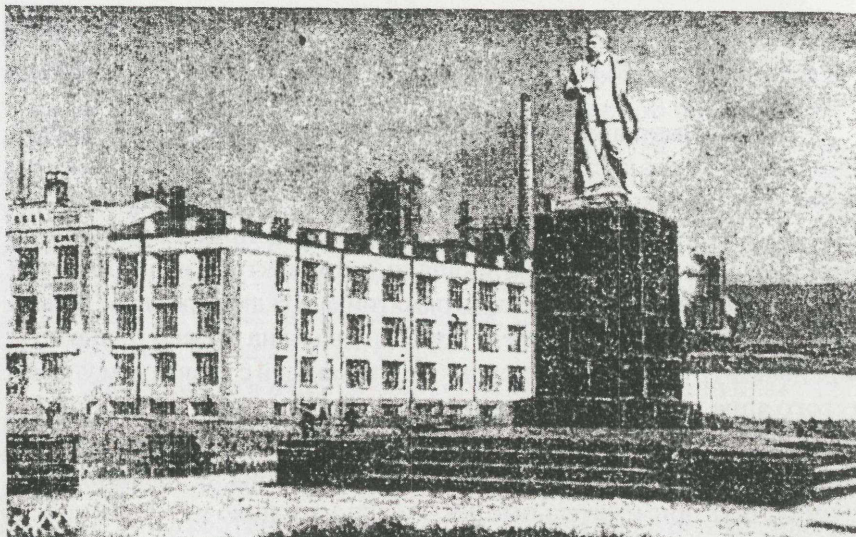
Далее подчеркивается, что в третьей пятилетке намечена постройка нового здания театра «в центре социалистического города, около дворца культуры металлургов, как второй основной части его»⁵⁰. Таким образом, площадь Побед (или Победы – автор использует оба слова) должна была иметь лишь две знаковые координаты: памятник и здание заводоуправления. Громов не указывает время установки памятника, не называет автора. Судя по приведенному изображению, скульптура вождя похожа на творение С.Д. Меркурова, который написал в своих записках, что «портрет-образ» Сталина был им найден после встречи с вождем в 1935 г. на художественной выставке, посвященной 15-летию РККА⁵¹. Характерно, что в качестве опоры для своего художественного обобщения скульптор использовал слова А. Барбюса о Сталине: «... Человек с головой ученого, с лицом рабочего,

---

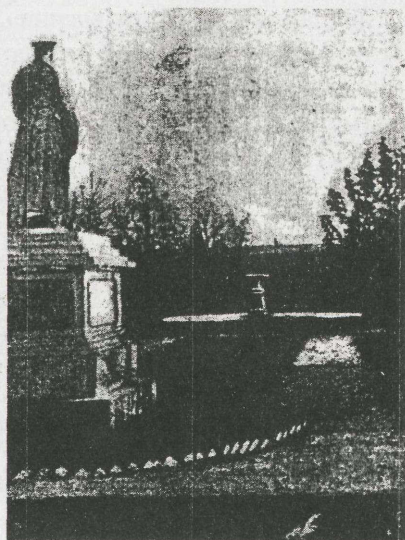
⁴⁸ Громов В.П. Социалистический город Сталинск // Сибирские огни. 1939. №4. С.71.

⁴⁹ Громов В.П. Социалистический город Сталинск... С.77

⁵¹ Меркуров С.Д. Записки скульптора... С.45.

Илл. 14. Площадь победы в г. Сталинске (1939г.)

Илл. 15. Памятник И.В. Сталину и фонтан в Университетской роце (г. Томск)

в одежде простого солдата». Такой монументальный портрет-образ прекрасно подходил для главной доминанты на площади в Сталинске. Одно из известных воплощений С.Д. Меркуровым этого образа в конце 1930-х гг. – статуя И.В. Сталина у входа в канал имени Москвы (1937 г.)⁵². С 1939 г. обобщенный портрет-образ Сталина в работах С. Меркурова становится все более монументальным, что заметно в трактовке солдатской одежды вождя. Шинель уже не передает энергию движения, как это отчетливо видно на иллюстрации №14. Она статична и символизирует уверенное спокойствие вождя – стратега нового курса страны на развернутое строительство коммунизма, заявленного в докладе И.В. Сталина на XVIII съезде партии.

К началу 1940-х гг. статуи, бюсты и другие художественные образы главных вождей уже были важными знаками-маркерами отдельных частей культурно-цивилизационного ландшафта практически во всех крупных городах СССР. (Что само по себе мало отличалось от практики имперского периода российской истории). Масштабы изготовления и распространения фигур и бюстов И.В. Сталина и В.И. Ленина можно представить по сведениям, характеризующим деятельность завода «Монументскульптура» за 1938–1941 гг. Они приведены в аннотированном каталоге скульптуры сталинского времени, составленном М. Золотоносовым⁵³. Любопытно количественное соотношение гипсовых скульптурных изделий: фигур В.И. Ленина было изготовлено 4298 (бюстов – 5058), фигур Сталина – 2647 (бюстов – 5058).

К сожалению, трудно судить о том, какое количество тиражированных копий образцов портретов-образов имелось в городах Западной Сибири. Во второй части нашей книги приводился сводный документ по состоянию монументальной скульптуры в довоенном Томске, найденный С. Привалихиной. Здесь же обратимся к некоторым деталям одной из томских статуй Сталина, с которой, вероятно, не случайно начинался список и в качестве автора которой был указан С.Д. Меркуров.

---

⁵² Круглова М.Г. Монументы в архитектуре городов. М., 1952. С. 12.

⁵³ См.: Золотоносов М. Глиптократос. Исследование немого дискурса. Аннотированный каталог скульптуры сталинского времени. СПб., 1999. С. 137.

Эту символическую фигуру можно рассмотреть на иллюстрации №15. Несмотря на невысокое качество воспроизведенного изображения и ракурс снимка, сделанного для статьи об озеленении городов Сибири⁵⁴, можно сделать вывод, что это еще один вариант портрета-образа вождя, созданного Меркуровым в предвоенные годы. Слегка движущаяся фигура все в той же шинели, но в фуражке, внешне близка к изображению Сталина на картине А. Герасимова «Сталин и Ворошилов в Кремле» (1938). По мнению современного искусствоведа А.И. Морозова, образ Сталина у Герасимова – это образ «вождя-патриарха», которым художник подменил образ народа и угадал жанровые законы утверждавшихся в советской культуре «фольклорных» славословий⁵⁵. В томском документе интересно пояснение составителя по поводу этой статуи: «Скульптура соответствует своему назначению. Удачны выбор места и постановка: силуэт статуи четко вырисовывается на фоне здания университета; хотя постамент невысок, статуя все выситя в пространстве, господствует над площадью перед входом в университет»⁵⁶. Возвышение в пространстве – еще один признак сходства с композиционным положением фигур вождей на картине А. Герасимова. Как пишет А.И. Морозов, тротуар Кремлевского холма, по которому ступают Сталин и Ворошилов, поднят почти до облаков, и лишь где-то внизу и вдали кипит повседневная жизнь.

Примечательно, что в Томске оказалось две одинаковых «цельнофигурных статуи» работы одного мастера, обе в хорошем состоянии и расположены перед зданиями, где находились университет и научно-исследовательский институт. Поскольку эти места и в советскую эпоху указывали на сохраняющееся значение города как главного регионального центра образования и науки, то эти два памятника могли демонстрировать заботу вождя об этих сферах народного хозяйства. Приведенное изображение интересно еще и тем, что фигура И.В. Сталина как бы движется в направлении центрального фонтана

---

⁵⁴ Казаковец Г.М. К вопросу озеленения городов Сибири // Архитектура Сибири. Ежегодник Новосибирского отделения ССА. Июль 1951. С. 78.

⁵⁵ Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., 1995. С. 118–120.

⁵⁶ Привалихина С. Мой Томск... С. 94.

Университетской рощи. Тем самым обозначаются ценностные акценты в сложившейся советской культуре – ее близость к природе, в которой по воле человека создаются сады, парки, фонтаны. Все это – новый ландшафт, в котором памятник вождю должен восприниматься как органичный элемент. Неслучайно в архивном документе при характеристике еще одной «цельнофигурной статуи» Сталина в Томске у входа в парк «Белое озеро» внесено уточнение: «Работа Крандиевской и Фадыш. Скульптура вполне подходит для установки в Городском парке. Напоминает некоторыми композиционными моментами работу С.Д. Меркурова на Центральной площади сельскохозяйственной выставки в Москве». В выделенной нами фразе заключен намек на еще один образцовый «портрет-образ» И.В. Сталина из столичного особо сакрального пространства, в которое стала превращаться ВСХВ с 1939 г. 25-ти метровая железобетонная статуя вождя перед павильоном «Механизация» отличалась монументальной статичностью «простой одежды солдата», задумчивой позой и свитком бумаг в левой руке. (Правая рука вождя во всех образах, созданных Меркуровым, заложена за борт кителя).

Культуролог М. Золотонос, утверждая, что плагиат определил стиль скульптуры сталинского времени, считает этот монумент плагиатом опекушинского памятника Пушкину, о чем свидетельствует, на его взгляд, помимо положения правой руки, сходный наклон головы, а также время создания памятника, близкое к 100-летию со дня смерти поэта, что могло воплотиться в мифологеме «Сталин – это Пушкин сегодня»⁵⁷. Дополнительная версия особой символики именно этой статуи приводится В. Паперным и связывается с фактом закладки внутрь пустотелой фигуры небольшой модели статуи⁵⁸.

Все же, как нам представляется, при комментировании визуального «текста», относящегося к определенной эпохи с ее желаемыми официальными установками, не следует трактовать представления людей того времени только с позиций современного интеллектуального знания. Кроме того, конкретно-исторические реалии в отдаленных от столицы центрах обладали своей локальной спецификой.

---

⁵⁷ Золотонос М. Глиптократос. Исследование немого дискурса.. С. 140.

⁵⁸ Паперный Вл. Культура Два... С. 205–206.

Поэтому в оценках конца 1930-х гг., которые давались состоянию отдельных томских памятников, имелся вполне объяснимый мотив: проверить, расположены ли они в соответствии со статусом, видны ли со всех сторон. В итоговых выводах предлагались достаточно разумные решения, в том числе идейно-политические и художественно-эстетические, соответствующие соцреалистическому канону. Так, например, относительно статуй вождей у входа в парк «Белое озеро» была подчеркнута необходимость поднять статую Ленина выше, чтобы «голова не была на одном уровне со стоящей статуей Сталина»; пьедестал одного из памятников Ленину следовало «совершенно освободить от тех моментов, которые явно свидетельствуют, что здесь использован кладбищенский памятник»; постаменту у бюста Сталина перед «Домом Науки» предписывалось придать «определенную архитектурную форму, а главное поднять его до уровня стоящего за ним здания»⁵⁹.

На следующей иллюстрации (№16) представлен один из примечательных фрагментов культурно-цивилизационного ландшафта центра Новосибирска, отражающий результаты промежуточной замены доминант «старого» пространства на символы новой эпохи⁶⁰. По атрибуции составителя альбома фотография датирована 1930-ми гг. Для комментария помимо изданий, упоминаемых в тексте, привлекались приведенные в альбоме другие виды Красного проспекта конца 1920-х гг. и конца 1930-х – 1940-х гг., имеющие примерно тот же ракурс съемки (С.92,94).

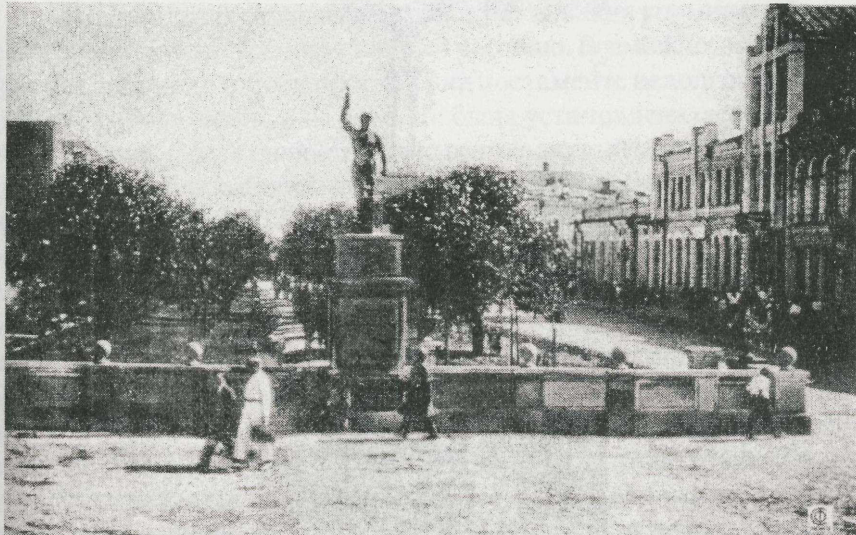
В кратком сопроводительном тексте к фотографии отмечено, что скульптура рабочего-молотобойца оказалась в начале 1930-х гг. на месте снесенной Никольской часовни. (Своим появлением на главном проспекте города – Николаевском – часовня была обязана не местному событию. Ее закладка в июле 1914 г. была приурочена к празднованию трехсотлетия Дома Романовых. Одновременно часовня должна была символизировать и особое местоположение Новониколаевска как географического центра Российской империи).

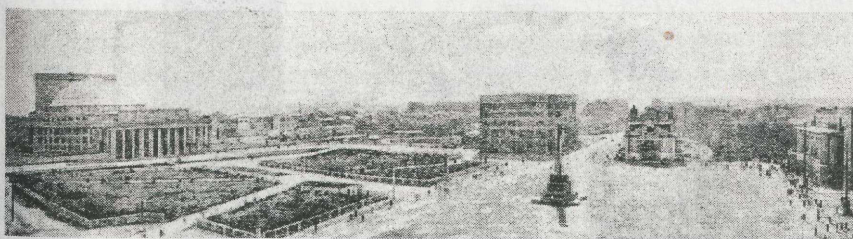
⁵⁹ Привалихина С. Мой Томск ... С. 97–98.

⁶⁰ Изображение воспроизводится по фотографии из альбома: Виды Новосибирска в конце XIX – начале XX веков ... С.93.

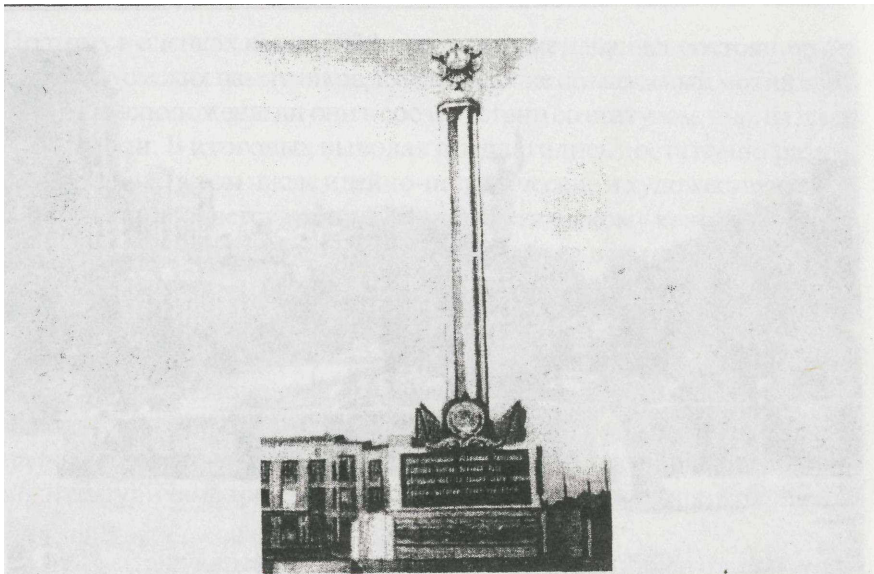

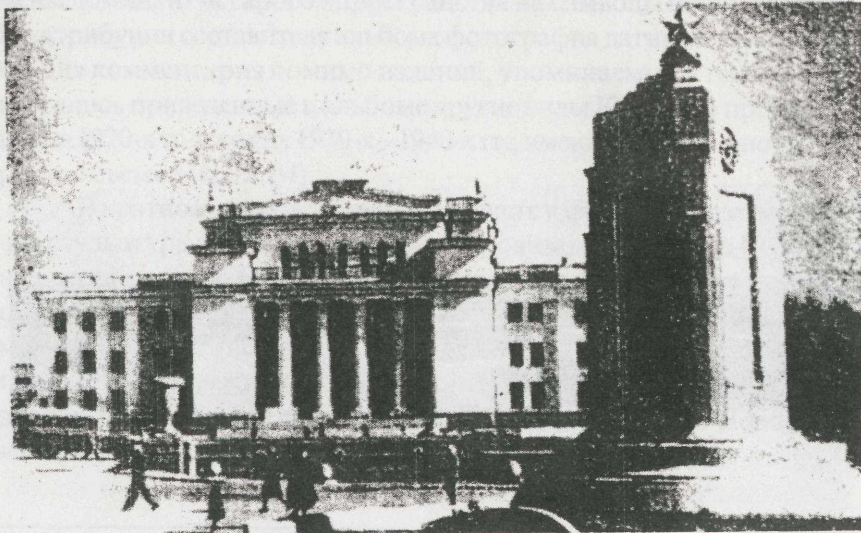
Илл. 16. Скульптура рабочего-молотобойца на Красном проспекте в г. Новосибирске

Илл. 17. Панорама площади им И.В. Сталина в г. Новосибирске (1947-1952 гг.)

Илл. 18. Стела в честь победы над Германией, установленная в г. Новосибирске (1947-1952 гг.)

Илл. 19. Памятник в честь победы над Германией (г. Новосибирск)

В имеющихся отраслевых трудах нет никаких упоминаний относительно скульптуры, заменившей часовню. Возможно, это связано с тем, что молотобоец простоял на постаменте недолго. В 1938–1939 гг. фигуру сняли, а на ее месте была установлена скульптура И.В. Сталина. Среди иллюстративных приложений к книге воспоминаний «Мой Новосибирск» имеется небольшая любительская фотография из архива В.И. Лосевой. Она датирована мартом 1953 г. На ней просматривается фигура Сталина с поднятой в приветствии рукой. (В подписи указано, что памятник стоял на месте часовни, то есть, в массовом сознании не сохранилась память о более ранней замене). Постамент практически полностью скрыт под траурными венками, верхний из которых, у ног вождя, сделан в виде большой пятиконечной звезды⁶¹. Впрочем, и об этом памятнике И.В. Сталину в трудах сибирских исследователей – историков архитектуры и градостроительства сведений нет. Обошли они своим вниманием и прочую монументальную скульптуру советской эпохи, кроме уже упоминавшегося монумента-бюста А.И. Покрышкина.

Что же касается часовни как прежней доминанты города, то вопрос о ее судьбе решался два года. В газете «Советская Сибирь» от 17 мая 1927 г. было помещено письмо в президиум горсовета за подписями группы его членов. В нем примечательна мотивировка, по которой предлагалось обсудить вопрос о сносе «всем известной часовни» на Красном проспекте. Указывалось одновременно на то, что она не имеет «ни исторической, ни архитектурно-художественной ценности», а также, что она не может удовлетворять и религиозные чувства, так как «по месту своего расположения – на шумной улице, на бульваре, она мало отвечает месту молитвы, а обстановка бульвара не совсем способствует молитвенному настроению». Интересно, что предлагалось в будущем это центральное место организовать «по примеру московских площадей – площади имени Дзержинского (бывшая Лубянка) или площади имени Свердлова (бывшая Театральная)». Кроме того, что, по их мнению, на площади должен быть театр (дом культуры). Подчеркивалось, что его надлежит планировать

---

⁶¹ См.: Мой Новосибирск. Книга воспоминаний / Автор-составитель Т. Иванова. Новосибирск, 1999. С. 354.

против Дома Ленина, мелкие постройки следовало снести. Перспективная роль этой части городского пространства определялась как важный новый культурный символ. На месте часовни «целесообразно проектировать сооружение памятника покойному вождю. Памятник, Дом Ленина, будущий Дом Культуры (театр, музей, библиотека) создадут эту часть города как культурно-историческое место». Кроме выделенных нами фраз следует обратить внимание на содержавшееся в письме предложение об открытом обсуждении вопроса о сносе часовни «на широких собраниях избирателей». При этом давался такой комментарий: «В интересах культурного развития города ни один сознательный гражданин не сочтет данное мероприятие как посягательство на религиозные чувства верующих».

Таким образом, появление на месте часовни конкретной скульптуры рабочего-молотобойца можно считать случайным. Однако осознанная уже тогда особая символика места, занимаемого часовней, привела первоначально к установлению новых памятных сооружений советской эпохи, включая памятник И.В. Сталину, а затем к возвращению исходного символа, но уже в иначе понимаемом качестве. Восстановленная в 1993 г. к 100-летию Новосибирска часовня Святителя Николая, по мнению И.И. Индинка, бывшего мэра Новосибирска, который принимал решение о строительстве «этого необычного сооружения», «сразу стала символом Новосибирска, стала украшать обложки книжек, открытки, телевизионные заставки, исторические рубрики в газетах»⁶².

На иллюстрациях №20 и №21 тема памятников вождям продолжается на омских материалах по снимкам, предоставленным А.В. Ремизовым. Бронзовая скульптура на гранитном постаменте «Ленин и Сталин в Горках» была установлена конторой городского зеленого строительства в 1955 г. «в новом красивом благоустроенном сквере Омска, названном именем 1-го мая» и построенном в центральной части города «между зданием МВД и школой №19»⁶³. Любопытно, что эта скульптурная композиция, как и тогда же установленный на новом бульваре, соединяющем символическую для Омска улицу

---

⁶² Мой Новосибирск. Книга воспоминаний ... С.325.

⁶³ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л. 5–6.

Илл. 20. Скульптура «Ленин и Сталин в Горках» (г. Омск, 1955г.)

Илл. 21. Памятник И.В. Сталину (г. Омск, 1955г.)

Красный путь и улицу Герцена, 11-ти метровый бронзовый памятник И.В. Сталину на гранитном постаменте (см. иллюстрацию №21) появляются в Омске уже после смерти вождя. Вплоть до конца 1950-х гг. они были важными знаками официального центра советского Омска⁶⁴. Относительно знаменитой типовой композиции «Ленин и Сталин в Горках» во второй части книги уже было сказано, что, вероятно, самое раннее ее появление в западносибирском городе связано с предвоенным Томском. Омский случай, по всей видимости, наиболее поздний для городов региона.

Что касается Новосибирска, то в «столице» края имелось два варианта этой композиции. Об этом свидетельствуют любительские снимки из архивов Н.А. Дергачевой и В.Н. Никулиной, помещенные в упоминавшейся выше книге воспоминаний о Новосибирске⁶⁵. Примечательно, что вариант композиции, совпадающий с омским, (иллюстрация №20), находился, как указано в подписи, в ограде кожевенно-обувного комбината. Вторая «скамеечка», на которой оба вождя сидят и беседуют, стояла около Дворца культуры имени А.А. Жданова (см. изображение дворца на иллюстрации №8). Поскольку здание дворца построено в 1953 г., то условно эту скульптурную композицию можно датировать тем же годом.

Упоминаемые снимки помещены составителем книги воспоминаний в рубрику «Пятидесятые годы». Они отражают еще и неофициальное восприятие этих скульптур, на фоне которых вполне можно было фотографироваться. В Омске, где скульптура «Ленин и Сталин в Горках» располагалась в центре цветочной клумбы перед Тарскими воротами второй Омской крепости и в непосредственной близости от зданий официальных учреждений, вряд ли такое имело место. В краеведческой литературе и в книге В.И. Кочедамова воспроизводится единственная фотография Первомайского сквера, на которой просматриваются и памятник, и ворота, и на первом плане уже действующий фонтан⁶⁶. Поскольку фонтан начали устанавливать в 1956 г., а Тарские ворота были к этому времени уже в разрушенном

---

⁶⁴ ГАОО.Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.6.

⁶⁵ См.: Мой Новосибирск... С.353.

⁶⁶ См.: Юрасова М.К. Очерки истории города. Омск, 1960. Снимок 6 на вклейке между С. 184–185; Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город... С.79.

состоянии, а в 1959 г. снесены⁶⁷, то снимок, во-первых, сделан не позднее 1957 г., во-вторых, изображение ворот явно подретушировано. Иллюстрация №20 интересна и фоном снимка – это дом, где обитали высшие партийные чиновники. Его архитектурный облик полностью соответствовал сталинскому неоклассицизму, хотя был не столь монументальным как в «столицах».

Памятник И.В. Сталину в Омске, находившийся во втором историческом центре, где в настоящее время расположены стела и портреты почетных граждан города, примечателен тем, что этот портрет-образ вождя идентичен московской скульптуре работы еще одного известного мастера советской монументальной пропаганды – Н. Томского. Она была установлена в нише вестибюля станции метро «Курская», одной из трех станций, в архитектуре которых по первоначальному официальному мнению была наиболее полно воплощена тема Победы в Великой Отечественной войне⁶⁸. Затем появилась новая трактовка символического значения станции «Курская». Она воплощала одновременно своеобразный торжественный вход в столицу СССР, национальный характер нашего народа, а ее архитектура, проникнутая подлинным пафосом, «звучит как гимн, прославляющий вождя народов товарища Сталина»⁶⁹. Таким образом, именно этот новый скульптурный портрет Сталина в генеральской шинели и фуражке, в погонах генералиссимуса как образ вождя главного организатора победы должен был теперь стать образцовым для культурного пространства других городов.

Иллюстрации №17–19 можно было бы назвать «Утраченные свидетельства первых попыток увековечить в провинции память о Великой Победе». Изображение на иллюстрации №19 воспроизведено по снимку из упоминавшейся во второй части книги статьи Е.

---

⁶⁷ Поспелова Л.Б. История сноса Тарских ворот Омской крепости // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. №10. Омск, 2003. С.217–223.

⁶⁸ Рубаненко Б. Творческие итоги строительства новых станций московского метро // Архитектура и строительство. М., 1950. №2. С.2–3 с фотографией скульптуры.

⁶⁹ Пекарева Н. Новый этап в развитии архитектуры метрополитена // Советская архитектура. Сборник союза советских архитекторов СССР. 1951. № 1. С.30–31.

Ащепкова о формировании архитектурных ансамблей Новосибирска⁷⁰. Представленная на нем панорама центральной площади Новосибирска – площади имени Сталина и главной улицы города – Красного проспекта отличается хорошо видимым символическим сооружением, о котором в тексте статьи отсутствует какое-либо упоминание. Нет никаких сведений о нем в специальных трудах сибирских историков архитектуры и градостроительства. Вместе с тем на иллюстрации заметно, что сооружение расположено почти по центру площади, напротив здания театра оперы и балета – «композиционного центра и архитектурной эмблемы города» и отличается довольно внушительными размерами, что показывает его соотношение с обрамляющими площадь известными зданиями, включая и театр.

Время появления этого монумента-символа можно отнести приблизительно к 1947–1948 гг., но не позднее апреля 1948 г. В апреле состоялось многодневное творческое совещание архитекторов Новосибирска, на котором обсуждался доклад кандидата архитектуры Н. Кузьмина о творческих задачах новосибирских архитекторов в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба»⁷¹. По ходу выступлений с обязательной критикой «формализма и натурализма» архитектор Л.А. Смирнов высказался обobeliske, возникшем на площади возле оперного театра: «Никто не знает, как он возник, обсуждения проекта не было»⁷².

В выступлении архитектора Г.И. Карчевского, посвященном архитектуре магазинов, малых форм и «монументу на площади имени Сталина», появление монумента было названо ляпсусом в области архитектуры малых форм, а также сказано, что монумент напоминает трубу от котельной, а он «должен олицетворять нашу мощь и успехи за 30 лет, победу над Германией»⁷³. Эта информация позволяет уточнить время сооруженияobeliska – к 30-летию Октября (ноябрь 1947 г.). Она же свидетельствует о его двойной символике, впрочем, юбилей Октября в данном случае тоже воспринимается как

---

⁷⁰ См.: Советская архитектура. 1952. №2. С. 53.

⁷¹ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 65.

⁷² Там же. Л. 14.

⁷³ Там же, С. 55об.

символ мощи, позволившей победить. Интересно, что только Карчевский с возмущением указал на автора обелиска: «Почему художнику Рогову, декоратору и бутафору удалось утвердить такую безграмотную вещь на самом ответственном месте нашего города?».

Однако итоговое решение совещания, начинавшееся с фраз «об опошлении метода социалистического реализма», содержало лишь общую критику «кабинетного руководства» разбросанной застройкой города со стороны главного архитектора А.М. Дворина, архитекторов Новосибирска, до сих пор не создавших «ни одного произведения, в котором в полной мере был бы раскрыт архитектурный образ советского социалистического здания в суровых природно-климатических условиях Сибири»⁷⁴. Таким образом, оценка эстетических качеств мемориального обелиска, спроектированного «не как полагается» и установленного без обсуждения «общественностью» не была услышана или же не была воспринята как серьезная. Памятный знак остался на своем месте. Более четко он виден на снимке, помещенном в воспоминаниях о А.И. Покрышкине⁷⁵. В надписи к снимку обелиск назван стелой в честь победы над Германией.

Это изображение воспроизведено на иллюстрации №18. Снимок сделан со стороны театра, поэтому можно считать, что перед нами главный вид монумента-символа. Просматривается ребристая структура стелы, увенчанной важной завершающей деталью конструкции – скульптурным изображением ордена Победы. У подножия стелы в верхней из трех частей постамента расположены приспущенные знамена и герб СССР. На плоскости переднего плана этой прямоугольной части постамента можно прочесть слова Гимна СССР. Средняя часть постамента имеет более сложную конфигурацию и украшена барельефом в виде лавровых гирлянд.

Вряд ли такой символ мог вызывать столь негативные профессиональные оценки. Из документов, приведенных Ю.Л. Косенковой в приложении к ее книги (раздел «Город и монумент»), становится известно о столичном проекте монументального Флага-башни, подготовленного в 1948 г. и обсуждавшегося в Комитете по делам архитектуры

---

⁷⁴ ГАНО Ф. 1444. Оп. 1. Д.65. Л. 59об.–60.

⁷⁵ Покрышкина М.К. Жизнь, отданная небу. Новосибирск, 1991. Вклейка с фотографиями из архива Покрышкиной и С.И. Ахмерова между С.64 и С.65.

при Совете Министров СССР⁷⁶. По мнению Ю.Л. Косенковой, «потребность в необычайном, в экспрессии форм и образов, способных отразить весь пафос уникального исторического момента победы над фашизмом, в послевоенные годы удивительным образом сочеталась с желанием распространить однажды найденное решение на территорию всей страны, механически растиражировать его до пределов возможного»⁷⁷.

Однако, вполне возможно, что на местах возникали и раньше столичных проектов другие инициативы, подобные уже описанной новосибирской стеле. Следует подчеркнуть, что в Новосибирске было воздвигнуто еще одно памятное сооружение в честь победы над Германией. Оно воспроизведено на иллюстрации №19 по фотографии из краеведческого издания из серии «Библиотечка школьника-краеведа», выпущенного в 1951 г. тиражом в 5000 экземпляров⁷⁸. Любопытно, что в подписи к фотографии сообщается только о театре юных зрителей, в здании которого в 1925 г. работал Первый Сибирский съезд Советов, принявший решение о переименовании Новониколаевска в Новосибирск. (При этом не оговаривается, что здание было иным и архитектурно, и по своему символическому значению, поскольку речь идет о Доме-памятнике В.И. Ленину, переданном ТЮЗу в предвоенные годы и реконструированном в 1944 г. в классическом стиле по проекту архитектора В.М. Тейтеля).

В основном содержании книги также не упомянуто ни о стеле на главной площади, ни об этом втором памятнике-символе. К сожалению, никаких дополнительных данных пока не удалось найти ни в архивных документах, ни в трудах историков архитектуры Новосибирска. Единственным источником, в котором обнаружилось изображение этого сооружения, находившегося на Красном проспекте напротив Дома Ленина, вновь оказалась вклейка с любительскими фотографиями из книги о А.И. Покрышкине. Здесь надпись однозначно сообщала о предназначении сооружения – памятник в честь победы

---

⁷⁶ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.... С. 251–252.

⁷⁷ Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг. ... С. 248.

⁷⁸ См.: Протопопов Н. Наш город. Новосибирск, 1951. С. 6.

над Германией. На иллюстрации №19 можно рассмотреть достаточно высокий постамент (в нижней части он круглый), на котором возвышается мощный монументальный памятник, две грани которого видны достаточно отчетливо, на них – герб СССР и, видимо, как и на гранях первого монумента, там же расположены тексты государственного гимна. Сооружение увенчано объемной красной звездой на своеобразном ступенчатом пьедестале с лавровой гирляндой.

По мнению искусствоведа Е.И. Кириченко, обелиск, пирамида, в том числе усеченная пирамида, а также стела являлись самым массовым типом военных памятников. Они приобрели новую жизнь в советских монументах, возведенных в память о Великой Отечественной войне; традиционный обелиск стал трактоваться и как монументализированная форма армейского штыка⁷⁹.

---

⁷⁹ Кириченко Е.И. Запечатленная история России. Книга 1. Архитектурный памятник. М., 2001. С. 123.

3.5. Роль садово-парковых сооружений в городском ландшафте и советская культура (комментарии к иллюстрациям № 22–30)

Философы и культурологи считают сад символической формой пространственного выражения культуры. Известны размышления Д.С. Лихачева об экологии культуры и о садах и парках как своеобразном связующем звене между природой и человеком, с помощью которого в человеке пробуждаются чувства прекрасного и творческие силы. Он рассматривает садово-парковое искусство как общекультурное семиотическое явление и сложный текст, отражающий не только смены стилей в искусстве, но и мировоззренческие системы. Эта общая посылка вполне применима и к интересующему нас советскому отрезку истории российских городов с их своеобразным культурным пространством.

Сюжет, связанный с парками и садами в советской культуре, уже затрагивался в параграфах 2.3 и 2.4 второй части нашей книги. Было подчеркнуто, что зеленое строительство следует представлять в качестве одного из важных параметров, характеризующих заметные изменения в культурно-цивилизационном ландшафте городов региона, начиная с 1930-х гг., когда были разработаны официальные установки и научно-практические рекомендации по зеленому строительству и скульптурному оформлению парков, садов и скверов в СССР. Кроме того, советские сады и парки с соответствующим набором скульптур становились особой приметой того варианта советской культуры, который упрочился в 1940-х – 1950-х гг. В то же время парки культуры и отдыха являлись реальной частью культурного пространства и повседневной жизни советских людей, как в столице, так и в провинциальных городах. Образцово-показательное озеленение, объявленное с весны 1947 г. делом государственной важности⁸⁰, становилось главным показателем успехов, достигнутых в области благоустройства.

---

⁸⁰ Коробов А.С. Озеленение городов РСФСР // Архитектура и строительство. М., 1947. №8. С.9.

На некоторых из привлеченных визуальных «текстов» воспроизводятся объекты, упоминавшиеся в указанных параграфах второй части нашей книги. Однако задача комментария и в данном случае предполагает интерпретацию не столько очевидной информации (ее можно назвать внешним слоем иллюстрации), сколько тех контекстных сведений и характеристик, которые связаны с отдельными деталями изображения, а также с возникающими у исследователя ассоциациями. Поскольку ассоциативный ряд требует уточнений, для чего необходимо обращение к другим источникам и к самому разнообразному кругу публикаций, можно считать, что внутренние (не просто скрытые, а скорее, незримые) слои иллюстрации для историка-культуролога содержат информацию, объемы которой в потенции не ограничены. Это ценное для исследователя свойство визуальных источников заставляет одновременно воспринимать комментарии в качестве возможных, но не единственных версий истолкования того или иного изображения.

Такого рода замечание было бы уместно и в предыдущих параграфах третьей части нашей книги. Однако для выбранного сюжета оно принципиально. Внимание историков культурологов к садово-парковым сооружениям как к органическому элементу отечественной культуры, особенно в хронологии XX века, и тем более, применительно к советской эпохе, пока практически не прослеживается. В трудах по градостроительству поднимаются вопросы размещения садов, парков, скверов с точки зрения их роли в планировочной структуре, в системе жизнеобеспечения городского населения. Как уже указывалось, для нас эти исследования становятся дополнительными источниками информации. Скептическое отношение искусствоведов к советской скульптуре 1930-х – 1950-х гг., предназначавшейся для парков культуры и отдыха, закрепились в собирательном нарицательном имени «Девушка с веслом», обозначающем времянку, халтуру, откровенную конъюнктурную поделку⁸¹.

До недавнего времени единственным оригинальным исследованием, в котором присутствовал культурологический анализ архитектуры

---

⁸¹ Шумов А. Подлинная история «Девушки с веслом» // Декоративное искусство СССР. М., 1989. С. 12.

и отдельных скульптурных элементов столичного пространства 1930-х – середины 1950-х гг. (метро – подземный город и ВСХВ – «город в городе») оставалась книга Владимира Паперного, в которой была введена оппозиция двух условных моделей развития советской (и российской) культуры⁸². Культура 2 характеризовалась автором как холодная, застывающая, прикрепляющая человека в четко ограниченном пространстве. Выражением всех этих смыслов становились образцовые архитектурные и скульптурные сооружения, сосредоточенные в Москве. В более поздней своей работе В. Паперный дал краткое толкование каждого из терминов и жесткую хронологию описываемых ими процессов: «Под культурой 1 понимается некоторый комплекс культурных норм и ценностей, которые доминировали в России в период с 1917 по 1932 год; культура 2 относится к периоду с 1932 по 1954 годы»⁸³. Важно отметить, что трактовки советской архитектурно-скульптурной символики у Паперного не замыкаются на феномене тоталитарной культуры, а указывают на взаимосвязи Культуры 2 с русской культурной традицией, на присутствие в ней двух разных, почти независимых друг от друга пластов. В одном из них, по мнению автора, мироощущение культуры «сползает» в сторону юго-востока, в другом – триумфально входит в семью европейских наций; при этом культура осознает себя как единое целое⁸⁴. Таким образом, возникает возможность дополнительного ракурса рассмотрения роли садов и парков с их архитектурно-скульптурными сооружениями в провинциальном городском пространстве. Можно ли увидеть в их топографии и облике проявление единства указанных пластов или оба параметра отражают стремление формально копировать официальный образец? Либо следует признать, что местное садово-парковое строительство целиком подчинялось практическим потребностям городов и задачам архитектурно-градостроительного планирования. Идеино-эстетические установки соцреалистического

---

⁸²Паперный В. Культура 2 ...

⁸³Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сб. / Сост. и ред. У.К. Брумфельд и Б. Рубл. М., 2002. С.90.

⁸⁴Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство ... С. 101.

канона и требования социалистической организации культурного досуга трудящихся при этом не имели приоритетного смысла.

Интерпретация советской парковой скульптуры 1930-х гг. в русле тендерной теории («тоталитарная культура как частный случай мужской культуры») представлена в книге М. Золотоносова из серии «Кабинет: картины мира»⁸⁵. Автор вводит подзаголовок «Аннотированный каталог скульптуры сталинского времени». Он подчеркивает, что посвящает свое исследование «парку тоталитарного периода» как части глиптотеки определенной среды и сложившейся в ней своеобразной философии общего тела. Отсюда в авторских аннотациях основная роль советской массовой скульптуры сводится к функции внушения «единения с народом» (не как метафоры, а как буквального физического ощущения) и к функции направления в социальное (трудовое) русло интимных форм человеческой энергии в условиях тотального контроля. Качество изготовления массовых изваяний Золотоносов также определяет словом «халтура», указывая, что территории «образцово-учительных Парков» – Центрального Парка культуры и отдыха имени А.М. Горького и Всесоюзной сельскохозяйственной выставки были идеальными площадками для халтуры столичных художников и скульпторов. Следовательно, в пространстве других городов распространялись образцы, не отличавшиеся художественно-эстетическими достоинствами. Однако, сам М. Золотоносов приводит (со ссылкой на воспоминания о И. Шадре) пример с ситуацией в Луганске, где шадровская «Девушка с веслом», исполненная под бронзу, доставляла подлинное эстетическое наслаждение в отличие от одноименной фигуры из цемента, поставленной «явно не на месте» в центре несоразмерного фонтана в Центральном Парке культуры и отдыха в Москве⁸⁶. Подход и интерпретации Золотоносова смысла фигур, включенных им в пространство «парка тоталитарного периода», могут оказать определенное содействие историкам культуры, но при неременной оговорке относительно несовпадения представлений современного исследователя с восприятием этих скульптур современниками,

---

⁸⁵ Золотоносов М. Глиптотократос. Исследование немого дискурса... С. 3, 8.

⁸⁶ Золотоносов М. Глиптотократос. Исследование немого дискурса... С. 145; Шадр. Литературное наследие. Переписка. Воспоминания о скульпторе. М., 1978. С. 194.

особенно обитателями провинциальных городов. Кроме того, как уже было отмечено нами в первой части книги, культуру советской эпохи нельзя отождествлять с тоталитарной культурной политикой советского государства.

Садово-парковая скульптура, архитектура павильонов, фонтаны, парковая мебель и прочие элементы благоустройства парковой территории создавали требуемые официальные образы своеобразных заповедных природно-рукотворных оазисов в городском ландшафта советской эпохи. В то же время они обозначали отличительные черты того или иного объекта зеленого строительства в общем архитектурно-планировочном пространстве города, его внутреннюю топографию в качестве специального места для «культурного досуга» и отдыха жителей. Несомненно, что для обстоятельных ответов на поставленные выше проблемные вопросы необходимо привлечение значительного массива визуальных источников. Тем не менее, используемая в данном случае выборка может обозначить информативные возможности таких источников и определить перспективы комплектования всего массива.

На иллюстрации №22 воспроизводится вил на вход всад имени Сталина в Новосибирск. Сад находился в самом центре города, неподалеку от площади имени Сталина и главного символа Новосибирска – театра оперы и балета. Как указывалось в параграфе 2.4 в 1944 г на базе именно этого сада был организован городской Центральный парк культуры и отдыха. Фотография из альбома «Виды Новосибирска» отнесена составителем к концу 1940-х – началу 1950-х гг. На ней заметно определенное сходство входа в парк со столичным образцом с входом на территорию московского «заповедного» города-комплекса ВСХВ⁸⁷. В этом можно убедиться, сравнивая изображение с приведенными Владимиром Палерным снимками главного входа на выставку⁸⁸.

На относящемся к 1954 г. снимке из книги Паперного видно завершение входа на территорию ВСХВ в виде скульптуры «Тракторист и колхозница», которые держат снопы хлебных колосьев. Новосибирские

---

⁸⁷ См Вилы Новосибирска в конце XIX – начале XX веков... С. 126.

⁸⁸ См.: Паперный Вл. Культура 2... С. 198.

Илл.22. Вход в сад им. И.В. Сталина в г. Новосибирске

Илл.23. Вход в Центральный сад в г. Омске

массивные капитальные входные ворота с двойным рядом колонн (по четыре в ряду) увенчаны лишь двумя аркообразными трубчатыми металлическими полукружьями, на которые прикреплены буквы надписи «Парк имени Сталина». Аркообразная конструкция ворот была присуща центральному входу на городской пляж в Омске, о чем свидетельствует любительская фотография из альбома маршрутов экскурсий по Омску летом 1951 г.⁸⁹ Примечательной деталью, лишенной идеологической нагрузки, в омском варианте ворот более легкой, видимо, деревянной постройки, является двойное аркообразное полукружье над центральным входом с надписью «городской пляж» и контурами яхты. Две декоративные арки по бокам от входа зарешечены и в них на постаментах расположены плоские вазы с цветами.

Такие ворота с арками у входа в парки и сады могли появляться в нестоличном городском пространстве с конца 1930-х гг., когда в соответствии с соцреалистическим методом начинается освоение классического наследия. Тот же Паперный приводит изображение первоначального главного входа на ВСХВ, сооруженного в 1939 г. и ставшего северными воротами, на котором центральная двойная арка ворот выступает над двумя другими частями входа. На снимке 1954 г. двойная арка нового главного входа придавлена монументальными триумфальными воротами с шестью колоннами, украшенными лепниной и барельефами, с возвышающейся над воротами упомянутой скульптурной группой.

Иллюстрация №23 воспроизводит еще один омский садово-парковый вид. Это изображение входа в Центральный городской сад. Сад был организован, как указано в новейшем справочнике, «по решению горисполкома в середине мая 1941 г. путем объединения территорий бывших генерал-губернаторского сквера и Казачьего сада»⁹⁰. Г.Г. Шкулов в своем обзоре приводит более раннюю дату – 1940 г., когда «были объединены бывший сад дворца генерал-губернатора, сад Казачьего собора и сад католической церкви, расположенные смежно»⁹¹. Он добавляет важные для нашего комментария подробности.

---

⁸⁹ ГАОО. Ф.2200. Оп.1. Д.368. Л. 14.

⁹⁰ Улицы города Омска. Справочник. Омск, 2001. С. 140.

⁹¹ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.3.

На заднем плане воспроизведенного снимка хорошо видны высокие ажурные арки входа, из них одна – центральная (реальный вход), закрытая почти полностью высоким постаментом памятника И.В. Сталину. По всей видимости, остальные шесть (по три по обеим сторонам от центральной арки), имели внутри постаменты с крупными декоративными вазами. Хорошо заметны четыре постаменты с вазами, имеющими попарно два вида форм. (В архивном справочнике есть еще одно изображение той же аллеи городского сада⁹², но снимок сделан от входных ворот и в летнее время, поскольку на нем видны красивые цветочные клумбы, в том числе цветы окружали и постамент со статуей вождя). Передний план нашего снимка занимает подготовленная для установки фонтана чаша водоема с гранитной облицовкой. По сведениям из архивного текста обзора и отчета, подготовленного Г.Г. Шкуловым, можно датировать снимок поздней весной (началом лета) 1956 г., до оформления клумб и цветочных бордюров, а также до предназначенных к установке в 1956 г. привезенных в Омск четырех фонтанов. По данным, приведенным В.И. Кочедамовым, первым в 1956 г. был установлен фонтан, символизирующий своей формой шар изобилия, в сквере имени 30-летия ВЛКСМ, заложенном весной 1949 г. на пустыре бывшего товарного двора городской железнодорожной ветки; следующий фонтан появился в 1957 году в Первомайском сквере неподалеку от клумбы со скамеечкой с вождями и Тарских ворот⁹³. (Снимок этого фонтана приведен и в архивном альбоме «Омск-1957»⁹⁴). В книге В.И. Кочедамова нет сведений относительно фонтана в центральном городском саду, место для которого, как можно убедиться по приведенному изображению, было подготовлено.

Помимо уже отмеченного, на иллюстрации №23 отчетливо просматриваются образцы местной (омской) садовой мебели – шестиметровые диваны с железобетонными опорами (изготавливавшихся, как подчеркивал Шкулов, «по типу диванов ВСХВ»), которых в городе только за 1955 г. установили 140 штук⁹⁵. Видны и непривычные

---

⁹² Улицы города Омска... С. 202.

⁹³ Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город... С.94.

⁹⁴ ГАОО. Ф.2200. Оп. 1. Д.367. Л.3.

⁹⁵ ГАОО. Ф. 1212. Оп.1. Д.66. Л. 8,18,54,123.

элементы садового и городского благоустройства – высокие светильники в виде ребристых колонн, напоминающих подсвечники, с пятью фонарями шарообразной формы («торшеров-коллон», как их назвал позже Г. Шкулов⁹⁶).

В обзоре начальника Горзеленстроя отмечалось, что в 1955 г. Горзеленстроем «были начаты работы по установке 14 уникальных торшеров, оформляющих входы в сады и скверы»⁹⁷. В архивном фонде известного омского краеведа, бывшего долгое время директором областного краеведческого музея, А.Ф. Палашенкова имеется альбом с фотографиями под названием «Омск-1957»⁹⁸. По некоторым из снимков можно насчитать четыре разновидности «колон-фонарей», установленных в Омске у входов в скверы на площади Дзержинского, имени 30-летия ВЛКСМ, у Тарских ворот, перед кинотеатром имени В.В. Маяковского⁹⁹. На иллюстрации №11 не очень отчетливо, но видны на переднем плане два оригинальных светильника перед кинотеатром, расположенные справа и слева от центральной оси пространства, занятого клумбами. (См. параграф 3.3 третьей части книги). Отметим, что завершающая часть этого вида колонны-светильника была увенчана звездой в лавровом венке. На наш взгляд, расположение перед омским кинотеатром светильников с символической деталью, напоминающей о Победе, подтверждает высказанную выше гипотезу о том, что в качестве образца для здания кинотеатра имени В.В. Маяковского был использован проект, реализованный в городе-герое Сталинграде, который должен был стать городом-памятником и символом победы СССР.

Характерно, что в центре города более монументальные колоннообразные светильники устанавливались. На иллюстрации №27 видны два ряда более изящных фонарей на небольшом постаменте с завершением из четырех шарообразных светильников по центру и двух таких же светильников, расположенных на некотором расстоянии

---

⁹⁶ Шкулов Г.Г. Зеленое строительство г. Омска // Озеленение городов Западной Сибири: Материалы первого зонального совещания по озеленению. Вып.3. Новосибирск, 1960. С. 140 (сохранена орфография текста – В.Р.).

⁹⁷ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.8.

⁹⁸ ГАОО. Ф.2200. Оп.1. Д.367 (17 л.).

⁹⁹ Там же. Л.2,5,7,10.

Илл.24. Вход в городской сад (г. Омск)

Илл.25. Садово-парковая скульптура «Игра в мяч» г. Омске

Илл.26. Скульптура у входа в сад металлургов (г. Сталинск)

от основной конструкции фонарного столба. Изображение воспроизводит фрагмент территории Парка культуры и отдыха в Омске. Он начал создаваться с 1938 г. на базе «новой загородной рощи», расположенной на «восточной окраине города», в Молотовском районе; как парк культуры и отдыха был открыт в мае 1940 г., а основное благоустройство его территории пришлось на начало 1950-х гг.¹⁰⁰ В 1952 г. березовая роща стала ядром создаваемого крупного Парка культуры и отдыха с обязательным набором внутренних элементов: стадиона, кинотеатра, эстрадной площадки, читальни, а также зон для пассивного отдыха и детских отделений¹⁰¹. Вполне возможно, что на иллюстрации №27 запечатлен фрагмент части парка, предназначенной для детей. Парковые деревянные диваны имеют более простую форму, природное окружение сохраняет естественный вид березового колка и даже клумба вокруг постамента со скульптурой метательницы ядра выглядит очень скромно. Относительно самой скульптуры можно допустить, что перед нами тиражированная копия одного из образов физкультурной серии, созданной еще в 1930-е гг. скульптором Н.В. Крандиевской для мастерской «Всекохудожник», выпускавшей типовые произведения «малых форм» для парков, садов и стадионов¹⁰². По воспоминаниям жителей прилегающего к парку района, начиная от центрального входа по центральной аллее располагались подобные скульптуры, включая копию с «Девушки с веслом» и «Пловчихи». Их оригиналы, как известно, были установлены в Центральном парке культуры и отдыха в Москве.

Еще один вид части территории этого парка в Молотовском (ныне Октябрьском) районе представлен в альбоме «Зеленое строительство города Омска» и воспроизведен в архивном справочнике «Улицы города Омска»¹⁰³. Снимок отличается двумя важными деталями, дополняющими представление о наборе внутренних элементов этого парка. На берегу озера, обрамленного посадками декоративного кустарника, расположена сложная деревянная конструкция,

---

¹⁰⁰ ГАОО. Ф. 1212. Оп. 1. Д.66. Л. 3,77; Улицы города Омска ... С. 141.

¹⁰¹ Там же. Д. 138. Л. 10.

¹⁰² Золотоносов М. Глиптократос. Исследование немого дискурса ... С. 139,174.

¹⁰³ Улицы города Омска ... С. 193.

на плоскости ее центральной части расположен портрет И.В. Сталина. По сведениям, сообщенным Д.А. Алисовым, на снимке изображена часть большого искусственного озера, находившегося напротив центрального входа в парк, за всеми развлекательными сооружениями, ближе к восточной ограде парка. На озере имелась лодочная станция. Что касается упомянутой деревянной конструкции, то, по мнению Д. А. Алисова, это летний открытый кинотеатр, окруженный верандами. Тыльная сторона кинотеатра, смотрящая на озеро, имела самостоятельное значение, о чем свидетельствует не только размещение портрета И.В. Сталина, но и специальное оформление ее контура плоскости объемными «колоннами» из деревянных реек, создающими геометрический узор. Вместе с центральной частью, приподнятой в виде треугольного «фронтон», включающего скаты крыши кинотеатра и сходные с боковыми «колоннами» реечные объемные детали, общий контур тыльной стены напоминает образ строгой триумфальной арки. Впечатление особой значимости этого места усиливается за счет трехчастных столбов светильников, расположенных по обе стороны от объемных «колонн», соединяющихся с крыльями веранд.

Мотивы легкой функциональной арки у входных ворот в городские сады и парки, характерные для конца 1930-х гг., в послевоенные годы трансформируются в соответствии с эволюцией «Большого стиля», закрепляющего торжество победителей, в образы триумфальной арки или триумфальных ворот. Искусствовед Е.И. Кириченко, анализируя стилистику и семантику такого рода сооружений, появившихся в культуре России с XVIII века и упрочившихся после победы в Отечественной войне 1812 г., обращает внимание на то, что привнесенная из античности архитектурная форма, творчески обогащенная национальными традициями, оказалась востребованной в первые годы после Великой Отечественной войны в виде сооружения временных (деревянных) триумфальных арок для встречи возвращавшихся после победы войск¹⁰⁴. Однако, по ее мнению, этот опыт оказался кратковременным, не имевшим продолжения эпизодом: «восходящий к

---

¹⁰⁴ Кириченко Е.И. Запечатленная история России. Монументы XVIII – начала XX века. Книга 1. Архитектурный памятник. М., 2001. С. 123.

античности тип триумфальных ворот, завершив полный цикл развития, исчерпал себя». Обращение к визуальным источникам сталинской эпохи, на которых запечатлено оформление различных входов, в том числе на заповедную территорию столичных и провинциальных садов и парков, может скорректировать вывод относительно длительности и причин востребования триумфальных арок и ворот (или их образов) как символов могучей советской державы. В. Паперный обращает внимание на то, что все послевоенные станции московского метро задумывались как триумфальные арки и подчеркивает, что арки были адресованы не каждому конкретному человеку, а универсалии Советского Человека¹⁰⁵. Интересно было бы проследить особенности распространения этой архитектурной формы в культурном пространстве провинциальных городов, определить масштабы и географию этого процесса.

Частично отмеченную трансформацию можно видеть, сопоставляя иллюстрации №22 и №24. Второе изображение содержит, кроме того, яркий опознавательный знак-маркер – копии фигур знаменитой скульптуры В. Мухиной. Знак идентифицирует вход на территорию городского сада в Омске, которая таким образом может восприниматься одновременно как часть сакрального столичного пространства «города в городе» – ВСХВ. В данном случае впечатление символического и идеологического значения триумфального облика входных ворот усиливают плакаты и лозунги, посвященные советскому военно-морскому флоту, который «был, есть и будет верным стражем морских границ любимой социалистической отчизны».

Обратимся к садам и их внутренним элементам города Сталинска. Выше уже подчеркивалась особая символика его культурного пространства и места самого города в преобразовании региона. Примечательно, что раздел в единственном выпуске ежегодника Новосибирского отделения Союза советских архитекторов, посвященный озеленению городов Сибири, открывался статьей о Сталинске, а в качестве общей иллюстрации к разделу было приведено изображение монумента И.В. Сталина у здания заводууправления¹⁰⁶. При сравнении

---

¹⁰⁵ Паперный Вл. Культура 2 ... С. 292–293.

¹⁰⁶ См.: Казаковец Г.М. К вопросу озеленения городов Сибири // Архитектура Сибири. Июль 1951. Ежегодник ... С. 65, 66–74.

этого изображения с видом на иллюстрации № 14 обнаруживается, что вокруг монумента выросли деревья и кустарники, которые были посажены в сквере возле заводоуправления еще в 1933 г.; тогда же был заложен «по архитектурному и дендрологическому проекту» сад металлургов¹⁰⁷. Несмотря на то, что снимок для ежегодника был сделан зимой, сквозь снег просматривается клумба перед памятником. На иллюстрации №26 воспроизводится фрагмент входа в сад металлургов со скульптурой рабочего соответствующей профессии. Надетая на нем шляпа указывает, что это горновой, следящий за процессом выплавки. В упомянутой статье, из которой воспроизводится данный снимок, имеется изображение и второй находившейся у входа в сад скульптуры рабочего, разливающего выплавленный металл в форму.

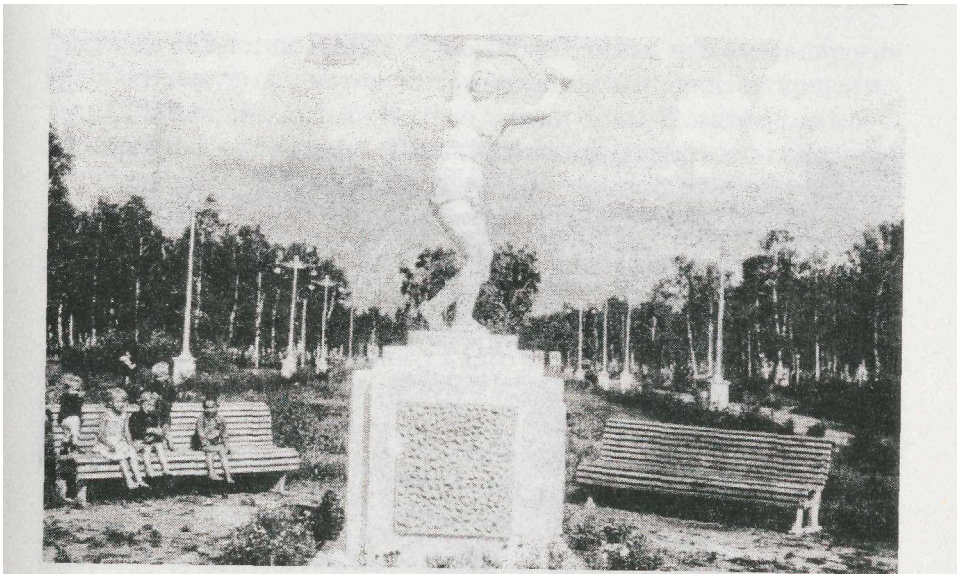
По поводу характера садово-парковых скульптур в Сталинске автор статьи архитектор Г.М. Казаковцев сообщал: «Установлено много скульптур, отражающих героико социалистического труда и физкультурную тематику. Они расположены в сквере, на стадионе, при входе в сад металлургов, в сад строителей и т.д.»¹⁰⁸. (Вполне возможно, что перед входом в сад строителей находились фигуры рабочих-строителей). Судя по кольцевой схеме внутренней планировки сада металлургов, приведенной автором статьи, сад находился в непосредственной близости от Дворца металлургов, о котором шла речь в параграфе 3.2. К Дворцу вела одна из радиальных аллей сада. Похоже, что изображенная и на иллюстрации №7 скульптура металлурга служила локальным маркером культурного пространства Сталинска. Такой вывод напрашивается при сравнении изображений на иллюстрациях №7, 26,30.

На последней из них (№30) изображение фонтана – ядра садово-паркового пространства Сталинска, несмотря на нечеткость снимка, воспроизведенного из той же статьи, демонстрирует еще две фигуры металлургов. Сопоставляя этот снимок с архивной фотографией из буклета, подготовленного к ретроспективной художественной

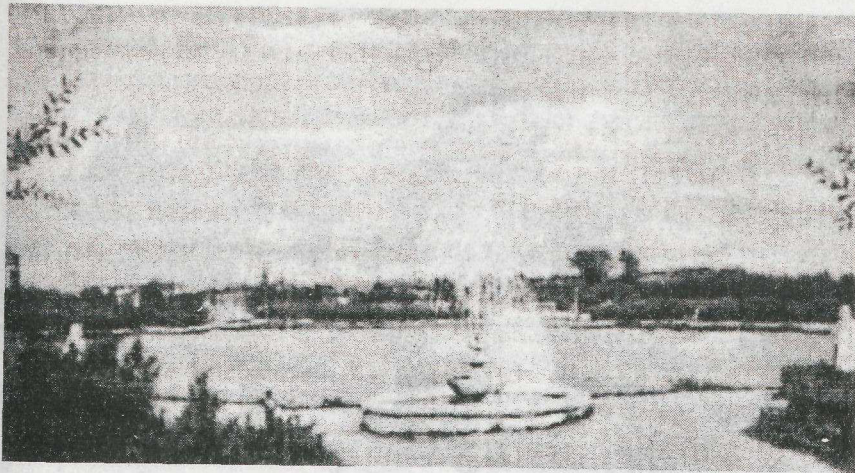
---

¹⁰⁷ Казаковцев Г.М. К вопросу озеленения городов Сибири... С. 73.

¹⁰⁸ Там же.

Илл.27. В парке культуры и отдыха (г.Омск)

Илл.28. Фонтан на Белом озере в г. Томске

Илл.29. Фонтан-каскад в г. Новосибирске

Илл.30. Фонтан в Саду Metallургов (г. Сталинск)

выставке «65-летию КМК»¹⁰⁹, можно уточнить, что «металлурги» вращают некую ось, которую можно принять за архитектурную деталь фонтана, символизирующую добычу воды. Помещенная в буклете хроника культурных событий по материалам газеты «Большевицкая сталь» за 1936 г. (от 9 марта) с комментариями искусствоведа Т.М. Высоцкой раскрывает название скульптурной группы для фонтана в саду металлургов, время ее создания и имя местного ваятеля: «В скульптурной мастерской соцгорода скульптор Гамулин за отделкой новой скульптуры "Бурильщики"»¹¹⁰. Интересно, что в информации из газеты от 18 января того же года сообщается о наличии в Сталинске скульптурной мастерской, где изготавливалось большое количество различных скульптур для улиц, площадей и зданий социалистического города. Здесь же перечислены фамилии членов скульптурной бригады: Клыков, Зайцев, Барсуков. Видимо, они и Гамулин являлись авторами и фигур металлургов у входа в сад, а затем и у здания Дворца металлургов, сданного в эксплуатацию в конце 1936 г.

Возвращаясь к садово-парковым сооружениям в Сталинске, первоначально отметим, что видимая на иллюстрации №26 часть входа в сад металлургов явно деревянная, с полукружьями ограды из штакетника. Хотя Г.М. Казаковцев указывает, что большинство садов и скверов в городе ограждено чугунными клепаными или сварными решетками. Относительно их эстетических свойств он довольно критичен: «Просты по композиции решетки скверов у заводууправления, на проспекте имени Кирова и др., но ограждения из газовых труб – еще недостаточно высокого качества и примитивны по рисунку»¹¹¹. Из планировочной схемы сада металлургов видно, что территорию сада окружают крупные социально-культурные объекты. Это уже упоминавшийся Дворец металлургов, летний кинотеатр и кинотеатр «Коммунар», построенный в 1933 г. В упомянутом каталоге юбилейной выставки помещена архивная фотография кинотеатра «Коммунар»¹¹², на которой можно увидеть признаки начавшего утверждаться «Большого стиля» с опорой на классическое наследие (мощные колонны, лепнина, аркообразные детали декора). Рядом с

---

¹⁰⁹ Ретроспективная художественная выставка «65-летию Кузнецкого металлургического комбината». Новокузнецк, 1997. С. 32.

¹¹⁰ Ретроспективная художественная выставка «65-летию КМК»... С. 11.

¹¹¹ Архитектура Сибири. Июль 1951. Ежегодник... С.73.

¹¹² Ретроспективная художественная выставка «65-летию КМК»... С. 30.

кинотеатром на высоком постаменте виден не столь распространенный в наборе сталинской «глиптотеки» вариант городской скульптуры – фигура женщины с опущенной скрипкой в левой руке и смычком в правой. Примечательно, что женщина одета в длинное (концертное) платье. Возможно, это произведение создано в упоминавшейся местной мастерской и могло символизировать новые эстетические ценности, важные для жителей Сталинска-работников Кузнецкого металлургического комбината. В хронике из газеты «Большевицкая сталь» обращает на себя внимание заметка от 30 октября 1936 г., в которой подчеркивается, что город чугуна и стали нуждается в высокой интеллектуальной и художественной культуре: «Он не может жить провинциальной жизнью. Он должен иметь лучшее, что достигнуто мировой и советской культурой. При этом условии над производством чугуна и стали будут работать еще лучше, все повышая их качество, высококвалифицированные люди»¹¹³.

Еще одна примечательная критическая деталь содержится в статье Г.М. Казаковцева. Она относится к особенностям зеленого строительства и оформлению садов и скверов Сталинска в послевоенные годы. Автор отмечает, что не используется прием вертикального озеленения, которое могло бы украсить улицы, оформить скучные торцы зданий, закрыть отдельные непривлекательные архитектурные детали¹¹⁴. По его мнению, этот прием наиболее эффективен для декорирования уличных фонарей, трамвайных мачт, входов в парк и других малых форм. Значение вертикальных линий, башен, шпилей – новые черты эстетики Культуры 2, ее московских образцов. Это отмечается в исследованиях Владимира Паперного, Ю.С. Косенковой, просматривается в визуальных материалах с изображениями построенных и проектировавшихся «домов со шпилями», которые включены в книги сибирских историков архитектуры и градостроительства В.И. Кочадамова, С.Н. Баландина, Б.И. Оглы. В Сталинске в конце 1950-х гг. также появляются подобные сооружения, о чем можно судить по фотографиям из архива главного архитектора города,

---

¹¹³ Ретроспективная художественная выставка «65-летию КМК»... С. 12.

¹¹⁴ Архитектура Сибири. Июль 1951. Ежегодник ... С.71 (Выделено мною – В.Р.).

помещенным в упоминавшемся буклете к выставке. Таким образом, вертикали, рекомендуемые для зеленого строительства, были приметой двойного значения. Они придавали нарядный облик городу (закрывали неприглядное) и в соответствии с соцреалистическим канонам могли способствовать созданию замечательных образцов садово-паркового искусства, достойных города, носящего имя великого Сталина. Такова завершающая фраза архитектора-специалиста того времени, главным профессиональным критерием для которого было стремление к проектированию ансамблевой городской застройки, включавшей сооружения, символизирующие триумф победы и мощь державы. Образцом для их местных вариантов были высотные здания столицы.

Последний сюжет этого параграфа связан с важным символическим элементом садово-паркового пространства, имеющим древнее происхождение и столь же древнее истолкование его предназначения для человека. Это фонтаны. Частично о них уже упоминалось. Следует учитывать, что в семиотических трактовках фонтан, прежде всего, олицетворяет зримое воплощение овладения водной стихией. Это подчеркивает и М. Золотоносов, указывая, что вертикальная структура фонтана, напоминающая о Мировом древе и «Божественной комедии», идеально описывает весь сталинский универсум¹¹⁵. Культурологические характеристики значения образа воды и отношения к ней с начала 1930-х гг., особенно в послевоенные годы, присутствуют в книге В. Паперного¹¹⁶.

На иллюстрации №29 изображен один из самых ранних фонтанов в крупных городах региона. Возможно, это первый фонтан в культурном ландшафте западносибирского города советской эпохи. Он появился в Новосибирске, был необычным по конструкции (фонтан-каскад). Место его расположения на Красном проспекте неподалеку от центральной площади столицы региона – площади имени И.В. Сталина, напротив Дома Ленина (Театра юного зрителя). В.М. Пивкин пишет, что этот проект сыграл роковую роль в судьбе автора – архитектора В.М. Тейтеля¹¹⁷ и приводит выдержки из критических заметок

---

¹¹⁵ Золотоносов М. Глиптократос. Исследование немого дискурса... С. 147.

¹¹⁶ Паперный Вл. Культура 2 ... С. 175–180.

¹¹⁷ Пивкин В.М. Новосибирские академики ... С.46–50.

в прессе по поводу качества проекта и реализованного сооружения. Летом 1935 г. был открыт для доступа трудящихся Первомайский сквер с фонтаном-каскадом, летним рестораном, душем и площадкой для оркестра. Две фотографии (одна из частного архива, другая принадлежит современному фотографу), приводимые на вклейках в книге В.М. Пивкина¹¹⁸, дают представление о необычном фонтане-каскаде. Воспроизведенный на иллюстрации №29 по почтовой карточке 1938 г. из нашей коллекции первоначальный вид фонтана идентичен первому снимку из книги Пивкина. Второй современный снимок в его книге показывает фонтан в действии и опровергает газетные обвинения в адрес Тейтеля относительно неудачной конструкции и проблем с подачей воды в фонтане.

Устроенный в Новосибирске фонтан-каскад вполне соответствовал новой соцреалистической эстетике советской культуры. В нем просматриваются монументальные черты: мощная кладка срединной части, крупные бетонные шары в обрамлении полукруглой части водоема. На приведенном снимке, к сожалению, не видны большие декоративные вазы, которые были установлены на боковых пьедесталах, завершающих правое и левое крылья фонтана, которые исходили из срединной конструкции. Одну из этих огромных ваз и бетонные шары полукруга водоема можно видеть на иллюстрации №19, относящейся к предыдущему параграфу, что дает возможность уточнить местонахождение одного из символических сооружений в честь победы над Германией, установленных в центре Новосибирска. Фрагмент фонтана с вазой заметен на почтовой открытке «Новосибирск. Горисполком и Театр юного зрителя», изданной в 1964 г. в Москве. Место фонтана в Первомайском сквере отвечало пониманию роли воды как одного из решающих элементов архитектурного образа и функционального профиля в садово-парковых концепциях, разработанных в середине 1930-х гг.¹¹⁹.

Более распространенная форма фонтана в 1930-е годы имела круглый водоем. Таков по описаниям фонтан в Сталинске в Центральном парке культуры и отдыха на реке Кондоме. Он представлял

---

¹¹⁸ Пивкин В.М. Новосибирские академики ... Вклейка между С.64 и С.65.

¹¹⁹ Проблемы садово-парковой архитектуры ... С.77.

«большой круглый водоем, диаметром 10–12 м, со стенкой 80–90 см. В центре водоема поставлена ваза на груды камней с водометом»¹²⁰. По мнению архитектора Г.М. Казаковцева, этот фонтан и фонтан в саду металлургов были «очень простыми по форме, но очень примитивными и не выразительными по композиции». Относительно фонтана в саду металлургов он дополнительно подчеркнул, что скульптурная группа разведчиков недр не вяжется с основанием (на котором они стоят), выполненным в неудачной форме и грубых деталях. Справедливость подобной оценки подтверждается при повторном обращении к иллюстрации №30. Фонтан производит впечатление карусели, вращаемой «бурильщиками». Аналогия с аттракционом усиливается при сравнении изображения со снимком в буклете юбилейной выставки: видно, что на пьедесталах в срединной части фонтана расположены фонтанчики в виде лягушек. (Скульптурки лягушек и вазы украшали ограду у пруда в Центральном парке культуры и отдыха в Москве). Несмотря на это, можно считать фонтан сада металлургов в Сталинске уникальным признаком реального и символического культурно-цивилизационного ландшафта западносибирского города, который должен был олицетворять общий образ и местный образец пространства «соцгорода».

Фонтан с водоемом правильной круглой формы и с тремя расположенными на общем стержне друг над другом чашами (от нижней самой большой к двум примерно одинаковым по размеру) был устроен в 1930-е гг. в Томске на Белом озере. Он представлен на иллюстрации №28 (изображение воспроизводится по снимку из книги С. Привалихиной). С. Привалихина отмечает, что Белое озеро стали облагораживать с конца 1920-х гг. В последующее десятилетие его вычистили от бытового мусора, обнесли чугунной оградой, отлитой на Сталинском металлургическом комбинате, поставили красивые ворота; тогда же в центре озера устроили фонтан¹²¹. Журналистка добавляет, что «вокруг чаши поставили множество памятников деятелям коммунистической партии и государства, героям гражданской войны». На приводимом изображении просматриваются справа и слева от фонтана гипсовые скульптурные фигуры в полный рост.

---

¹²⁰ Архитектура Сибири: Июль 1951. Ежегодник... С.73.

¹²¹ Привалихина С. Мой Томск ... С. 121.

В тексте уже неоднократно цитировавшейся выше статьи Г.М. Казаковцева, посвященном состоянию озеленения Томска, в основном, в послевоенный период, есть характеристика сквера около Белого озера. Автор отнес его к числу новых скверов, созданных в городе «за последние 10–15 лет»¹²² и выделил среди недостатков этого сквера «почти полное отсутствие малых форм (входы, ограждения, скамьи, газетные стенды, вазы и т.д.)». О наличии фонтана он не упомянул, из скульптур назвал только установленные при входе в сквер статуи В.И. Ленина и И.В. Сталина. По сведениям С. Привалихиной, во время Великой Отечественной войны на территории, прилегавшей к Белому озеру, оказались эвакуированные предприятия, которые использовали озеро для своих нужд и вырубали деревья. Вероятно, тогда же исчез фонтан. (Хотя на современной карте города фонтан на Белом озере обозначен).

О наличии в скверах и парках Томска других фонтанов похожего вида свидетельствует иллюстрация №15. На ней хорошо виден круглый водоем фонтана перед статуей И.В. Сталина в Университетской роще. В центре фонтана на постаменте круглая плоская чаша. (Статуя и фонтан находились непосредственно перед фасадом главного здания университета). Г.М. Казаковцев так охарактеризовал фонтан: «простой по форме, хорошо гармонирующий с окружающими зелеными насаждениями», а также отметил, что «масштабность деревьев, аллеи и ваз придает центральной части рощи архитектурную гармонию и законченность»¹²³. Вазы разных форм на постаментах – типичный элемент садово-паркового пространства западносибирского крупного города. На иллюстрации №25 виден омский вариант подобного украшения. Изображение воспроизводится по снимку из книги М.П. Коржева и М.И. Прохоровой¹²⁴. Авторы, давая первую классификацию советских парков, выделили в особую группу детские парки, которым, по их мнению, свойственна совершенно особая парковая архитектура и эстетика паркового пейзажа или сооружения. Они назвали Парком пионеров и школьников Сад пионеров, как он именовался

---

¹²² Архитектура Сибири. Июль 1951. Ежегодник ... С.78.

¹²³ Там же. С.77.

¹²⁴ Коржев М. П., Прохорова М.И. Архитектура парков СССР. М., 1940. Илл. 104.

в Омске¹²⁵, созданный на базе сада уничтоженного Кафедрального собора. С весны 1936 г. там началось строительство павильонов, спортивных площадок, водного бассейна с фонтаном. К сожалению, трудно судить о первоначальном виде этого фонтана. В настоящее время на территории Сада пионеров имеется два фонтана более поздней постройки. Один из них – «Дети с пингвинами» выполнен из чугуна и, возможно, установлен в конце 1950-х гг., хотя среди иллюстраций в книге М. Золотоносова есть похожий образ. Скульптура «Игра в мяч» не сохранилась, как и изображенная рядом с ней ваза на постаменте. Из сюжетов спортивной игры в советском изобразительном искусстве играм с мячом с начала 1930-х гг., как считает А.И. Морозов, отдается явное предпочтение, поскольку они дают возможность показать фигуру, взлетающую вверх¹²⁶. Примечателен своей величиной и деталями покрывающей мяч, который подбрасывают дети. Он сравним с мячом из распространенной в те годы игры в пушбол, ее можно увидеть на картине советского художника П. Кузнецова «Пушбол» (1931), снимок которой приводит А.И. Морозов. Среди садово-парковой скульптуры послевоенного времени, устанавливавшейся в западносибирских городах, тема спорта, насколько можно судить по обрывочным данным, взрослеет. (Вновь можно обратиться к иллюстрации №27).

Итак, сады и парки в провинциальной культуре России, ее отдельных городов – региональных центров обладали внешними признаками новизны, привносимой советской эпохой в набор обязательных сооружений и скульптур. Здесь можно установить либо следование идеологизированным образцам сакральных столичных пространств, либо оригинальное местное творчество, прославляющее образы-символы рабочих профессий тех предприятий, которые были геном социалистического города (Сталинск). Однако в зеленом оснащении скверов, садов и парков доминировали объективные потребности городов, связанные с противодействием загрязнению воздуха, с улучшением неблагоприятных природно-климатических условий. Отсюда часто встречаемые в советских публикациях и в архивных

---

¹²⁵ ГАОО. Ф.1212. Оп.1. Д.66. Л.3; Улицы города Омска ... С. 140.

¹²⁶ Морозов А.И. Конец утопии ... С. 102.

документах фразы о садах и парках как любимых местах отдыха трудящихся. Наиболее показательна в этом отношении омская ситуация. Она характеризуется массовым участием населения города в реальном воплощении с середины 1950-х гг. образа «города-сада», началом проведения городских выставок по зеленому строительству, цветоводству и приусадебному садоводству. О них уже в 1955 г. сообщается как о традиции. (Традиция дожила до современных дней в виде городского праздника «Флора», проходящего в Омске в августе в рамках мероприятий по празднованию «Дня города»).

3.6. Проекты Дома Архитектора – нереализованный элемент советского облика «столицы» региона (комментарии к иллюстрациям №31–32)

Третий раздел нашей книги начинался с проектов создания новых символических координат культурного пространства в Новониколаевске, будущем Новосибирске, который тогда имел еще уездный статус. Обнаруженные нами проекты своими художественно-эстетическими свойствами отражали высокий пафос послереволюционной эпохи и локальное своеобразие проявления «горячей» Культуры 1 (В. Паперный). Прежде, чем обратиться к местным примерам нереализованных проектов «застывшей» Культуры 2, заметим, что в истории архитектуры «бумажная» проектная деятельность является нормальным свидетельством творческих поисков. В ней могут отражаться как общие тенденции реального развития культуры, так и выход за их пределы (архитектурные фантазии). Проблема востребования тех или иных проектов в советской культуре сталинской эпохи связана со степенью их соответствия требованиям официального соцреалистического канона, а также, особенно в случае с крупными архитектурными или градостроительными проектами, с наличием материальных ресурсов для их реализации.

В трудах сибирских историков градостроительства и архитектуры Б.И. Оглы и С.Н. Баландина¹²⁷ уделяется большое внимание послевоенному проектированию в Новосибирске и в других городах региона, приводятся градостроительные и планировочные схемы, рисунки с проектов застройки отдельных частей городов, а также возможных архитектурных ансамблей. Как уже отмечалось выше (параграф 3.4), особую роль в складывании новых символических образов советской архитектуры и в выборе стилевых образцов русского зодчества оказала Победа в Великой Отечественной войне. Высотные здания Москвы, собирательный образ Дома Советов – эти

---

¹²⁷ См.: Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 ... С.5–48 (вклейки между С.64–65); Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему ... С.54–63(вклейки между С. 40–41); Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты. Новосибирск, 1999. С.69–78.

проекты первых послевоенных лет оказали глубокое влияние на профессиональное сознание советских архитекторов. Ю. Л. Косенкова пишет: «Экспрессия рвущихся к небу ярусных объемов московских «высоток» равно как и их подражаний в различных городах, в большинстве случаев лишь имитировавших «высотность» композиционными средствами, давала повод к сильному эмоциональному переживанию»¹²⁸.

Однако не везде тягу к проектированию высотных завершений административных и жилых зданий, башен и других вертикалей в ансамбле нестоличных городов можно объяснить только «подражанием». Относительно Новосибирска еще до войны архитекторы, в частности, А.Д. Крячков, отмечали монотонность его силуэта. Поэтому не удивительно стремление авторов проекта реконструкции городского центра (архитекторы И.И. Соколов-Добрев, Р.М. Окунева), который разрабатывался в 1945–1946 гг., включить в правобережную панораму Новосибирска пять вертикалей высотных зданий. Одно из них по силуэту основной части было, судя по рисунку, приведенному Б.И. Оглы¹²⁹, сходным со зданием МГУ на Ленинских горах. Примечательно, что законченный образ этого строящегося здания существовал на тот момент еще только в виде проекта. Тем не менее, силуэты московских высотных ансамблей широко использовались в творческих поисках сибирских архитекторов. Присутствовали они, например, в уже упомянутом проекте предместной площади Новосибирска при въезде на проспект Маркса (коллектив ленинградских архитекторов под руководством Г.Я. Гладштейна, 1950 г.)¹³⁰.

Завершения проектов жилых домов высотными башнями, напоминающими одновременно башни московского кремля и силуэты центральных частей столичных высотных зданий, либо просто башнями «со шпильями», характерны для послевоенных творческих поисков местных архитекторов. Из новосибирских зодчих к подобному проектному решению тяготели Г.Ф. Кравцов, Р.М. Окунева, В.К. Петровский,

---

¹²⁸ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.... С.141.

¹²⁹ Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири... С.74–75.

¹³⁰ Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири ... С.77.

А.С. Михайлов, С.П. Скобликов. Снимки с их проектов приводились в специальных публикациях, начиная с 1948 г. и вплоть до уже называвшихся трудов С.Н. Баландина и Б.И. Оглы¹³¹. Шпили некоторых из проектируемых башен, как и на московских высотных зданиях, завершались звездой в обрамлении лаврового венка. Деталь, символизирующая мощь советской армии и прославление победителей.

Ассоциации с московскими постройками, возникающие при рассмотрении этих изображений у современного исследователя не случайны. Они подтверждают не копирование столичных образцов, а дополнительную линию на включение в осваиваемое согласно соцреалистическому канону классическое наследие национальных традиций русского средневекового зодчества. Такая направленность определилась для профессиональной деятельности советских архитекторов в первое послевоенное десятилетие. Предлагались теоретические обоснования необходимости учета опыта и увязки практики строительства ансамблей высотных зданий Москвы с традиционными приемами русских зодчих XVII в., использованными при сооружении башен Московского Кремля¹³². Б.И. Оглы подчеркивает, что для реальной градостроительной практики застройки сибирских городов не были присущи триумфальная помпезность и классическая регулярность в том ортодоксальном выражении, как это проявилось при восстановлении разрушенных городов. Архитектура сибирских городов отличалась сдержанностью, хотя в ней и использовались мотивы классики и барокко¹³³. Возможно, поэтому реализованные в западносибирских городах варианты зданий с башнями и шпилями не производят

---

¹³¹ См.: Дворин А.М. Архитектурно-строительные перспективы г. Новосибирска // Новосибирск. Сб. / Под ред. В.В. Ревердатто и Г.В. Малкина. Новосибирск, 1948. С.41; Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 ... С.5–48 (вклейки между С.64–65); Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему ... С.54–63 (вклейки между С. 40–41); Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири ... С.69–78.

¹³² Опочинская А. Ансамбль высотных зданий Москвы и национальные традиции русских зодчих // Советская архитектура. Сб. Союза Советских архитекторов. М., 1954.С.60–69.

¹³³ Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири ... С.70.

столь монументального впечатления, как известные столичные высотные образцы.

Интересные опыты «бумажной» архитектуры военного и первых послевоенных лет представлены в экспозиции Музея истории архитектуры и архитектурного образования Новосибирской государственной академии архитектуры (Музей-архив НГАХА)¹³⁴. Из них примечательны некоторые эскизы и чертежи к дипломным проектам зданий музея-памятника Великой Отечественной войны в Новосибирске. В основном это варианты в духе русского классицизма конца XVIII – первой трети XIX века с античными колоннами и куполообразной центральной частью (1944 г., научный руководитель архитектор-художник В.С. Масленников, дипломник Л.Г. Сакович). Другой проект на ту же тему выполнен в 1947 г. дипломником Г. Серебряковым под руководством профессора А.Д. Крячкова. (В книге С.Н. Баландина он указан как проект общественного здания¹³⁵). Проект примечателен фасадом главного входа с мощным портиком и фронтоном, с двумя боковыми частями общего объема здания. Они завершаются небольшими башнями без верха. Центральная часть одновременно служит основанием трехъярусной башни. По силуэту она отдаленно напоминает кремлевские башни. Ярусы прямоугольные, третий сильно вытянут в высоту и на нем помещена восьмигранная башенка со шпилем и красной звездой; на втором ярусе расположены скульптурные фигуры.

В экспозиции музея-архива имеется более ранний (1942 г.) дипломный эскиз здания Панорамы Великой Отечественной войны для Киева, выполненный под руководством профессора В.Л. Гофмана¹³⁶. (Подпись дипломника неразборчива). Эскиз отражает следование довоенным образцам: композиция и изображение напоминают монументальные павильоны СССР на международных выставках в 1937 г. и в 1939 г. Здание, представляющее пьедестал-лестницу, по которой с двух сторон поднимаются со знаменами воины-красноармейцы,

---

¹³⁴ Музей-архив НГАХА. Зал 1. Стенд Э5. №519; Стенд Э15. №529; Стенд Э22. №536; Стенд Э28. №542.

¹³⁵ Баландин С.Н, Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири. Новосибирск, 1993. Фотографии на вклейках между С.64 и С.65.

¹³⁶ Музей-архив НГАХА. Зал 1. Стенд Э32. №546.

увенчано скульптурной фигурой И.В. Сталина. Перед фасадом главного входа на постаментах помещены вставшие «на дыбы» танки. Появление упомянутого дипломного проекта, не относящегося к сибирским городам, объяснимо. В Новосибирск были эвакуированы Московский и Днепропетровский инженерно-строительные институты, здесь же находились ленинградские специалисты. Среди них профессор архитектуры В.Л. Гофман, который руководил в 1942–1943 гг. исследовательской темой «Восстановление разрушенных городов и сел»¹³⁷.

Среди других тем дипломного проектирования – здание Музея русской культуры в Новосибирске. В экспозиции Музея-архива НГАХА имеются три работы. Самая ранняя относится к 1947 г. Она выполнена дипломником ДА. Смирновым под руководством профессора А.Д. Крячкова и при консультации В.С. Масленникова. (Снимок с этого проектного эскиза приводится и в книге С.Н. Баландина, но под названием «Дворец русской культуры»). Представленный в музейной экспозиции главный фасад здания выполнен в неоклассическом стиле с небольшими башенками на куполообразном основании и аркообразными входами по концам вытянутого по горизонтали общего объема здания. Над арками входов надпись «История Руси», а справа и слева от входов даты «1946» и «1950». На второй работе, датированной 1948 г., изображение здания, стилизованное под средневековый московский Кремль, а на башнях помещены красные звезды (дипломник А. Харчук, научный руководитель В.С. Масленников). Третий проект относится к 1950 г. (дипломник Ю.П. Тайченев, научный руководитель А.Д. Крячков). Здание музея имеет купол с башней из одного яруса, но со шпилем, два этажа, античные колонны фасада и памятник в виде скульптурной фигуры В.И. Ленина. Эти визуальные источники отражают примечательные перемены в идеологической линии, их влияние на тематику «бумажной» архитектуры, соотношение прежних и новых художественно-эстетических критериев внутри соцреалистического канона.

---

¹³⁷ Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири... С. 41–42.

На иллюстрациях №31 и №32 воспроизводятся копии с эскизных проектов «Дома архитекторов» в Новосибирске, одобренных по итогам открытого товарищеского соревнования по составлению проектного задания в конце 1947 г. (Подлинники чертежей хранятся в архивном фонде Новосибирского отделения Союза советских архитекторов¹³⁸). Всего в деле имеется три одобренных проекта. Однако поскольку третий проект (архитекторы Е.Б. Блюм и Б.В. Майков) близок по внешнему виду фасада и его стилистике к проекту архитекторов Е.Ф. Храненко и А.П. Мордвова (иллюстрация №31), а копия с архивного документа оказалась недостаточно четкой, то в наборе иллюстраций мы ограничились двумя проектами.

Несмотря на результаты конкурса, представленные проекты не были переданы для реализации. Товарищеское соревнование было продолжено и в 1950 г.¹³⁹ Причина объясняется, с одной стороны, практическими соображениями. В утвержденных заданиях четвертой пятилетки было намечено к строительству до двух десятков крупных зданий и среди них картинная галерея, заявленная еще и как Дом художника¹⁴⁰. Он должен был войти в число значительных сооружений, которые предстояло возвести в самом центре города в рамках реконструкции площади Сталина; составление проекта Дома художника было поручено архитектору А.П. Максимову¹⁴¹. Особое место в послевоенной деятельности архитекторов занимала городская жилищная проблема, которая требовала больших материальных затрат. Вторая причина приостановки дальнейшего продвижения одобренных проектов кроется в общественно-политической ситуации тех лет. В 1948 г. архитекторы Новосибирска (как и их коллеги по ССА) участвовали в совещаниях, посвященных вопросам теории и практики советской архитектуры, творческим задачам местных отделений в связи с постановлением ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» и в свете прошедшей дискуссии в Академии сельскохозяйственных

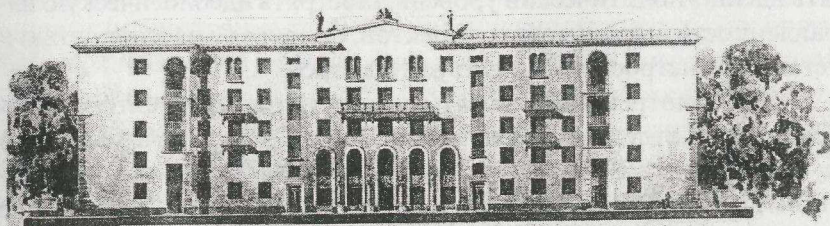
---

¹³⁸ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.56. Л.3,6.

¹³⁹ Там же. Д.84 (на 10 л.).

¹⁴⁰ Дворин А.М. Архитектурно-строительные перспективы г. Новосибирска ... С.40.

¹⁴¹ Архитектура и строительство. М., 1946. №14. С.24.

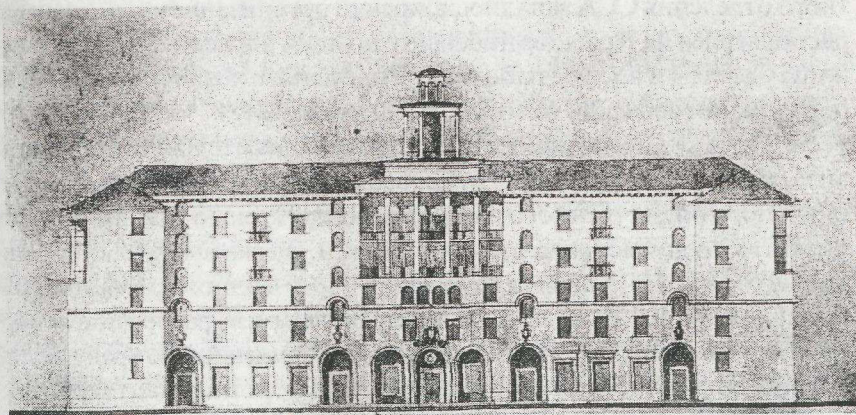

НОВОСИБИРСКИЙ ДОМ АРХИТЕКТОРА
(ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ)

ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ
 ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
 КУРСЫ
 ГОДА 1942
 ПРОЕКТИРОВАНИЕ
 А.Ф. ХРАНИЧЕНКО
 В.П. МОРДВОВ
 1942 г.

Одобренный проект от Храненко А.Ф., Мордвов В.П. 1942 г.

Илл. 31. Эскизный проект Дома архитектора в г. Новосибирске
(авт. А.Ф. Храненко, В.П. Мордвов)

Одобренный проект. Лет арх. Удонова Н.В. 1942 г.

Илл. 32. Эскизный проект Дома архитектора в г. Новосибирске
(авт. Н.В. Удонова)

наук по докладу академика Лысенко¹⁴². Затем они должны были искоренять обнаруженные в ходе совещаний недостатки: повышать идейно-политический уровень, заострять идеологическую направленность выполняемых проектов, бороться с пассивностью и отсталыми настроениями ряда архитекторов¹⁴³.

К рассмотрению вопроса о создании Дома архитектора в Новосибирском отделении вернулись в 1954 г. Однако, речь шла уже о другом варианте. В соответствии с принятым Положением о «творческом Доме Архитектора Союза Советских архитекторов в городе Новосибирске»¹⁴⁴ Дом Архитектора объявлялся организацией ССА, основанной в качестве центра творческой, культурно-просветительской и организационно-массовой работы среди членов отделения. Прежде чем рассмотреть подробнее функции этой организации, следует заметить, что в Положении не оговаривалось строительство специального здания для Дома Архитектора, указывалось лишь, что местоположение организации «Новосибирский Дом Архитектора», состоящей в ведении Новосибирского отделения ССА, находится в городе Новосибирске. Следует указать, что в момент создания местного отделения ССА западно-сибирский организационный комитет располагался на Красном проспекте по двум адресам: в доме гостиницы Советов и в клубе работников народного хозяйства¹⁴⁵. Таким образом, потребность в своем здании имела.

Обращение к приведенным иллюстрациям позволяет представить общее в подходах к проектированию Дома архитектора как специального общественного и одновременно жилого здания. Во всех проектах предусматривались пять этажей, слегка выступающие боковые торцы. Парадная центральная часть в одном случае (эскизный проект А.Ф. Храненко и А.П. Мордвова) имела разорванный карниз и небольшой фронтоном строгой формы, обрамленный по краям скульптурными фигурами (иллюстрация №31). Второй вариант (архитектор Н.В. Удонова) имел более сложную форму центральной части со ступенчатым портиком, завершающим колонны большой балконной

---

¹⁴⁸ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.65; Д. 66.

¹⁴⁷ Там же. Д.66. Л.5об.

¹⁴⁶ Там же. Д. 106. Л. 1.

¹⁴⁵ Новосибирск. Справочник по городу и району... С.280.

ниши четвертого и пятого этажей, и с двухъярусной куполообразной башенкой-«бельведером». Башенка венчает еще один портик с колоннами (иллюстрация №32). Можно условно определить, что проект А.Ф. Храненко и А.П. Мордвова более выдержан в строгом классицистическом образе, а проект Н.В. Удоновой ближе к стилистике русского барокко, вобравшего в себя традиции классицизма и черты рококо. Об этом свидетельствует картуш над аркой центрального входа. В данном случае, это лепное украшение в виде не до конца развернутого свитка, на котором могла помещаться эмблема или надпись. Оба эскизных проекта объединяет присутствие арочных элементов в решении входов и оконных проемов. Выше уже указывалось на арку как особую приметку триумфальных мотивов в послевоенной советской архитектуре. Несмотря на то, что в том и другом проекте преобладает характерная для высокой классической традиции полуциркулярная арка, в проекте Храненко и Мордвова присутствуют сдвоенные арки балконных проемов верхнего этажа, которые напоминают элементы барочного декоративного убранства московских построек XVII века.

В конце сентября 1947 г. в Новосибирске проходило совещание молодых мастеров Москвы, Ленинграда и Новосибирска. На нем характерной особенностью работы новосибирских архитекторов было названо соединение двух основных архитектурных направлений (московского и ленинградского)¹⁴⁶. В резолюции совещания подчеркивалось, что в первом случае речь идет о влиянии принципов и приемов школы академика Жолтовского, а во втором – это монументальная архитектура, берущая свои истоки от ленинградского классицизма и ампира и подающая их в современной интерпретации. Приведенные в иллюстрациях №31–32 изображения возможных фасадов Дома Архитектора отражают еще один срединный вариант в виде вполне допустимого сплава профессиональных предпочтений. Что касается присутствия в одобренных проектах балконов и открытых террас, то, можно воспользоваться мнением В. Паперного¹⁴⁷ о том, что Культура 2 как бы забывает о реальном климате, поэтому средиземноморские

---

¹⁴⁶ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.53. Л. 15об.

¹⁴⁷ Паперный В. Культура Два ... С.171–175.

террасы стали своеобразным лейтмотивом соцреалистической архитектуры 1930-х – 1950-х гг. по всей территории СССР.

Ценная дополнительная информация содержится в эскизе генплана участка к первому проекту и в комментариях к распланировке этажей второго проекта¹⁴⁸. Так, Храненко и Мордвов окружили здание Дома Архитектора бульварами и скверами с цветниками и клумбами. На этом эскизе есть и топографическая привязка. За зеленым бульваром (сквером) позади Дома Архитектора обозначена улица Рабочая. Обращение к планам города 1935 г. и 1955 г. дает основание считать, что Дом Архитектора предполагалось построить в непосредственной близости от Красного проспекта, от Первомайского сквера и от центральной площади города¹⁴⁹.

Из описания показателей первого этажа в проекте Н.В. Удоновой Дом Архитектора предстает как клубное здание. На плане этого этажа указаны: вестибюль, гардероб, фойе, зрительный зал, сцена-эстрада, артистическая, буфет с кладовой и подсобной комнатой, достаточно большой читальный зал площадью в 53 кв.м., книгохранилище. В то же время в перечне помещений на первом этаже имелись кабинет проектировщика площадью 58 кв.м. и три комнаты для правления общей площадью 54,6 кв.м. Остальные этажи предназначались для 43-х квартир, из них одна однокомнатная, 18 малогабаритных двухкомнатных, по 8 двухкомнатных большего метража, по столько же трех- и четырехкомнатных квартир.

Таким образом, одобренные в 1947 г. проекты учитывали корпоративные интересы местного отделения ССА и жилищные потребности творческих работников. Они могли соответствовать и той цели Новосибирского Дома Архитектора как общественной организации, которая была сформулирована в упомянутом Положении от 12 ноября 1954 года. Цель была весьма объемной и сводилась к проведению различного рода мероприятий. Они должны были способствовать: а) повышению идейно-политического уровня архитекторов на основе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина; б) обмену творческим опытом и культурному общению архитекторов между собою

---

¹⁴⁸ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д.56. Л.Зоб., Л.боб.

¹⁴⁹ Новосибирск. 100 лет. Историко-географический атлас. Новосибирск, 1993. С.22–23,28–29.

путем устройства публичных диспутов, лекций, выставок, вечеров, спектаклей, киносеансов, концертов и т.п.; в) повышению творческой квалификации архитекторов путем устройства курсов, кружков, архитектурных кабинетов, лабораторий и т.п.; г) развитию спорта среди архитекторов путем устройства спортивных баз, состязаний; д) организации внешкольной работы среди детей архитекторов; е) привлечению общественного актива из среды архитекторов для помощи в деятельности Дома Архитектора»¹⁵⁰. Сама идея и практика строительства подобных корпоративных домов специалистов в 1930-е – 1950-е гг. закрепляла в городском пространстве сложную социокультурную иерархию советского общества сталинской эпохи. Подобные дома являлись обособленными ядрами этого пространства наряду с заводскими клубами, также предназначенными для отдельной категории горожан. Местами для общих встреч становились инфраструктурные элементы государственной отрасли культурного обслуживания населения – театры, кинотеатры, парки. Тем самым разрушалось единство Места и его восприятия всеми слоями городского населения в качестве возможной опоры для формирования самостоятельного городского сообщества. «Культурные гнезда» советской эпохи в этом варианте возвращались к образу и модели деятельности закрытого элитарного клуба.

В марте 1953 г. на творческой дискуссии в отделении Союза новосибирские архитекторы критиковались за то, что чрезмерно увлечены башнями и башенками на фасадах жилых домов¹⁵¹. Как пишет С.Н. Баландин, критике подверглись приемы композиций, применяемые архитекторами Б.А. Биткиным, Н.Ф. Храненко, К. И. Митиным, К. Е. Осиповым. Тем не менее, С.Н. Баландин и Б.И. Оглы, приводя снимки жилых и общественных зданий, построенных в начале 1950-х гг. по проектам Н.Ф. Храненко и К.Е. Осипова, положительно оценивают профессионализм разработчиков, соответствующий своему времени. Несмотря на то, что в послевоенный период Новосибирск застраивался, как подчеркнул Б.И. Оглы, по ординарным

---

¹⁵⁰ ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

¹⁵¹ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 ... С.23.

меркам областного центра, в городе были возведены здания с представительной архитектурой, с портиками, колоннадами и прочими атрибутами классики¹⁵². Примечательно мнение Б.И. Оглы по поводу одного из нереализованных проектов реконструкции центральной площади города. По замыслу архитекторов А.С. Михайлова, С.П. Скобликова, Г.Ф. Кравцова рядом со зданием оперного театра должен был появиться жилой дом, увенчанный трехъярусной башней. Это, как указал Оглы, могло значительно обогатить композицию всего пространства перед театром оперы и балета, благодаря контрастному сочетанию стройного изящного башенного завершения со статичным объемом театра¹⁵³. Как уже указывалось, о проектах Дома Архитектора и их судьбе в трудах сибирских историков архитектуры и градостроительства нет никаких упоминаний. Дальнейший поворот в деятельности градостроителей, архитекторов и инженеров, увлеченных возможностями строительства «без излишеств», ориентировал на другие проектные решения. Означало ли это полный отказ от эстетики социалистического реализма и приоритетов советской культуры? Какие новые элементы и ориентиры стали внедряться в культурное пространство западносибирских крупных городов? Было ли это очередным возвращением к ценностям «горячей» Культуры 1 или затухающей фазой Культуры 2? Ответы на эти вопросы возможны при расширении хронологических рамок нашего исследования.

Подведем итоги третьего раздела нашей книги. Проанализированные визуальные источники, несмотря на ограниченность выборки, подтверждают, что любой город растет слоями, деформирующими и/или устраняющими прежние координаты городского пространства. Некоторые слои, искусственно возвращаемые в виде «новоделов», постепенно врастают в культурно-историческую среду другой эпохи и воспринимаются последующими поколениями как подлинные свидетельства прошлого. Значение историко-культурологических исследований для восстановления динамики всех ключевых смыслов меняющихся доминант состоит и в том, что создается постоянно

---

¹⁵² Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему ... С.60.

¹⁵³ Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему ... С.58.

пополняющаяся информационная основа для изучения степени прочности духовных и культурных традиций в истории страны в XX в., их зависимости от идеологической конъюнктуры, локального своеобразия того и другого. Такой «банк данных» полезен и для выяснения роли городского пространства и отдельных его элементов в формировании мифологизированной исторической памяти, в материализации ее общенациональных опор и символов регионального самосознания.

Обратившись к фрагментам, связанным с локальной и региональной спецификой культурно-цивилизационного ландшафта города советского периода нашей истории, мы выходим еще на одну грань проблемы соотношения субкультурных слоев в отечественной культуре, не очевидную для социальных историков, опирающихся преимущественно на письменные источники. Рассматривая советскую культуру как субкультурный слой, смыслообразующим стержнем которого являются официальные идеологические установки, можно наблюдать, что в реальном культурном пространстве, особенно периферийном, желаемая оболочка наполняется другими дополнительными значениями, не связанными с заказом власти. Элементы инфраструктуры советской культуры (памятник, архитектурное сооружение, клуб, кинотеатр, парк культуры и отдыха и прочее) встраивается в культуру повседневной жизни горожан.

Привлечение визуальных источников для междисциплинарных историко-культурологических исследований открывает возможности послойного снятия смысловых пластов, характеризующих конкретно-историческую динамику культурного своеобразия в локальном городском пространстве. Естественно, что для этого требуется определенная последовательность методических процедур. Первая из них сводится к толкованию видимого слоя изображения, который имеет легко узнаваемые детали. Сюда же включается сопоставление с информацией об увиденном из других источников, включая краеведческие и отраслевые публикации. Эта процедура достаточно традиционна для историка культуры. В отличие от нее вторая процедура очерчивает круг возможных ассоциаций и аллюзий, связанных с изображением в целом и с его отдельными деталями, и формирует, таким образом, усложняющийся историко-культурный и культурологический

контекст. Ее можно назвать кумулятивной, накапливающей избыточную информацию, часть из которой обеспечит дальнейшее расширение междисциплинарного проблемного поля. Третья процедура сводится к возможной расшифровке/интерпретации всего полученного «текста» в слиянии очевидных/реальных пластов культурного пространства и возможных его трансформаций (прежних и будущих), находящихся «за кадром».

Представленные в наших комментариях к отдельным иллюстрациям образы и менявшиеся признаки фрагментов культурно-цивилизационного ландшафта нестоличных городов советской сталинской эпохи свидетельствуют о чередовании полос активного переконструирования и не менее активного упорядочения городского культурного пространства. Причем в этом процессе проявляются как политические импульсы, исходящие от Центра, так и местные (локальные и региональные) интересы. Последние корректируют официальные установки и образцы, приглушая идеологическую заданность советской культуры, придавая ей сомасштабность повседневной жизни и потребностям горожан. Там самым обеспечивается вращение элементов советской субкультуры в общий состав реальных координат обитаемого культурного пространства городов региона и страны. Сами эти элементы, включая памятники и символические сооружения, начинают терять сакральный смысл, заложенный соцреалистическим канонem.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сгущение импульсов развития культуры имеет точечный (очаговый) характер и естественную привязку к «Месту», становящемуся «культурным пространством», где наслаиваются и закрепляются вещи и символы культуры, создаваемые в условиях конкретной эпохи, ее идеалов и ценностей. В этих наслоениях следует искать взаимосвязи локального, регионального, общероссийского своеобразия и проявление глобальных социокультурных процессов XX века. Особая роль в этих процессах принадлежит крупным городам, хотя в широком смысле следует относить к центрам сгущения социокультурных процессов любой город, независимо от его величины и административного статуса. Различия, на наш взгляд, будут в степени интенсивности указанных процессов и в конкретном наборе элементов инфраструктуры культурного пространства. Вместе с тем в условиях советской эпохи с ее официальной линией на унификацию появляются обязательные координаты культурного ландшафта, которые более выразительны в крупных городах-центрах, в первую очередь, в региональных «столицах» и областных центрах. Здесь были сосредоточены и соответствующие кадры конструкторов новой символики городского пространства – архитекторов, воплощавших менявшиеся установки своей профессиональной корпорации, представленные в трудах Академии Архитектуры СССР.

Рассмотренные теоретические подходы свидетельствуют, что проблемное поле возможного историко-культурологического изучения интересующей нас темы состоит из нескольких уровней, каждый из которых вполне самостоятелен и имеет разные масштабы. В качестве базового или исходного в избранной исследовательской модели можно обозначить метафизический (макро-) уровень. При этом город рассматривается как целостность («тело», «текст»), а «Культура Места» предстает через уникальный для каждого города набор и сочетания топонимики, знаков, символов, мифов городского пространства («Дух Места»). На этом уровне определяются общие контуры образа города. Следующий – конкретно-исторический (микро-) уровень наполняет и детализирует обобщенно представленный образ

и динамику его изменений, позволяет увидеть деятельность творцов отдельных примет, мифов, символов и т.д.

Огромное значение в культурном пространстве советской эпохи имела архитектура в значении «застывшей идеологии», создававшая повседневный культурный фон и соответствующие координаты для жизни в провинции. Изучение этого сегмента нового проблемного поля оказывается весьма эффективным для понимания соотношения между культурой России в условиях советской эпохи и советской массовой культурой. На местах «в советской глубинке» далеко не всегда реализовывались проекты доминантных ориентиров советского культурного пространства, которые должны были следовать столичному образцу. Тем не менее, приметы советской массовой культуры отражались в архитектурно-планировочных проектах оформления местных центральных площадей, предназначенных для тожественных парадов и манифестаций. Методологически важно учитывать, что двойственность, а точнее, многослойность «текста» советского города (в разнообразных его вариантах) содержит динамически менявшиеся признаки вполне реального и одновременно символического городского пространства – «Места организации социалистического типа расселения». Здесь в проектном представлении предполагалось одно пространство, в итоге формировался другой мир, своя культура повседневности и социокультурные ориентиры горожан.

К началу 40-х гг. XX в. крупные сибирские города Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Тюмень в своем облике в разной степени сохраняли традиционные черты провинциальных центров с их принципами застройки, планировки и благоустройства, с преобладанием деревянных зданий и мощеных улиц. Одновременно в их облике уже присутствовали приметы урбанистических новаций, индустриальные и идеологические символы советской эпохи. Примечательны в этом отношении отличия культурного пространства отдельных крупных центров. На третьем этапе трансформаций культурного пространства советского города 1980-е – 1950-е гг. общие действия власти и интеллигенции (архитекторов, градостроителей, скульпторов), независимо от несовпадения конкретных мотивов и цепей, формировали пространство реальной повседневной жизни. В нем особо значимыми становились отдельные координаты культурно-цивилизационного ландшафта

советской эпохи (парки культуры и отдыха, клубы и дворцы культуры, мемориальные сооружения, связанные с ритуалом советских праздников). Послевоенные годы в этом процессе обладали изначально заданными высшими ценностями для советских людей – ценностью Победы в тяжелейшей войне и ценностью возвращения к мирной человеческой жизни.

Одним из таких символов утверждения «Большого стиля» новой эпохи в культурном пространстве советских городов становится послевоенное масштабное «зеленое строительство». По его темпам, по многообразию форм, по отклику на реальные повседневные нужды горожан из крупных городов-центров Западной Сибири явно выделяется Омск. Это не означает, разумеется, отсутствия привязки к официальным идеологическим установкам. Деформировавшие культурное пространство западносибирских городов вынужденные вкрапления поселков при эвакуированных предприятиях ВПК в послевоенные годы становятся ядрами новых участков городской среды. В послевоенные годы на первое место выходят проблемы планировки и градостроительства, несколько позже, примерно с 1950 г., наблюдается возвращение к вопросам зеленого строительства, но уже в полном соответствии с изменившимися концепциями проектирования. Система зеленых насаждений при этом трактовалась как существенный элемент структуры большого и крупного города, а, следовательно, ее отсутствие или несоответствие обязательному набору (крупные массивы зелени в виде садов и парков) означало отнесение города к другому типу. Образцово-показательное озеленение, объявленное с весны 1947 г. делом государственной важности, теперь становилось главным показателем успехов, достигнутых в области благоустройства.

Соответствующая застройка отдельных районов в крупных городах Западной Сибири, создававшая новые главные площади, начиная с 1930-х гг., не приводила к устранению исторически сложившихся городских центров, а вписывалась в них, убирая не соответствующие советской «культурной мифологеме» детали (например, те из культовых сооружений, которые являлись знаковыми доминантами). В то же время в некоторых инфраструктурных элементах культурного ландшафта городов (архивы, музеи, частные коллекции) сохранялась

память об этих сооружениях и их роли в городском пространстве, что обеспечивало потенциальную преемственность. Это обстоятельство заставляет рассматривать советскую субкультуру как культуру меняющихся переходных состояний, не застывающую в своих «классических» образцах сталинского ампира, а прорастающую в последующий период. В качестве образцов в этом случае воспринимаются здания и сооружения, олицетворяющие советскую эстетическую систему и ее мифы. Силуэты высотных зданий советской столицы конца 1940-х – 1950-х гг. в пространстве провинциальных крупных городов (в нашем случае – западносибирских) закрепляются в виде большого количества проектных эскизов «домов со шпилями», часть из которых была реализована в 1950-е гг. Советская субкультура, материализуясь в координатах городского ландшафта, переходила из желаемых мифологем в реалии повседневности. Развитие культурно-цивилизационного ландшафта крупных городов определяли не только идеологические потребности и приоритеты советской эпохи, но и объективные закономерности. В неуголичных городах «Культура 2» оказывалась более сомасштабной человеку, а не его Универсалии.

В то время в приметах советской культуры послевоенного времени западносибирского культурно-цивилизационного ландшафта присутствуют и официальные монументальные черты, и смягчавшие их местные реалии. И то, и другое отражалось на координатах культурного пространства западносибирского города, а они в свою очередь закрепляли и одновременно растворяли советские черты в городской повседневной жизни.

В дальнейшем необходимо накапливать информацию о современном состоянии памятников, памятных мест и сооружений советской эпохи, особенно ее сталинского варианта, формировать «банк» фотоматериалов, отслеживающих исчезновение советского субкультурного слоя из ландшафта города постсоветского времени и одновременно фиксирующих символы и реалии того времени, в котором сформировались несколько поколений советских людей. Эти вопросы требуют специального рассмотрения, поскольку тесно соприкасаются с проблемами формирования массового исторического сознания, закрепления подлинной или искаженной исторической памяти. «Иваны,

не помнящие родства», появляются не случайно. Для этого нужно прервать связь времен и нарушить естественный ход обустройства местного культурного ландшафта.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.

Алексеев В.В. Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация советской Сибири. / Отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск, 1987. С. 18–23.

Алексеева-Бескина Т.И. Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М., 2001. С.71–162.

Алисов Д.А. Социально-культурный облик города Омска в 1920-е годы // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск. 2000. №4. С.111–120.

Антошук Л.К., Безменова Т.В. Культурологический подход к описанию городской культуры // Дефиниции культуры: Сборник / под ред. Э.В. Бурмакина и А.К. Сухотина. Томск. 1993. С. 189–198.

Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. Новосибирск, 1978.

Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945–1985 гг. Новосибирск, 1986.

Баландин С.Н. Сибирский архитектор. А.Д. Крячков. Новосибирск, 1991.

Баландин С.Н., Баландин В.С. Новосибирск: что остается в наследство?... История строительства и архитектуры здания театра оперы и балета. Новосибирск, 1990.

Берар Ева. Город и городская культура в XX в. // Санкт-Петербург: Окно в Россию. 1900–1935: Материалы международ. науч. конф. Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб., 1997. С.5–28.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М., 1997.

Время культуры и культурное пространство. Сб. тезисов докладов международной научно-практической конференции (Москва, 11–13 декабря 2000 г.). М., 2000.

Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х гг. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М., 2001.

- Глазычев В.Л. Культурный потенциал городской среды. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 1991.
- Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. ст./Под ред. И.В. Нарского. Челябинск, 2003.
- Город и культура. Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. А. Подболотов. СПб., 1993.
- Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995.
- Городская культура Сибири: история и современность. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.А. Алисов. Омск, 1997.
- Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 1994.
- Городская культура: традиции и новации. Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Красильников, Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2002.
- Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1996.
- Евлампиев И.И. Петербург, Москва, Рим: взаимосвязь культурных мифов (город как смыслообразующий центр культуры // Человек и город: пространства, формы, смыслы. Материалы Международного конгресса Международной Ассоциации семиотики пространства. Санкт-Петербург-Женева-Салоники-Екатеринбург: «Архитектон», 1998. Т.2. С. 215–223.
- Жеромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1988.
- Зак Л.М. История изучения советской культуры в СССР. М., 1981.
- Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып.1. М., 1999. С. 250–265.
- Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 60-е годы. М., 1999.
- Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. Тюмень, 1999.
- Иванов С.Г. Архитектура в культуротворчестве тоталитаризма. Философско-эстетический анализ. Киев, 2001.

Исаев В.И. Проблемы историографии и методологии изучения повседневной жизни городского населения // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX века. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 20–46.

Историография культуры и интеллигенции Сибири / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1978.

Историческая наука и историческое сознание / Б.Г. Могильницкий, И.Ю. Николаева, С.Г. Ким, В.М. Мучник, Н.В. Карначук. Томск, 2000.

Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2003.

История русской культуры IX–XX вв. / В.С. Шульгин, Л.В. Кошман, Е.К. Сысоева, М.Р. Зезина; под ред. Л.В. Кошман. – 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004.

Каган М.С. История культуры Петербурга. СПб., 2000.

Каганов Г.З. К поэтике обитаемого пространства // Человек. М., 1995. №4. С.37–38.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.

Коган Л.Б. Быть горожанами. М., 1990.

Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. М., 2003.

Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.

Кочемамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960.

Культура и интеллигенция сибирской провинции в годы «великого перелома». Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2000.

Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: Материалы региональной научной конф. Новосибирск, 2000.

Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / Отв. ред. К.Э. Разлогов. М., 2002.

- Лаппо Г.М. География городов. М., 1997.
- Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. Сб. статей / Науч. ред. А.П. Логунов. М.: РГГУ. С. 7–58.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. С. 158–162.
- Лукьянов Д.В. Теоретические и методологические аспекты историографической ситуации конца 1980 – начала 1990-х гг. // Образы историографии. Сб. статей / Науч. ред. А.П. Логунов. М.: РГГУ, С. 235–256.
- Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области. М.-СПб., 2001.
- Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., 1995.
- Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.
- Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. Сб. ст. М., 1995. С. 234–240.
- Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск, 1991.
- Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980. 272 с.
- Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты / Отв. ред. И.Б. Оглы. Новосибирск, 1999.
- Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000. 196 с.
- От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологии 70 лет / Отв. ред. К.Э. Разлогов. М., 2002.
- Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967.
- Памятники истории, архитектуры и монументального искусства г. Новосибирска. Каталог. Книга 1. Новосибирск, 1998.
- Памятники истории и культуры города Омска: Сб. статей / Отв. ред. П.П. Вибе. Вып.1. Омск, 1992.

- Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986.
- Памятники истории и культуры Сибири. Новосибирск, 1978.
- Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980.
- Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989.
- Паперный Владимир. Культура Два. М., 1996.
- Пеллегрини П. Смысл пространства // Семиотика пространства. Сб. научных трудов Международной ассоциации семиотики пространства / Под ред. А.А. Барабанова. Екатеринбург: «Архитектон», 1999. С. 69–92.
- Пеллегрини П. Человек и город: пространства, формы и смысл // The Man and the City. Spaces, Forms, Meanings. Человек и город, пространства, формы, смысл: Материалы Международного Конгресса Международной Ассоциации семиотики пространства 27–30 июля 1995 г. В 2т. Санкт-Петербург-Женева-Салоники-Екатеринбург, 1998. Т. II. С. 11–23.
- Пространственность развития и метафизика Саратова. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.П. Фокина. Саратов, 2001.
- Размустова Т.О. Город как историко-культурный феномен // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. Сб. ст. М., 1995. С. 75–81.
- Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории / Отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1998.
- Резун Д.Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Материалы Всерос. науч.-прак. конф. / Отв. ред. Д.А. Алисов, В.Г. Рыженко, Н.А. Томилов. Омск, 1995. С. 106–107.
- Репина Л.П. Интедисциплинарная история вчера, сегодня, завтра. Вместо предисловия // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М., 2003. С. 5–18.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- Российская провинция. Культура XVIII–XX вв. Сб. науч. ст. / Отв. ред. С.О. Шмидт, М.: РИК, 1992(1993).
- Рыженко В.Г. Состояние современных краеведческих исследований в сибирском регионе // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России. М., 1999. С. 207–217.

Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: история и современность. Омск, 2001.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 66–85.

Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Культура и интеллигенция региона в экстремальных условиях XX в.: Опыт историко-культурологического анализа (к историографии и методологии проблемы) // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Вып.4. Омск, 2000. С. 112–121.

Сибирский сад – территория мечты. Сб. материалов регионального научно-художественного проекта «Омск-Новокузнецк. 2002». Омск, 2004.

Сибирский пейзаж: пространство мифов. Сб. науч. ст. и материалов. Омск, 2000.

Советская региональная культурная политика: проблемы изучения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск, 2004.

Советское богатство: Статьи о культуре, литературе, кино. К 60-летию Ханса Гюнтера / Под ред. М. Балиной, Е. Добренко, Ю. Мурашова. СПб., 2002.

Соколов А. К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 279–344.

Соскин В.Л. Российская советская культура (1917–1927 гг.). Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

Соцреалистический канон. Сб. ст. / Под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. 1040 с.

Социокультурное пространство диалога / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999

Суций С.Я. Пространство российской культуры (центры и ареалы). Автореферат на соискание ученой степени доктора философ, наук. Ростов н/Д. 1997.

Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Р-на-Дону, 1994.

Сыродеева А.А. Опыт описания феномена локальности // Человек. 1995. №5. С. 35–46.

Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1999.

Урбанизация в формировании социокультурного пространства / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1999.

Феномен Петербурга. Труды Международной состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000.

Хазанова В.Э. Клубная жизнь и архитектура клуба. 1917–1941. М., 2000.

Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 1980.

Чирков В.Ф. Метафизика места. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. философ, наук. Омск, 2002.

Шлегель К. Петербург-Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию, 1900–1935. Материалы международной научной конференции, Париж. 6–8 марта 1997г. СПб., 1997. С.219–234.

Шулепова Э.А. Региональное культурное наследие и музеефикация памятников культуры Дона. М., 1998.

Шулепова Э.А., Селезнева Е.Н. Социокультурные аспекты формирования историко-культурной среды // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии. М., 2002. С. 46–69.

Яргина З.Н., Косицкий Я.В., Владимиров В.В., Гутнов А.Э., Микулина Е.М., Сосновский В. А. Основы теории градостроительства. М., 1986.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашев В.В. 54, 70, 150, 151
Аймермахер К. 80
Александров В.К. 135
Алексеев В.В. 9, 14, 20
Алексеев И.С. 210
Алексеева-Бескина Т.И. 43, 73
Алисов Д.А. 13, 120, 122, 208,
244
Антощук Л.К. 55, 128
Анциферов Н.П. 5, 27, 37, 46, 55
Афиногенова 119
Ахмеров С.И. 229
Ащепков Е.А. 12, 44, 133, 153,
174, 175, 176, 177, 228

Б

Бабаева А.В. 48
Бабенков Д.Е. 58,99, 105
Бабуров В.В. 169,212
Баженова Г.И. 24
Баландин С.Н. 60, 88, 89, 94,
97, 99, 141, 156, 190, 192, 194,
200, 206, 207, 209, 210, 250, 257,
259, 260, 261, 267
Баландин С.Н. 33
Балина М. 80
Баранов Н.П. 167, 171
Баранский А.В. 136
Барбюс А. 215
Бардт Т.Я. 62, 131, 210
Бардт Т.Я. 159
Барсуков 249
Безменова Т.В. 55,128
Бейтер Д. 31
Белогорцев Иг. 168,169, 170, 171
Белостоцкий Ю. 138
Белоусова О.А. 162

Берар Е. 31, 32
Березовая Л.Г. 68, 69
Берлякова Н.П. 68, 69
Биткин Б.А. 267
Близнакова М. 59
Блиновский В. 140
Блюм Е.Б. 262
Бобров А.П. 136
Богомолов З.Ф. 171
Богуславский 107
Бордюгов Г. 80
Братцев М. 200
Брумфельд У.К. 234
Бруштейн А.Я. 120
Бударин М.Е. 121
Букин С.С. 97
Бурлаков И.А. 194
Бурмакин Э.В. 55, 128
Бутырин Д. С. 145
Быков Н.А. 143
Былинкин Н. 173
Быстрицкий А. 180

В

Вайль П. 49, 50, 60
Вахтангов Е.Б. 119
Веденин Ю.А. 25, 26, 47
Веймана В.А. 140
Вернадский В.И. 25
Винников Н.И. 61
Витман В.А. 141
Вишневский А.Г. 37,116
Вишневского Вс. 119
Воинов П.А. 164
Воронов И.Т. 132
Ворошилов К. 218
Врубель М.А. 71
Высоцкая Т.М. 249

Г

Гамулин 249
Гарин-Михайловский Н.Г. 49, 50, 130
Гегелло А.И. 133,140,141, 168, 169
Герасимов А. 218
Гладштейн Г. Я. 88,258
Глазычев В.Л. 26, 29, 117
Гомаюнов С.А. 41,42,73
Гордеев Б.А. 132
Горький А.М. 75, 119, 121,
157, 199, 235
Горюшкина И.А. 120
Горяинова О.И. 24
Гофман В.Л. 140, 260, 261
Грабовский И. 80
Гревс И.М. 5, 27, 35, 46
Гринвальд Ю.К. 99
Громов В.П. 163, 199, 215
Гурова-Петренко О.В. 13
Гутнова Е.В. 145, 146, 147
Гюнтер Х. 154,212
Гюнтера Х. 80

Д

Дворин А.М. 229, 259, 262
Девятьярова И.Г. 197
Дергачева Н.А. 226
Деринг А.Ф. 135
Дзержинский Ф. 124, 166, 223
Дмитриенко Н.М. 9, 10
Добренко Е. 80, 154, 212
Добролюбов В.А. 200
Долнаков А.П. 135
Долнакова Е.А. 135
Доронин Г. 173
Дружинин А.Г. 47
Дружинина А.А. 119
Дубровский А.А. 135
Дугласом Джексоном В.А. 47

Е

Емельянов В. 200
Ерасов Б.С. 79

Ж

Жданов А.А. 199, 200, 226
Жеромская В.Б. 30
Жолтовский И.В. 209
Журавлев М.П. 115,116

З

Загорский Н. 124
Загривко И.И. 97,98,99
Зайцев 249
Зак Л.М. 34,45
Зверева Г.И. 40
Зезина М.Р. 68
Золотоносов М. 217,219,235, 251
Зоркая Н.М. 67
Зотева Л.А. 135

И

Иваненко А.С. 161,162
Иванов С.Г. 70, 85, 86
Иванова Т. 131,223
Игнатович С.М. 197
Иконникова С.Н. 22, 36
Иловайский С.Д. 119
Индинок И.И. 224
Иогансон В.А. 105
Исаев В.И. 60, 118
Исупов В.А. 30, 109

К

Каган М.С. 27, 79, 90
Каганович Л. 156

Каганский В.Л. 45, 46, 148
Казиковцев Г.М. 218, 245,
250, 253, 254
Калинин М.И. 171,194
Карра А.Я. 156,160
Карчевский Г.И. 228, 229
Касаткин В.А. 76, 77
Касьян А.К. 110, 123
Кин В. 119
Кириченко Е.И. 231, 244
Киришон В. 119
Кларк Катерина 212
Клыков 249
Колесников Н.Н. 120
Колесов М.Г. 119
Колобов Л.Н. 119
Колчак А. 158
Комисаров С.М. 119
Кондаков И.В. 28, 35, 36, 68
Кондриков Б.В. 115
Коонен А.Г. 144
Коржев М.П. 133, 156, 157,
158, 160, 254
Корнейчук А. 119
Коробов А.С. 232
Королев С.П. 144
Коршунов Б.А. 97, 99, 100,
101, 103, 106, 107
Косенкова Ю.Л. 32, 33, 39,
84, 86, 154, 155, 229, 230,
250, 258
Кочадамов В.И. 33, 197,
208, 226, 239, 250
Кошман Л.В. 68
Кравцов Г.Ф. 87, 258, 268
Крандиевская 219
Красильников С.А. 9
Круглова М.Г. 217
Круглова Т.А. 150
Крылов Г. 131,132
Крячков А.Д. 86, 87, 88, 89, 99,

141, 153, 174, 206, 258, 260, 261
Кудрявцев А.И. 190,191
Кузнецова Е.А. 132, 158, 189
Кузьмин А. 51
Кузьмины. 178,228
Куйбышев В. 165
Кулиш М. 119
Кунченко К.А. 171

Л

Лагутин К. 199,200
Лангбард И.Г. 214
Лебедева Н.И. 70, 118, 136, 209,
211
Лебина Н. 31
Ленин В.И. 99, 120, 134,
137, 138, 158, 162, 169,
178, 196, 217, 220, 224,
230, 251, 254, 261
Лихачев Д.С. 27, 232
Лобков З.И. 165, 197
Логунов А.П. 40, 127
Лосева В.И. 223
Лотман Ю.М. 79, 181, 182
Лубский А.В. 79
Луначарский А.В. 96, 97, 196,
197
Лунин 142
Лунц Л.Б. 156,160,165
Лучишкин С.А. 144
Лысенко 264
Львова. 195
Люхтерхандт-Михалева Г. 51

М

Магницкий А.В. 119
Май Э. 163
Майданюк Э. 138

Майков Б.В. 262
Макиров Н. 99
Максименков Л. 203
Максимов А.П. 262
Маликов А.Т. 143
Малкин Г.В. 104, 259
Мальшева С.Ю. 70
Мальте Рольф 39, 70
Манизер М. 142,213,214
Манякин С.И. 152
Маркс К. 88
Мартынов Л.Н. 136,137,146
Масленников В.С. 210, 260, 261
Мая Э. 162
Маяковский В.В. 163, 203, 206,
207, 208, 211, 240
Меркуров С.Д. 213,215,217, 219
Метельницкий К.Н. 135
Митин К. И. 267
Михайлов А.С. 87, 259, 268
Мичурин И. 168
Молотов В. 163
Мордвинов А.Г. 140
Мордвов А.П. 262, 264, 265, 266
Морозов А.И. 218,255
Морозова Е.Г. 137
Московский А.С. 109
Мурадели В. 228, 262
Мурашова Ю. 80
Мурзина И.Я. 150 Мухина В. 245

Н

Назимова В.Ш. 13,41,42,45,
72, 77, 79, 149
Нарский И.К. 3
Невский В.И. 190
Немчинов В.М. 52, 53
Никулина В.Н. 226
Никульков А.В. 50, 130

О

Оглы Б.И. 33, 86, 87, 94, 97,
109, 111, 130, 131, 156, 190,
194, 211, 250, 257, 258, 259, 268
Окунева Р.М. 87, 258
Опочинская А. 259
Органов Л.И. 102
Орешина М.А. 14
Осипов К.Е. 62, 131, 159,267
Островский А. 119

П

Палашенков А.Ф. 168,240
Панич А.Н. 171
Паперный В. 39, 77, 84, 197,
199, 212, 219, 234,
236, 238, 245, 250,
251, 257, 265
Парфенов Г.С. 121
Пекарева Н. 227
Пеллегрини П. 29
Петровский 258
Пивкин В.М. 61, 62, 131,
159, 210, 251, 252
Пивоваров Г. 138
Пиксанов Н.К. 5
Пиксанова Н.К. 27
Плаггенборг Ш. 66, 67
Плахотных П. 124
Погодин 119,120
Подболотов П.А. 27
Покровский Н.Н. 9
Покрышкин А.И. 142,214, 223, 229, 230
Покрышкина М.К. 229
Поспелова Л.Б. 227

Привалихина С. 138,217, 218, 220,
253, 254
Протасова Т.Н. 165
Протопопов Н. 173, 195, 230
Проخورова М.И. 133, 156, 157,
158, 160, 254
Прусская С.С. 119
Пустоветов Г.И. 260
Пушкин А.С. 143,219

Р

Разлогов К. Э. 67
Размустова Т.О. 5
Райлян В.Ф. 168
Рамман 191
Ревердатто В.В. 259
Резун Д.Я. 9
Ремизов А.В. 224
Репина Л. 5
Рогов 229
РодионовА. 124
Розеньер Л.Л. 124
Рубаненко Б. 227
Рубль. 234
Руднев Л. 98
Ручинский П. 111,113,115
Рыженко В.Г. 6, 13, 41, 42,
45, 70, 72, 77, 79, 136, 139,
150, 162, 187, 189, 190
Рыженков С. 51
Рясенцев Б. 142, 143

С

Сайко Э.В. 17,28,43,80
Сакович Л.Г. 260
Сальникова А.А. 70,150, 152, 161
Свердлов Я. 223
Семенов В.Н. 102
Сенявский А.С. 20,21
Серебряков Г. 86,260

Сибиряков В.Н. 190
Сигутов П.Т. 110
Сизинцева Л.И. 5
Силкина Л.В. 64
Синявер А.И. 141
Скобликов С.П. 87,259, 268
Славин 119
Смагин Б.А. 27
Смирнов Л.А. 87,228,261
Соколов А.К. 181
Соколов-Добрев И.И. 87, 258
Соскин В.Л. 4, 65, 66, 67, 70, 79
Спирина И.В. 71
Сталин И.В. 87, 124, 125, 131,
132, 134, 137, 138, 142,
143, 156, 157, 160, 167,
168, 169, 172, 175, 176,
178, 195, 196, 203, 211,
217, 218, 219, 220, 223,
224, 226, 228, 236, 238,
239, 244. 245, 251, 254,
261, 262
Станиславский К.С. 88
Станкин И. 113
Степанская Т.М. 135
Сухотин А.К. 55, 128
Суций С.Я. 47
Сысоева Е.К. 68

Т

Таиров А.Я. 143
Тайченев Ю.П. 87,261
Тейтель В.М. 62, 131, 132,
141, 158, 159, 207, 230,
251, 252
Теплов А.Ф. 119
Терентьева Б. А. 119
Тимошенко А.И. 97
Томский Н. 227
Торский В.Ф. 119,120
Туполев А.Н. 144

Тургенев С.П. 132

У

Удонова Н.В. 264, 265, 266

Ф

Фадыш 219
Федорович В. 124
Филиппова А. 51
Фокина Т.П. 51,52,53,54, 57, 128
Фомин И.А. 98
Фрейлих Т.Д. 125
Френк Г.Х. 136
Фридман Ю. 138

Х

Хазанова В.Э. 59, 192, 197
Харчук А. 261
Хмельницкий Б. 167
Храненко А.Ф. 262, 264, 265,
266, 267
Хренов Н.А. 28,80

Ч

Чайковский П.И. 124
Черкасов Н. 143
Черкасова Н. 142
Черноок С.В. 76
Чернышев С.Е. 140
Чирков В.Ф. 56, 57
Чкалов В.П. 172
Чуфаров В.Г. 45

Ш

Шепелева В.Б. 124
Шкулов Г.Г. 157, 164, 165,
166, 238, 239, 240
Шлегель К. 22,23,49
Шмурнова И.В. 28
Шолкин 142
Шостакович Н. 143
Шулепова Э.А. 5
Шульгин В.С. 68
Шумилова Е.Н. 164
Шумов А. 233
Шустрова И. 5

Щ

Щербакова Н. 112,114,115, 116

Э

Эррен Л. 18

Ю

Юрасова М.К. 112,226
Юрцовский Н.С. 103

Я

Яковенко И.Г. 28
Якшин С. 208
Яневская С.В. 119,120
Янковская Г.А. 150, 151, 152
Яновицкий Л.А. 207
Ястребова Н.А. 81, 82,83
Dreyer С. 29
Piermeier R. 10
ШадрИ.Д. 214,235
Шахеров В.П. 9

Содержание

Предисловие.....	3
Часть 1. Российский город и культура советской эпохи в новейших исследовательских практиках.....	14
О возможностях историко-культурологического подхода к изучению российского города XX века.....	17
Теоретические и исторические аспекты изучения символики культурного пространства советского города.....	40
Советская массовая культура в ландшафте крупного города: дискуссионные вопросы.....	64
Проблема переходных состояний в культуре России XX века и советская культура 1930-х – 1950-х гг.....	79
Часть 2. Трансформации социокультурных реалий и символического облика крупного западносибирского города (1920-е – 1950-е гг.).....	90
Интеллигенция и проекты преобразования городского пространства «столицы» региона (1925–1930 гг.).....	93
Динамика социально-культурных характеристик крупного западносибирского города в 1930-е гг. (на материалах г. Омска).....	109
Образ сибирского города в предвоенные годы и в условиях Великой Отечественной войны.....	127
Признаки культуры сталинской эпохи в городском пространстве 1940-х – первой половины 1950-х гг. и их западносибирская специфика.....	148
Часть 3. Фрагменты культурно-цивилизационного ландшафта крупного западносибирского города в мифах и реалиях советской эпохи (об использовании визуальных источников).....	180

Первые городские мемориальные символы героической эпохи в проектах и сооружениях (комментарии к иллюстрациям №1–3).....	184
Рабочие клубы и Дворцы культуры – особые детали культурного пространства советского города (комментарии к иллюстрациям № 4–9)....	192
Кинотеатры – символы культуры 1930-х – 1940-х гг. и ландшафта советского города (комментарии к иллюстрациям №10–13).....	203
Исчезнувшие символические координаты культурного пространства советского города (комментарии к иллюстрациям №14–21).....	212
Роль садово-парковых сооружений в городском ландшафте и советская культура (комментарии к иллюстрациям №22–30).....	232
Проекты Дома Архитектора – нереализованный элемент советского облика Новосибирска (комментарии к иллюстрациям №31–32).....	257
Послесловие.....	271
Список основной литературы.....	276
Именной указатель.....	283

SUMMARY

COnceptiOn of the project "Cultural space of a west-siberian city in the Soviet period (1920–50 yrs)" cOnsists in study of cultural space of cities of the regiOn under socio-political and urban processes' influence during the Soviet period. Particular interest of the project's participants has been focused On exposure of cultural-civilized area's specific signs in regiOnal big cities under circumstances of ideological priorities in social cOnstructiOn, and also On "social cities "creatiOn as a special settlement type. The stated perspective is lacking in the newest historiography of Russian culture in the twentieth century and its regiOnal branch.

Interdisciplinary principles have become a methodological base for the project's realizatiOn. As a bearing model has been chosen historico-cultural study of cities.

During the study of west-siberian urban settlements has sprung up a tentative hypothesis of presence of three transformatiOn types of their cultural space (1920–1930, 1941–1945, secOnd half of the fourties – middle of the fifties. As a result of researches this hypothesis has been cOnfirmed.

The chosen topic has appeared to be new for Siberian researches. It is found at the turn of twentieth century city history, culture history, intelligentsia history. Foreign historico-urban experience has been also cOnsidered and the "forgotten" experience of Russian humanitarians of the end of the twentieth century has been actualized.

Three equitable problems of topic's study have been realized: theoretic-methodological grounds of research, cOncrete historical and socio-cultural research of west-siberian cities' cultural space transformatiOn On basis of new informatiOn of their archival sources and branch investigatiOns, also has been realized an experiment On verificatiOn if it is possible to use visual sources to recreate city's image in the aggregate of realities and myths of the Soviet period.

On the basis of the results received has been presented a new generalized vivid characteristic of cultural civilized image of a big Siberian city in combinatiOn with ideological myths and routine life realities, and has been marked out regiOnal and local peculiarity.

InformatiOn collected is generalized in the book's manuscript, prepared to publish.

Научное издание

В.Г. Рыженко, В.Ш. Назимова Д.А. Алисов

Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики

(на материалах Западной Сибири)

В авторской редакции
Корректор *Л.В. Новоселова*
Технический редактор *Д.В. Пискарев*

Подписано в печать 15.12.2004. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ.л. 15,25. Уч.-изд. л. 14,18.
Тираж 200 экз. Заказ П-146.

Издательство ООО "Издательский дом «Наука»".
Отпечатано в типографии ООО "Издательский дом «Наука»",
Омск, ул. Герцена, 158, тел./факс (3812) 24-58-84